

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 1 (116) / 2022

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, Е. А. Булат, А. Н. Гордей, Е. А. Гапанович,
Е. Г. Задворная, Т. В. Поплавская,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Биюмена А. А.</i> Диалогичность в газетном макротексте: полемика и квазиполемика.....	7
<i>Корбачёва Т. В.</i> Семантика слова с позиции лексикографа и носителя языка.....	14
<i>Сысоева Т. А.</i> Закономерности дескрипции театрального события в текстах юмористических жанров.....	25
<i>Шиманская О. Ю., Карасюк Я. О.</i> Типологические особенности метафоризации зооморфных диминутивов	32

Романское и германское языкознание

<i>Завацкая В. В.</i> Репрезентация концепта «дом» в американском публицистическом дискурсе начала XX века	40
<i>Лойша М. М.</i> Структурно-морфологические особенности нарративного сюжета на тему коронавируса в политическом дискурсе	48
<i>Морозова Л. П., Устинович В. В.</i> Структура и семантика рематического тона во французских общевеверификативных высказываниях	55
<i>Мяховский А. А.</i> Структура гиперо-гипонимической иерархии «названия животных» в английском языке	67

Востоковедение

<i>Ван Сяонань.</i> Содержательно-смысловые характеристики современной англоязычной периодики Китайской Народной Республики ...	76
<i>Ху Вэй.</i> Логоэпистема как единица передачи культурно-прагматической информации в русских и китайских баснях	83

Литературоведение

<i>Бурдзялёва І. А.</i> Чалавек і гісторыя ў апавесці Е. Вежнавец «Па што ідеш, воўча?»	90
<i>Гронская В. Ч.</i> Ідэя калектыўнай адказнасці ў нацыянальным наратыве аўстрыйскай літаратуры другой паловы ХХ стагоддзя.....	97
<i>Губская О. Н.</i> Литература факта и эго-документ как два самостоятельных явления в белорусской литературе	104
<i>Драничников Н. М.</i> Основные причины становления мистификации в литературном наследии Томаса Чаттертона.....	113

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Biyumena A. A.</i> Dialogueness in the Newspaper Macrotext: Polemics and Quasipolemics.....	7
<i>Karbachova T. V.</i> Meanings of Words From the Position of a Lexicographer and a Native Speaker	14
<i>Sysoyeva T. A.</i> Description of a Theatrical Event in Humorous Texts.....	25
<i>Shymanskaya O. Yu., Karasiuk Ya. O.</i> Typological Features of Diminutive Zoomorphic Metaphors	32

Romance and Germanic Linguistics

<i>Zavatskaya V.</i> Functioning of the «House» Concept in the Early XX Century American Publicistic Discourse.....	40
<i>Loisha M. M.</i> Structural and Morphological Features of Narration on Coronavirus Pandemic in Political Discourse.....	48
<i>Morozova L. P., Ustinovich V. V.</i> Structure and Semantics of the Rhematic Tone in French Utterances with Verum Focus.....	55
<i>Miakhouski A.</i> The Structure of the Hyper-Hyponymic Hierarchy “Animal Designations” in the English Language	67

Oriental Studies

<i>Wang Xiaonan.</i> Content and Sense Characteristics of the Modern English-Language Periodicals of the People’s Republic of China.....	76
<i>Hu Wei.</i> Logoepistem as a Unit of Transmission Cultural and Pragmatic Information in Russian and Chinese Fantasies	83

Studies in Literary

<i>Burdzialova I.</i> Man and History in the Story of E. Vezhnavets “What are You Going for, Wolf?”	90
<i>Gronskaya O.</i> The Idea of Collective Responsibility in the National Narrative of Austrian Literature of the Second Half of the Twentieth Century	97
<i>Gubskaya O. N.</i> The Literature of Fact and the Ego-Document as Two Independent Phenomena in Belarusian Literature	104
<i>Dranichnikov N. M.</i> The Reasons why Mystification Became the Cornerstone of Thomas Chatterton’s Literary Legacy	113

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'42(045)

Биюмена Анна Александровна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Anna Biyumena

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Speech Studies and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
a-mesyats@tut.by

ДИАЛОГИЧНОСТЬ В ГАЗЕТНОМ МАКРОТЕКСТЕ: ПОЛЕМИКА И КВАЗИПОЛЕМИКА

DIALOGUENESS IN THE NEWSPAPER MACROTEXT: POLEMICS AND QUASIPOLEMICS

В статье рассматриваются диалогические отношения диссонансного (полеми-ческого) и квазиполемического типов в печатном медиадискурсе Беларуси в различные исторические периоды. Определена основная тематика и языковая специфика макро-текстовых единств в прессе, подчеркивается экстралингвистическая обусловленность функционирования макротекста в белорусском газетном дискурсе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *медиадискурс; пресса; диалогичность; макротекст; диссонансные отношения; полемика; квазиполемика.*

The article examines the dialogical relations of dissonant (polemical) and quasi-polemical types in the print media discourse of Belarus in different historical periods. The main topics and linguistic specificity of Belarusian newspaper macrotext are determined, the extra-linguistic conditionality of its functioning is emphasized.

Key words: *media discourse; press; dialogueness; macrotext; dissonant relations; polemics; quasi-polemics.*

Речевая деятельность обладает свойством диалогичности, поскольку высказывание социально – оно всегда к кому-то обращено, имеет адресата [1, с. 212]. По мнению М. Н. Кожиной, диалогичность является фундамен-тальным свойством речи, которое реализует коммуникативную функцию языка и может выражаться как эксплицитно в диалогической речи, так и имплицитно в монологических по форме произведениях [2]. По справед-ливому замечанию М. М. Бахтина, «Реальный диалог омывает... все моно-логические и условно-диалогические формы, служит их лоном и коррек-тивом... Абсолютный монолог, который был бы языковым монологом, исключается самой природой языка» [1, с. 212–213]. Многие ученые подчеркивают такие составляющие категории диалогичности, как направлен-ность на адресата (адресованность) и ответность как предвосхищение

реакции адресата [2; 3; 4]. Диалогический подход к анализу текста предполагает его рассмотрение с точки зрения интерсубъектности как манифестации столкновения и переплетения различных «голосов», мнений, смысловых позиций, то есть как особый тип смысловых отношений [3; 5, с. 41; 6; 7, с. 4].

Диалогичность является фундаментальным свойством публицистической речи, поскольку, как отмечает М. А. Кормилицына, запланированное автором текста воздействие на адресата возможно осуществить лишь при условии его вовлечения в обсуждение значимых социальных проблем, сближения оценок и позиций автора и реципиента [8, с. 212]. В медиадискурсе выделяют такие типы диалогичности, как внешняя диалогичность, которая эксплицируется в жанрах интервью, беседы и т. п.; внутритекстовая диалогичность – полифоническая репрезентация нескольких «голосов», смысловых позиций во внешне монологическом тексте; макротекстовая диалогичность, представляющая собой взаимодействие смыслов, возникающее между примыкающими друг к другу текстами [3].

Проведенный анализ показал, что логические отношения, возникающие внутри макротекстовых единств в газетном дискурсе, можно разделить на унисонные (выражающие одобрение, совпадение точек зрения), диссонансные, или полемические (противоположные или противоречащие друг другу мнения или оценки), комплементарные (точки зрения или позиции, дополняющие друг друга) и квазиполемические (мнения, представленные в расположенных на одной странице статьях, на первый взгляд, противоречат друг другу, но фактически, выражают одну и ту же идею).

Цель настоящей статьи – выявить специфику экспликации полемических и квазиполемических диалогических отношений в газетном макротексте Беларуси на материале республиканских, областных, районных газет, публиковавшихся в различные исторические периоды. Материал исследования составили 200 макротекстовых единств, извлеченных из газет 1930-х, 1950–1970-х, 1990-х гг. и современной прессы (по 50 фрагментов для медиадискурса каждого периода).

Диссонансные (полемические) отношения. Полемику рассматривают как процесс обмена позициями, публичный спор, борьбу принципиально противоположных мнений по тому или иному вопросу с целью отстоять свою точку зрения и доказать несостоятельность позиции противника (Б. С. Жумагулова, Е. Н. Зарецкая, А. А. Ивин, Л. Г. Павлова, В. В. Тулупов и др.). Полемический дискурс – это сложное коммуникативное явление, выполняющее эмотивную функцию и направленное на достижение прагматического эффекта внушения, убеждения или побуждения, которое основано на коммуникативном взаимодействии субъектов в процессе обсуждения социально значимых вопросов [9, с. 8; 10, с. 8].

Распространенность полемических текстов в пространстве медиадискурса связана, в первую очередь, со свойственной человеку тенденцией мыслить парными категориями и принимать решения через сравнение

и противопоставление [10, с. 3]. По мнению Е. П. Прохорова, в диалоге непременно должны присутствовать дискуссия, критика, борьба мнений, полемика, поскольку конструктивным диалог может быть только «при условии единения “утверждения и отрицания”» [11, с. 5].

В белорусской прессе советского периода, как в 1930-е, так и в 1950–1970-е гг., диссонансные отношения нередко встречаются в пространстве макротекста трудовой тематики, при этом соотношение положительно-оценочных и отрицательнооценочных публикаций в нем примерно одинаковое. Так, в республиканской газете «Советская Белоруссия» 9 апреля 1938 г. были опубликованы четыре статьи, описывающие ударный труд представителей тех или иных профессий, выполнение и перевыполнение норм и обязательств и т. п. («Стахановская работа трактористов», «Включились в предмайское соревнование», «Улучшают работу», «Производственный подъем на транспорте») и шесть материалов о недоработках, невыполнении планов, срыве работы и т. п. («Не придерживаются норм высева», «Трактора возвращаются в мастерские», «Преступное игнорирование единоличников», «Срывают производственную практику», «Беспорядки в столовых Витебска», «Неблагоустроенный переулок»). Из пяти материалов, составляющих трудовой макротекст в гродненской областной газете «Знамя Октября» за 1 сентября 1962 г., две рассказывают о высоких темпах уборки урожая («По 15 гектаров в день» и «Герои жатвы»), а три статьи посвящены срыву уборки и заготовки сельскохозяйственной продукции по вине руководителей соответствующих хозяйств («В поле деньги, в кассе пусто», «Урожаю грозит гибель», «На бумаге и на деле»).

Публикации, репрезентирующие желательные поведенческие модели, характеризуются положительной оценочностью и высокой концентрацией лексики, описывающей высокие результаты труда, успешные действия, энтузиазм образцовых работников и проявляемые ими качества (*высокие* (урожаи), *прекрасные* (образцы), *большая* (работа), *стахановские рекорды*, (производственный) *подъем*, *улучшение*, *дружно*, *образцово*, *выполнить*, *улучшать*, *перевыполняет* (план): *Не откладывая дело, наряду с молотьбой рабочие дружно ведут сев озимых; Готовясь к 1-му Мая, коллектив значительно улучшает свою работу.*

Критические статьи насыщены негативнооценочной лексикой, называющей неуспешных работников и их характеристики, а также неэффективные и халатные действия конкретных руководителей и исполнителей (*не посчитали нужным*, *не выполнен*, *нарушения*, *неразворотливость*, *мертвый* (капитал), *незадачливые* (руководители), *застала врасплох*, *срывать*, *пустили на самотек*, *игнорируется*, (проявляют) *безрукость*, (трудятся) *с прохладцей*, *смотрят сквозь пальцы*): *Но руководители хозяйства не посчитали нужным организовать вслед за агрегатом связку льна в снопики; У студентов создается определенное мнение, что т. Венер решил сорвать производственную практику.*

В прессе 1950–1970-х гг. встречаются полемические макротексты, освещающие другие темы, находившиеся в фокусе общественного внимания, например, партийную жизнь. Две статьи, посвященные этому вопросу, опубликованы 13 января 1952 г. в кобринской районной газете «Труд» – «Наши беспартийные активисты» и «Нет роста парторганизации». В первой публикации идет речь о готовящихся к вступлению в партию беспартийных членах колхоза, которые проводят агитационную работу в деревне, что, в свою очередь, способствует повышению трудовой дисциплины и улучшению производительности труда. Позитивнооценочный заряд данного материала эксплицируют лексемы *сплоченный, помогать, хороший, способный, неплохо, улучшить, честь, справляться*: *Беспартийные Ф. Савчук, В. Бекиш, Н. Савчук стали **хорошими** агитаторами; Опираясь на беспартийный актив, колхозная партийная организация **неплохо справляется** со всеми хозяйственными и политическими задачами.*

Вторая статья акцентирует внимание на недостатках в работе партийной организации одного из сельсоветов района, не подготовившей ни одного кандидата в члены партии и не уделяющей достаточного внимания планированию посевной. Эта публикация изобилует негативнооценочными лексическими единицами *недостатки, недостаточно, недовыполнили (план), низкий (рост), слабо, хищение, резкая критика*: ***Слабо** проводится работа среди женщин, в результате чего колхозы сельсовета «Красный борец» и «Расцвет» **недовыполнили** план сдачи льноволокна, а в колхозе «Расцвет» имело место **хищение** колхозницами льнотресты.* Большинство использованных в статье в контексте негативной оценки глаголов употребляются в отрицательной форме и имеют семантику ‘желаемое действие, которое не было выполнено’ (*не занимается, не подготовила, не уделяла (внимания), не закончен, не приступили*): *Самым серьезным недостатком в работе является то, что партийная организация **не занимается** вопросами роста и за отчетный период **не подготовила** ни одного товарища к вступлению в члены ВКП(б).*

В современных белорусских газетах встречаются диссонансные макротексты, посвященные социально значимым вопросам. Чаще всего они состоят из двух публикаций, маркированных противоположной оценочностью. Так, в областной газете «Мінская праўда» за 3 апреля 2020 г. в рамках рубрики «Год малой Радзімы» были опубликованы материалы «Толока, которая сплотила» о том, как местные жители помогают в реконструкции церкви в Вилейке и «“Забытые” дороги» о дорожной ситуации в д. Аксакловица об отсутствии тротуаров и пешеходных дорожек, нехватке общественного транспорта и необходимости строительства разворотного кольца.

Первая публикация выдвигает в фокус внимания положительные аспекты совместной деятельности и солидаризации людей, что подчеркивается с помощью лексических единиц *единомышленники, соборно, сплотить, помогать, помощь, поддержка*: *Достраивают церковь **соборно**;*

*В благом деле нашлись **единомышленники**; Реконструкция **сплотила** прихожан.* Негативнооценочный модус второй статьи эксплицируется разнообразными языковыми единицами, описывающими неудовлетворительное состояние дорог (*ухабы, трещины, колдобины, провалы, выбоины, не в лучшем состоянии*), случающиеся на дорогах происшествия (*травма, инцидент, упала, повредила* (позвоночник)), эмоциональное состояние жителей населенного пункта (*боятся, сетует, недовольны, беспокоит, ломают голову*) и ненадлежащее выполнение работниками дорожной службы своих обязанностей (*плохо* (почистили), *не сделали, бессовестно*): *Но уже через два года на участке появились ухабы, пошли трещины, и новый асфальт превратился в крошку; Здесь можно запросто получить травму; Теперь люди ломают голову, как добраться до города; Меня удивляет, как люди так бессовестно относятся к своему делу, – эмоционально резюмирует Мария Ивановна.* Средством усиления отрицательной оценочности служит также прецедентный феномен *но воз и ныне там: Договорились три года назад с ДРСУ, чтобы нам подсыпали асфальтную крошку, но воз и ныне там.*

Публицистический дискурс первой половины 1990-х гг. в целом характеризуется повышенной агональностью, конфликтностью и агрессивностью, которые отражают обеспокоенность и разочарованность людей ухудшающейся экономической ситуацией в стране и понижением уровня жизни [12]. В это время полемичность в газетном дискурсе Беларуси реализуется преимущественно внутри текста как противопоставление негативной позиции автора статьи сложившейся в обществе ситуации, в рамках макротекстовых единств диссонансные диалогические отношения менее частотны.

В прессе указанного периода отмечаются **квазиполемические отношения** между компонентами макротекста, для которых характерно противопоставление точек зрения авторов публикаций, которые на самом деле не являются агональными по отношению друг к другу. Например, напечатанные в областной газете «Гродненская правда» 25 июля 1992 г. два письма читателей посвящены одной теме – обесцениванию рубля и расчетам с использованием монет. Первый материал под названием «Сколько можно!» содержит эмоциональную реакцию читателя на ситуацию с отсутствием у продавцов мелких монет на сдачу и предложение округлить цены, чтобы не использовать копейки (*Кому нужны эти бестолковые цены с копейками, которых нет?*). Вторая публикация «Эх, копеечка...» обращает внимание на ценность копейки в сознании людей и даже содержит историческую справку о ценности копейки в прошлом: *А ведь когда-то мелкая монета была в почете. <...> В память об этом до сих пор в разговорной речи бытуют выражения «в копеечку влетело», «без копейки в кармане», «копейка в копейку» и другие. О ее былом авторитете говорит и тот факт, что два столетия назад фальшивомонетчики не гнушались и подделкой копейки. По свидетельству журнала «Наша старина» за 1917 год (как-то попался*

на глаза) во второй половине XVIII века в Москве на одну медную копейку можно было купить: хлеба ржаного два фунта, 1 фунт ситника, 6 крупных калачей, 5 кренделей, французских хлебов 300,75 грамма.

На первый взгляд, эти письма находятся в полемических отношениях по отношению друг к другу, поскольку содержат противоречащие смысловые позиции. Однако очевидно, что главная интенция обоих авторов совпадает – выразить негативную эмоциональную реакцию на изменения в социально-экономической жизни, о чем свидетельствует и большое количество лексики с отрицательнооценочным зарядом, а также метафоры, сравнения, фразеологизмы, в семантику которых инкорпорирована негативная оценка (*под гнетом жизни, сдала копейка, как милостыня, днем с огнем не сыщешь, бестолковые*).

Как показывает проведенное исследование, публикации белорусской прессы, организованные в полемические или квазиполемические макротексты, обычно эксплицируют фокусированную полемику [13], ведущуюся в рамках определенной социально значимой темы, соответствующей ожиданиям читательской аудитории. Так, в советский период наиболее частотными в белорусских печатных изданиях являлись макротексты, посвященные теме труда, в которых противопоставлялись образцы ударной работы и примеры неудовлетворительного выполнения трудовых обязанностей. Современные газеты нередко публикуют макротекстовые единства, объединенные полемическими отношениями, в которых находят отражение разнообразные социальные проблемы (бытовые, коммунальные и т. д.). Специфической особенностью газетной публицистики первой половины 1990-х гг., преимущественно характеризующейся отрицательной оценочной окрашенностью, выступает феномен квазиполемического макротекста, в котором одна из публикаций якобы находится в диссонансных отношениях с остальными статьями, но, фактически, эксплицирует тот же негативный оценочный модус.

Газетный макротекст не является простой суммой составляющих его компонентов, а представляет собой единство, в котором отдельные статьи одновременно функционируют как самостоятельные единицы и как неразрывные части целого, обогащая и видоизменяя содержание каждой публикации. Через противопоставление и столкновение мнений и смысловых позиций внутри макротекста журналисты удовлетворяют информационные запросы различных групп читателей, выражают эмпатию с ними, привлекают на свою сторону широкую аудиторию и формируют общественное мнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров» / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин ; Ин-т мировой лит. РАН. – М., 1996. – Т. 5 : Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – 1997. – С. 207–286.

2. *Кожина, М. Н.* О диалогичности письменной научной речи / М. Н. Кожина. – Пермь : ПГУ, 1986. – 91 с.
3. *Дускаева, Л. Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева ; под ред. М. Н. Кожиной. – Изд. 2-е, доп., испр. – СПб. : СПбГУ, 2012. – 274 с.
4. *Бахтин, М. М.* Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Изд. 2-е. – М., 1986. – С. 250–296.
5. *Плеханова, Т. Ф.* Текст как диалог / Т. Ф. Плеханова. – Минск : МГЛУ, 2003. – 251 с.
6. *Бахтин, М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Изд. 2-е. – М., 1986. – С. 297–325.
7. *Берков, В. Ф.* Диалог: логические и этические измерения : учеб-метод. пособие / В. Ф. Берков, Я. С. Яскевич. – Минск : РИВШ БГУ, 2001. – 80 с.
8. *Кормилицына, М. А.* Риторическая организация речи (адресованность речи) // М. А. Кормилицына // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – Изд. 2-е, испр. – М., 2007. – С. 211–222.
9. *Ерохина, М. В.* Приемы и функции полемики в журнальной литературной критике второй половины 1980-х годов : автореф. ... канд. филол. наук : 10.01.01; 10.01.10 / М. В. Ерохина ; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2010. – 18 с.
10. *Шестерина, А. М.* Полемический текст в современной прессе : автореф. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / А. М. Шестерина ; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Воронеж, 2004. – 40 с.
11. *Прохоров, Е. П.* Журналистика в режиме диалога / Е. П. Прохоров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 1995. – № 1. – С. 3–14.
12. *Биюмена, А. А.* Содержание медиатекстов как отражение ситуации в обществе / А. А. Биюмена // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2019. – № 4(101). – С. 32–39.
13. *Олешко, В. Ф.* Журналистика как творчество / В. Ф. Олешко. – М. : РИП-холдинг, 2003. – 222 с.

Поступила в редакцию 18.01.2022

Корбачёва Татьяна Валерьевна

магистр филологических наук,
преподаватель кафедры фонетики
и грамматики испанского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tatiana Karbachova

Master of Philology, Lecturer at the
Department of Phonetics and Grammar
of the Spanish Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
corbatan@rambler.ru

СЕМАНТИКА СЛОВА С ПОЗИЦИИ ЛЕКСИКОГРАФА И НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

MEANINGS OF WORDS FROM THE POSITION OF A LEXICOGRAPHER AND A NATIVE SPEAKER

В статье рассматриваются содержательные характеристики значений слов, объективируемые в описаниях профессиональными лексикографами и носителями языка. На примерах лексикографических дефиниций названий времен года, приводимых в авторитетных словарях русского языка, и определениях этих слов, предлагаемых носителями языка, демонстрируются вариативность набора признаков в представлении значений слов, разные структуры и границы их семантического описания. При этом и лексикографы, и носители языка придерживаются определенной семантической модели представления значения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лексическое значение; дефиниция; концептуальная структура; вариативность; семантический потенциал.

The article deals with significant characteristics of word meanings objectified in their descriptions by professional lexicographers and native speakers. On the examples of lexicographic definitions of the season names given in the authoritative dictionaries of the Russian language, and the definitions of these words offered by native speakers, the variability of sets of features represented in the word meanings, different structures and boundaries of their semantic descriptions are demonstrated, despite the fact that both lexicographers and native speakers adhere to some semantic model of meaning representation.

Key words: lexical meaning; definition; conceptual structure; variability; semantic potential.

Тема данной работы продиктована активным обращением ведущих лингвистов советского и постсоветского периода, зарубежных ученых к самым, казалось бы, простым словам в поисках решения важнейших проблем лексической семантики, среди которых центральной является раскрытие того, что скрывается, по образному выражению Е. С. Кубряковой, в глубинах «семантического айсберга». Не случайно, определяя главные цели современной лингвистики, Н. Хомский поставил данный вопрос на первое место в общем перечне следующих проблем: «1) что представляет собой знание языка, что существует в мозгу/сознании говорящего на английском, испанском или

японском языках; 2) как возникает эта система знаний в мозгу/сознании; 3) как используется эта система знаний в речи (или вторичных системах, таких как письмо); 4) каковы физические механизмы, используемые в качестве материальной базы для этой системы знаний и для применения этих знаний» [1, р. 3] (перевод наш. – Т. К.).

Сразу же подчеркнем, что необходимость ответить на вопрос, что несет в себе то или иное слово, возникла не сегодня и не в теории языкознания, а в практике пользования языком. Такая необходимость объективировать и описывать значения слов человечеством ощущается с самых ранних моментов его существования, несмотря на то, что люди успешно пользуются языком, употребляя слова и организуя их в определенные высказывания для выражения своих мыслей, намерений, состояний и др. Под давлением коммуникативных потребностей, постоянно возникающих в повседневной коммуникации, потребностей обучения как родному языку, так и иностранному, под давлением культурных потребностей прочтения и понимания литературных памятников и многих других социальных и психологических факторов человечество пытается найти решение данной практической задачи в виде метаязыковой деятельности в ее разных проявлениях.

Цель предлагаемого ниже исследования – выявить объективируемое содержание лексических единиц путем сравнения данных, полученных в разных видах его описания: 1) профессиональной деятельности лексикографов и 2) метаязыковой деятельности «наивных лингвистов» – носителей языка. Сравнив словарные толкования лексических единиц, представляющие собой результат профессиональных попыток экспликации значений слов, с одной стороны, с результатами направленного ассоциативного эксперимента по определению значений слов носителями языка, с другой, сопоставив, наконец, данные, извлеченные из метаязыковых описаний, с контекстуальными наблюдениями, мы полагаем: комплексный анализ того, что становится объективируемым в значении слова, будет способствовать решению первоочередной задачи в лингвистике – выявлению семантического потенциала лексических единиц, содержательных характеристик и границ значения, определению его источников и разработке методов анализа.

Для нашего анализа были выбраны наименования времен года в русском языке: *зима, весна, лето, осень* – простые слова, по-видимому, известные носителям русского языка с самого раннего возраста, частотные, хотя у конкретных слов показатели частотности не совпадают. В качестве лексикографических источников нами выбраны Семантический словарь русского языка под ред. Н. Ю. Шведовой [2] (ССРЯ), Малый академический словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой [3] (МАС), Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова [4] (СОЖ), Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля [5] (Словарь Даля) (табл. 1).

Словарные дефиниции наименований времен года в русском языке

	ССРЯ	МАС	СОЖ	Словарь Даля
<i>весна</i>	Время года, следующее за зимой и предшествующее лету; время, когда природа оживает.	Время года между зимой и летом.	Время года, следующее за зимой.	Одно из четырех времен года, между зимою и лютым, по астрнмч. счету, со вступленія солнца въ знакъ Овна, съ 8 марта по 9 іюня.
<i>лето</i>	Самое тёплое время года, следующее за весной и предшествующее осени; время расцвета природы.	Самое теплое время года, наступающее вслед за весной и сменяющееся осенью.	Самое тёплое время года, следующее за весной.	Самое теплое из четырех времен года; по календарю (астрономическое лито), отъ вступленія солнца въ знакъ Рака, до вступленія его въ знакъ Висовъ, отъ 9 іюня до 11 сентября, отъ равноденствія до солнцестоянія.
<i>осень</i>	Время года, следующее за летом и предшествующее зиме; время увядания природы.	Время года между летом и зимой.	Время года, следующее за летом.	Время года межъ лута и зимы, астрономич. три мѣсяца, въ кои солнце проходитъ знаки висовъ, скорпѣона и стрѣльца; въ общежитѣи, сентябрь и октябрь, до снижнаго пути и рикостава.
<i>зима</i>	Самое холодное время года, следующее за осенью и предшествующее весне; время, когда природа замирает.	Самое холодное время года, наступающее за осенью и сменяющееся весной.	Самое холодное время года, следующее за осенью.	Одно из четырех времен года, между осени и весны; астрономически, въ сиверномъ полушаріи, отъ вступленія солнца въ знакъ Козерога, 9 декабря, и до вступленія его въ знакъ Овна, 8 марта; на дили же, отъ начала морозовъ и зимняго пути до весенней распутицы.

Анализ дефиниций времен года, приводимых в авторитетных словарях русского языка, позволяет сделать ряд заключений как относительно собственно семантики данных лексических единиц, так и лексикографической практики их описания¹. Очевидно, что наименования времен года – реля-

¹ Заметим, что в словарные статьи, в которых в качестве заглавных слов выступают наименования времен года, естественно, входят и описания их вторичных значений, в которых эти языковые формы являются членами иных лексико-семантических объединений, таких, например, как «Наименования процессов и состояний». Некоторые составители словарей также сопровождают предлагаемые ими дефиниции наименований времен года примерами контекстуальных употреблений, многочисленными фразеологическими оборотами, в состав которых входят данные слова. Зачастую в словарные статьи включаются и дериваты разного типа, диалектные, архаичные слова и т.д. Представляя собой несомненный интерес для широкого круга лингвистических исследований, эти сведения, тем не менее, не являются описаниями собственно основных значений исследуемых единиц и потому не входят в объект анализа в данной работе.

тивные слова, определяемые по отношению друг к другу (см. указания типа «между зимой и летом», «между осенью и летом»), в семантике которых наряду с категориальным временным компонентом – ‘период, время года’ – важнейшим является его место в общей последовательности всего сезонного темпорального цикла (ср. также указания «следующее за... и предшествующее...», «наступающее вслед за... и сменяющееся...»). В некоторых случаях при толковании значений лексикограф считает необходимым указать на температурные характеристики обозначаемого периода (см. *лето* и *зима*) или на такие природные явления, как оживание (*весна*), расцвет (*лето*), увядание (*осень*), замирание природы (*зима*). В целом же лексикографические описания основных значений наименований времен года семантически бедны, особенно на фоне денотатных полипризнаковых слов, так как не содержат компонентов, которые указывали бы на те или иные, кроме названных выше, атрибуты называемого периода времени, также общее число семантических компонентов в толкованиях данных слов ограничено, как правило, двумя, реже тремя компонентами. Несколько обширнее определения, данные В. И. Далем, в которых не просто указывается на место того или иного периода в общей четырехчастной темпоральной системе, но и приводятся сведения о состоянии солнца, календарных датах, погодных характеристиках и даже информация о знаках Зодиака. Именно эти словарные описания наиболее близки энциклопедическим определениям соответствующего временного периода (ср., например, описание зимы или весны в Большой советской энциклопедии: «Зима, время года, продолжающееся в Северном полушарии Земли с момента зимнего солнцестояния (см. Солнцестояние) (21 или 22 декабря) до момента весеннего равноденствия (см. Равноденствие) (20 или 21 марта)...», «Весна, время года, продолжающееся в Северном полушарии Земли с момента весеннего равноденствия (20 или 21 марта) до момента летнего солнцестояния (21 или 22 июня)...» [6]).

Не останавливаясь еще на одном очевидном выводе, вытекающем из анализа словарных данных, а именно вариативности лексикографических дефиниций, которая особенно присуща описаниям денотатных слов (см. [7]), и считая неправомерными критические упреки в адрес лексикографов, выполняющих свою трудную работу квалифицированно, с полным пониманием своих задач и возможностей, предлагающих в принципе оптимальные решения, ориентируясь на знание пользователей языка (см. [8]), отметим следующее. С учетом анализа дефиниций, особенно их различий в разных словарях, становится явным и то, что значение лексической единицы в ее лексикографическом описании, т.е. дефиниции, как не раз подчеркивали ведущие семасиологи, – далеко не полная семантика слова [9].

В поисках более полного семантического описания обратимся к еще одному типу метаязыковой практики – определениям слов, предлагаемых носителями языка. Данный вид метаязыковой деятельности достаточно часто встречается в коммуникации, в ходе которой возникает необходимость разъяснения значения употребляемого слова [10]. Не ставя перед собой

задачи более или менее всеобъемлющего исследования языковой компетенции носителей русского языка в плане знания семантики наименований времен года, что предполагало бы учет возрастных, половых, социальных (образовательных, профессиональных и т.д.) характеристик разных групп испытуемых, мы сочли возможным ограничиться небольшим психолингвистическим экспериментом, воспроизводящим достаточно точно метаязыковую деятельность носителей русского языка (табл. 2). В нем участвовали 46 студентов факультета романских языков и магистратуры МГЛУ, т.е. молодые люди старше 20 лет с филологическим образованием и опытом дефинирования лексических единиц, приобретенным за годы обучения иностранным языкам. Данное обстоятельство представляется важным фактором, поскольку задача дать определение даже таким простым словам, какими предстают для носителей русского языка названия времен года, оказалась, по словам студентов-участников эксперимента, чрезвычайно трудной, но, по-видимому, вследствие наличия у них определенных навыков, гораздо более легкой, если сравнивать с тем, как иные категории испытуемых справились бы с заданием. Например, речь о художниках, математиках, инженерах, работниках сельского хозяйства и т.д.

Т а б л и ц а 2

Семантические компоненты в значениях наименований времен года
(анкетные данные участников эксперимента)

	Семантические компоненты							
	time	duration	temperature	nature	event	action	location	evaluation
<i>зима</i>	44/ 95,6 %	20/ 43,5 %	44/ 95,6 %	42/ 91,3 %	14/ 30,4 %	4/ 8,7 %	8/ 17,4 %	2/ 4,3 %
<i>весна</i>	44/ 95,6 %	20/ 43,5 %	26/ 56,5 %	42/ 91,3 %	4/ 8,7 %	2/ 4,3 %	0	4/ 8,7 %
<i>лето</i>	46/ 100 %	20/ 43,5 %	38/ 82,6 %	26/ 56,5 %	0	12/ 26 %	0	4/ 8,7 %
<i>осень</i>	46/ 100 %	22/ 47,8 %	0	44/ 95,6 %	2/ 4,3 %	6/ 13 %	0	8/ 17,4 %

Результаты проведенного эксперимента весьма показательны. Они свидетельствуют о том, что испытуемые в своих определениях, различаясь по числу атрибутов (от 2 до 8), следуют тем же принципиальным линиям описания семантики указанных слов, что и профессиональные лексикографы. Обязательным компонентом предложенных дефиниций является категориальный компонент «пора года», «время года», «одна из четырех пор

(времен) года», «период года», «сезон», за исключением описания слов *зима* и *весна*, в которых этот компонент не указан, но присутствует в дефинициях слов *лето*, *осень* у тех же испытуемых.

В 43,5 % ответов для слов *зима*, *весна*, *лето* и 47,8 % для слова *осень* данный временной компонент в некоторых определениях получает уточнение в виде указания месяцев и места в последовательности. Например:

зима – «следующая за осенью; наступает после осени; включающая в себя 3 месяца: декабрь, январь, февраль; с формальной длительностью в 3 месяца; календарная зима начинается с 1 декабря и длится до 28/29 февраля; определенная календарными рамками с декабря по февраль»; *весна* – «следующая за зимой; приходящая на смену зиме, включающая в себя 3 месяца: март, апрель, май; время после зимы; следует после зимы календарная весна – 1 марта – 31 мая»; *лето* – «пора года, следующая за весной; приходящая на смену весне, включающая месяцы: июнь, июль, август; следует за весной; формальная длительность составляет 3 месяца; календарное лето – 1 июня – 31 августа; с июня по август; длится с июня по август; приходится на такие месяцы, как июнь, июль и август»; *осень* – пора года, следующая за летом; приходящая на смену лету, включающая в себя 3 месяца: сентябрь, октябрь, ноябрь; наступает вслед за летом; наступающая после лета; следующая за летом; следующая за летом, предшествующая зиме; выпадающая на такой период, как сентябрь, октябрь и ноябрь; календарная осень – 1 сентября – 30 ноября; с сентября по ноябрь; начинается после лета, длится с сентября по ноябрь; включающая 3 месяца».

Еще одним частотным компонентом метаязыковых описаний данных слов являются указания на температурные характеристики обозначаемого временного периода:

зима (44 из 46 ответов: «самая холодная пора – 8, самое холодное время года – 2, холодное время года – 2, очень холодно – 2, когда холодно – 2, на улице холодно – 2, характеризуется холодом – 2, (самые) низкие температуры воздуха – 8» и др.);

лето (38 из 46 ответов: «когда жарко – 2, самый жаркий сезон – 2, самое жаркое время года – 2, самая (наиболее) теплая пора – 12, самое теплое время года – 4, с высокими температурами воздуха – 2» и т.д.);

весна (26 из 46 ответов: «тепло – 4, теплеет – 2, постепенно становится теплее – 2, повышается температура – 2, характеризуется потеплением – 2» и др.);

осень (30 из 46 ответов: «когда холодно – 2, холодает – 2, становится холодно – 2, наступают холода – 2, характеризуется понижением температуры – 2, характеризуется понижением температурного режима – 2, температура понижается, постепенно становится холоднее – 2, характеризуется похолоданием – 4» и т.д.).

Привлекают внимание лидирующие позиции по наличию данного компонента у слов *зима* и *лето*: наибольшее число респондентов отмечают

таким образом полярные точки температурной шкалы, в то время как при описании аналогичных свойств весны и осени, когда температурные режимы особенно неустойчивы, их указывают меньшее число испытуемых.

Приближаются по своей частотности к указаниям температурных свойств описываемых периодов и подробные сведения о погоде в тот или иной временной период. Для слов *зима*, *весна*, *осень* они присутствуют почти во всех данных студентами толкованиях (42 из 46 у слов *зима*, *весна* и 44 у слова *осень*). Лето почему-то значительным числом опрошенных студентов не наделяется данными атрибутами, и этот признак упоминается лишь в 26 дефинициях слова *лето*. При этом указания на природные характеристики обозначаемого временного периода варьируются от общих формулировок типа «характеризующаяся определенными природными условиями» до детальных описаний типа «характеризуется суровыми погодными условиями (метелью, сильным морозом, гололедом), малосолнечностью» или частных характеристик: «когда на деревьях нет листьев, они покрыты инеем и снегом; когда легкие наполняются морозной свежестью, а нос пощипывает от холода» и т.п. у слова *зима* и аналогичных описаний других слов данного цикла. Ср.:

весна – «характеризующееся определенными природными условиями; характеризуемое грязью и слякотью в начале и пробуждением природы и хорошей погодой в конце; птицы возвращаются с юга, природа оживает; природа пробуждается ото сна, тает снег; по реке идет лед, начинаются грозы и теплые дожди; характерно цветение растений, когда тает снег; текут ручьи, просыпается природа» и т.д.;

лето – «характеризующееся определенными природными условиями; когда ярко светит солнце; световой день долгий; растения окончательно, как правило, отцветают, а некоторые – к концу лета – начинают увядать; когда сильно светит солнце; данный промежуток времени характеризуется дождями; в огороде растет и спеет клубника; отличающееся обильными дождями и активной деятельностью насекомых» и др.;

осень – «когда желтеет листва, идут дожди, дует сильный ветер; характеризующаяся определенными природными условиями; когда природа готовится к зимней спячке, в лесу много ягод и грибов, опадают листья, идет дождь; часто идут дожди и природа увядает; дни становятся короче, часто идет дождь, на улице пасмурно; характеризуется дождливыми днями и сокращением светового дня» и т.д.

Наряду с перечисленными выше компонентами в определениях исследуемых циклических имен отмечается также событийный компонент, связанный с отмечаемыми в тот или иной временной период праздниками (например, *зима* – «Рождество; в эту пору принято отмечать Новый год и ряд других праздников, связанных с христианской традицией – Рождество и прочие»; *весна* – «празднуется Пасха, 8 марта; ассоциация с праздниками 8 марта и Пасха»; *осень* – «празднуется День матери, Покрова». Однако он представлен в незначительном числе толкований: всего в 14 из 46 у слова *зима*, 4 – у слова *весна*, 6 – у слова *осень*.

В еще меньшем числе предложенных студентами определений присутствует деятельностный компонент, т.е. описание видов деятельности в тот или иной обозначаемый временной период. Так, для слова *зима* он указан лишь в 4 ответах (напр., «студенты сдают экзамены, можно кататься на лыжах и с горы на ватрушке»). *Весна* характеризуется как «пора любви», а *осень* как время, когда «дети идут в школу, время сбора урожая; происходит сбор урожая и подготовка к зиме; когда уже готовишься к новому году». Наибольшее число указаний на деятельность того или иного рода (12 из 46) мы находим в описаниях слова *лето*: «дети не ходят в школу, можно купаться в реках, озерах, отдыхать; можно купаться в речке, летние каникулы; это каникулы, свободное время, но в то же время самая “горячая” пора для жителей деревни, ведь лето – это самая трудоемкая пора года, очень многое можно успеть за 1 день; дети играют, многие люди отдыхают с семьей; когда можно наконец отдохнуть, но в то же время сгореть под палящим солнцем; ассоциируется с отдыхом» и др.

Закрывают перечень семантических компонентов в ответах студентов эмоционально-оценочные и локативные признаки. Они немногочисленны: указания на локативность («в северном полушарии; в некоторых странах; в нашем регионе; в наших широтах») встретились лишь в 8 ответах. По эмоционально-оценочному параметру лидирует слово *осень* (8 из 46 ответов: «самое красочное время года; становится грустно; пора года, красоту которой многие недооценивают; “золотая пора” года» и др.). *Лето* характеризуется как «самое веселое время года, самое любимое время года, беззаботное, хочется, чтобы лето никогда не кончалось; люди наслаждаются каждым лучом», а *весна* – как время, когда «настроение становится лучше и радостнее; на полянах солянка цветов радует мой глаз» и т.д.

Устанавливаемое сходство лексикографических и «наивных» описаний основных значений исследуемых единиц в целом согласуется с отмечаемой в литературе близостью определений, предлагаемых носителями языка, к профессиональным [11].

Вряд ли в ответах студентов отмечаемыми признаками, при том, что их число значительно больше числа признаков в лексикографических описаниях, исчерпываются знания характеристик обозначаемых временных периодов и тем более знания о временах года, связываемых с их обозначениями у других членов русскоязычного сообщества. Нет сомнения и в том, что житель сельской местности, занятый в хозяйстве, о лете будет иметь несколько иное представление по сравнению с представлением наших студентов и, следовательно, несколько иначе определять значения слова *лето* или *осень*. Соответственно, если бы мы вовлекли в наш эксперимент большее число испытуемых, тем более разных групп, мы получили бы несколько иные данные.

Расширив используемые нами методы, прежде всего обратившись к контекстуальному анализу, диапазон которого стал благодаря масштабности контекстуальных возможностей имеющихся корпусов практически необозри-

мым, применив и некоторые иные процедуры (например, анализ фразеологизмов, дериватов разного типа (см. [12]), мы также получим более полную картину семантических характеристик исследуемой лексики. Из нее явствует, что обозначаемый период времени может различаться по длительности (*короткое лето, короткая весна, зима, осень; долгая зима, весна, осень, долгое лето; ранняя зима, весна, осень; поздняя весна, зима, осень* и т.д.); по температурным и метеорологическим характеристикам (*теплое лето, теплая зима, весна, осень; холодное лето, холодная зима, весна, осень; снежная, бесснежная, дождливая зима; дождливое лето, засушливое лето; дождливая осень, сухая осень*) и целому ряду других параметров.

В контексте поставленной проблемы важно, однако, другое. Если целью описания значения слова является его исчерпывающая характеристика, которая предполагает учет всех актуализируемых компонентов содержания, извлекаемых из концептуального мира носителей языка, то результаты нашего эксперимента даже в таком ограниченном варианте, демонстрируя различия в количестве и типах репрезентируемой словом информации, приводят к выводу о том, что, как и лексикографы, носители языка, следуя некоторой семантической схеме или модели, лежащей в основе их ответов (ср. с семантическим стержнем лексикографических описаний, предложенных А. Вежбицкой [13]), не дают исчерпывающей семантической характеристики слова. Одновременно они заставляют задуматься над целым рядом значимых для лингвистики вопросов. По-видимому, первый из них и, вероятно, самый сложный связан с разграничением релевантной и нерелевантной информации, социально значимого знания и индивидуального опыта носителя языка – на каких основаниях осуществлять выбор тех или иных признаков из общей неоднородной совокупности онтологических свойств обозначаемого периода времени, например, весны, для которой, согласно ответам испытуемых, характерны таяние снега, ледоход, пение птиц, оживление природы, цветение подснежников и тюльпанов, грязь, слякоть и т.д. Мы также должны решить, является ли знание, например, календарных границ обозначаемого периода и тем более уточненных данных о временных рамках того или иного периода с указанием дат солнцестояния (что характерно для энциклопедических описаний) необходимым компонентом семантики данных слов, учитывая к тому же то, что эти временные рамки могут меняться (ср. высказывания типа *В этом году лета практически не было* или *Весна в этом году наступила рано и длилась недолго*). Вариативность ответов на этот вопрос, наблюдаемая и у профессиональных лексикографов, и у студентов, не дает нам возможности его однозначного решения.

Нет сомнения в том, что грань между лингвистическим, т.е. социально общим знанием, научным, энциклопедическим знанием и индивидуальным знанием, актуализируемым в конкретных коммуникативных ситуациях, в целом грань между семантикой и прагматикой слова весьма условна. Именно к такому выводу пришла когнитивистика, призывая отказаться

от данного разграничения вследствие его условности и бесполезности (см. [14; 15]). Соответственно, невозможно представить значение в виде единственно верного набора признаков, поскольку структура и границы семантического описания зависят от выбранной говорящим стратегии представления значения – то есть, отметим еще раз, от выбранной идеализированной когнитивной модели [16], которая в свою очередь определяет структуру эксплицируемых признаков, а также границы между описываемым значением и близкими по смыслу семантическими категориями. Значение оказывается ускользающей сущностью, данной только в определенном контексте и составляющей лишь часть общего семантического потенциала слова, детерминированного знанием, заключенном в его концептуальной структуре. Важно, однако, то, что связь с концептуальной структурой, благодаря которой становится возможным профилировать ее разные участки, лежит в основе семантической гибкости лексических единиц и их широкого семантического потенциала, реализуемого в бесконечности коммуникативных ситуаций, в которых актуализация и релевантность тех или иных признаков может зависеть от выбора говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Chomsky, N. Language and problems of knowledge : the Managua lectures / N. Chomsky. – Cambridge ; London : MIT Press, 1988. – X. – 205 p.*
2. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. – М. : Азбуковник, 1998. – Режим доступа : <https://www.slovari.ru/default.aspx?p=235>. – Дата доступа : 06.11.2021.
3. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Режим доступа : <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240>. – Дата доступа : 06.11.2021.
4. *Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=244>. – Дата доступа: 06.11.2021.*
5. *Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль ; под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=246>. – Дата доступа : 06.11.2021.*
6. Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bse.sci-lib.com/>. – Дата доступа : 06.11.2021.
7. *Харитончик, З. А. Изменчивость и вариативность лексикографического дискурса / З. А. Харитончик // 70 Години Българска Академична Лексикография : материалы VI нац. конф. с междунар. участием по лексикографии и лексикологии, София, 24–25 окт. 2012 г. / Ин-т бълг. яз. при БАН ; редкол. : Л. Крумова-Цветкова [и др.]. – София, 2013. – С. 81–88.*

8. *Bolinger, D.* The Atomization of Meaning / *D. Bolinger.* – *Language.* – 1965. – Vol. 41. – No. 4. – P. 555–573.
9. *Кузнецов, А. М.* Объективные знания об окружающем мире и их отражение в лексике и лексикографии / *А. М. Кузнецов* // *Слово в грамматике и словаре.* – М. : Наука, 1984. – С. 159–164.
10. *Тур, В. В.* Когнитивные принципы лексикографического описания семантики слова / *В. В. Тур* // *Языки, культуры, модальности : интеграция методов когнитивных исследований языка : материалы круглого стола, Москва, 1 ноябр. 2019 г. / Москов. гос. лингвист. ун-т ; гл. ред. вып. О. К. Ирисханова.* – Тамбов : Издат. дом «Державинский», 2019. – Вып. XXXVIII. – С. 74–81.
11. *Воробьёва, М. Е.* Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / *М. Е. Воробьёва* ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2014.
12. *Харитончик, З. А.* Деривационная активность конститuentов лексических циклических структур / *З. А. Харитончик* // *Словаўтварэнне і іншыя ўзроўні беларускай літаратурнай мовы : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 24–25 лістап. 2014 г. – Мінск : Права і эканоміка, 2014.* – С. 223–230.
13. *Wierzbicka, A.* Lexicography and Conceptual Analysis / *A. Wierzbicka.* – Ann Arbor : Karoma Publishers, 1985. – 390 p.
14. *Langacker, R.* Cognitive Grammar : A Basic Introduction / *R. Langacker.* – Oxford [et al] : Oxford University Press, 2008. – 573 p.
15. *Харитончик, З. А.* Типология латентных признаков, актуализируемых в семантике слова в контексте / *З. А. Харитончик, В. В. Тур* // *Когнитивные исследования языка : сб. науч. тр., посвященный юбилею Н. Н. Болдырева.* – Москва-Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. – Вып. XXIV : *Личность. Язык. Сознание.* – С. 684–696.
16. *Тур, В. В.* Вариативность лексикографических дефиниций как отражение динамичной природы лексического значения / *В. В. Тур* // *Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология.* – 2021. – № 1. – С. 87–96.

Поступила в редакцию 20.01.2022

Сысоева Татьяна Александровна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tatsiana Sysoyeva
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Speech Studies and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
tanyaSys@tut.by

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДЕСКРИПЦИИ ТЕАТРАЛЬНОГО СОБЫТИЯ В ТЕКСТАХ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ

DESCRIPTION OF A THEATRICAL EVENT IN HUMOROUS TEXTS

В публикации определяются общие и специфические аспекты репрезентации театрального события в юмористических рассказах, байках и анекдотах, представленных в трех лингвокультурах – русской, американской и белорусской (русскоязычной). Если дескрипция самого мероприятия и его участников осуществляется по универсальной схеме, то комические ситуации, над которыми шутят представители трех театральных субкультур, различаются. В каждом случае можно выделить собственный репертуар популярных тем, лежащих в основе юмористической истории.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *лингвокультура; театральная субкультура; юмористический дискурс; рассказ; байка; анекдот.*

The paper reveals common and specific aspects of describing a theatrical event in humorous stories, tales and anecdotes. Three linguocultures are considered – Russian, American and Belarusian (Russian-speaking). In general, the description of a theatrical event and its participants follows a universal pattern, whereas comic situations prevalent in each theatrical subculture are different. Each linguoculture has its own set of popular topics lying at the core of humorous stories.

К e y w o r d s: *linguoculture; theatrical subculture; humorous discourse; story; tale; anecdote.*

Театральное событие – явление многогранное, а данное словосочетание можно встретить в разных контекстах. С одной стороны, это составляющая режиссерского анализа пьесы, которую следует отличать от сюжета. С другой стороны, это синоним праздника (в противовес будням), когда речь идет о премьере, бенефисе, юбилейном спектакле, торжественном открытии или закрытии сезона и т.п. Наконец, это еще и процесс взаимодействия театра с публикой посредством сценического театрального действия [1, с. 166]. Несмотря на достаточно широкий диапазон значений, центральным можно считать понимание театрального события как мероприятия (например, спектакля или репетиции). Именно об этом повествуют многочисленные анекдоты, актерские байки и юмористические рассказы, популярные в театральной среде.

Дескрипция театрального события находит воплощение в самых разных юмористических жанрах, однако три упомянутые типа текста (анекдоты, байки, рассказы) могут считаться ключевыми. Анекдоты, объединенные темой «Театр», весьма разнообразны. Причины кроются как в структурно-содержательной вариативности анекдотов, так и в существовании множества подходов к их типологии. Огромное количество классификаций анекдотов «вызвано многообразием их тематики, формы, персонажей, объема, способов создания» [2, с. 104]. Вместе с тем анекдоты характеризуются набором стандартных черт. Они анонимны, изначально существуют в устной форме (но могут впоследствии приобрести вторичную форму бытования – письменную), а их герои стереотипны, пародийны и узнаются по типизированным признакам (возраст, пол, профессия и т.д.). «Жанр анекдота опирается на фольклорную традицию, обладает элементами сказки, мифа» [3, с. 219].

Ближайшим «родственником» анекдотов на театральную тему является жанр актерской (или театральной) байки. «Оба названия данного жанра – “актерская байка” и “театральная байка” – равнозначны, однако в профессиональной театральной среде преобладает определение “актерская”, так как именно актерам, как правило, приписывается авторство баек» [2, с. 104]. В отличие от анекдота байка имеет автора (во многих случаях – непосредственного участника событий), документальную основу и описывает достоверные детали (настоящие имена, факты биографии актеров или режиссеров, названия театров, спектаклей, городов, конкретные даты событий). Объединяет актерские байки и анекдоты о театре то, что оба жанра «являются частью профессионального театрального дискурса актеров и режиссеров. В театральных анекдотах и актерских байках передаются сведения о нормах поведения, традициях, особенностях коммуникации представителей театрального лингвокультурного сообщества» [Там же, с. 105]. Со временем популярные байки подвергаются многократному пересказу, вследствие чего уменьшаются в размере, теряют детали, сведения об авторе, по сути превращаясь в анекдот. При этом степень мифологизации событий и персонажей будет тем выше, чем больше рассказчиков передаст эту историю. Кроме того, байка может обрести вымышленными элементами, цель которых – приукрасить повествование.

Жанр юмористического рассказа представляет собой небольшую по объему веселую историю, количество действующих лиц которой ограничено. Тот факт, что рассказ строится вокруг описания одного события и в его основе лежит одна сюжетная линия, роднит его с жанрами анекдота и байки. Таким образом, «выделение жанров внутри юмористического дискурса <...> представляется сложным в силу размытости границ многих жанров» [3, с. 219]. «Если представить юмористический дискурс как поле, в центре окажется шутка, как центральный жанр, а далее по мере продвижения к периферии будут располагаться анекдот, байка, розыгрыш (практическая шутка), насмешка, издевка, юмористический или сатирический рассказ,

ироническая поэзия, фельетон, сатирический роман, пародия, пустоговорка, частушка, лимерик, детские шутливые стихи (nursery rhymes) и велеризм» [3, с. 220]. При этом периферийные жанры будут иметь больше черт, присущих другим типам дискурса (в нашем случае – беллетристического, в котором, наоборот, рассказ относится к ядру жанровой системы, а анекдот и байка – к периферии).

Не преследуя цели жестко разграничить указанные жанры (как уже подчеркивалось, близкородственные), сосредоточимся на сущности юмористического дискурса, который представляет собой игру на когнитивном и языковом уровнях. Этот тип дискурса преследует развлекательную цель и характеризуется «несерьезной тональностью общения, игровым переосмыслением актуальных концептов и стереотипов» [4, с. 249]. С позиции сценарного подхода к изучению комических текстов можно «сделать вывод о том, что комический эффект в них состоит в совмещении несовместимого» [5, с. 904]. В свою очередь лингвистические теории юмора делают акцент на конфликте когнитивных структур, который получает экспликацию на семантическом, синтаксическом или прагматическом уровнях и воплощается в форме каламбура, несоответствии реального коммуникативного поведения ожидаемому и т.п. [6, с. 185–188]. Иными словами, в основе театрального юмора будет лежать описание таких событий, которые характеризуются эффектом неожиданности, будь то возникновение нештатной ситуации во время спектакля, несуразное поведение актеров или зрителей в зале, непонимание/незнание используемого вербального или невербального кода.

Однако в контексте изучения современной культуры пристальное внимание уделяется процессу ее гетерогенизации. При этом речь идет не только о взаимодействии разных культур в ходе межкультурной коммуникации. «Все больше локальных коллективных субъектов образуют субкультуры внутри базовой, со своей собственной системой норм и ценностей, выраженных в артефактах и символах» [7, с. 45]. К артефактам субкультуры следует относить не только одежду, аксессуары и иные предметы, но и результаты художественного творчества ее носителей – так называемый субкультурный фольклор, связанный с определенными возрастными, профессиональными, гендерными и другими социальными группами. Следовательно, более тщательное изучение юмористических текстов может быть достигнуто только при учете этнокультурных и социокультурных параметров коммуникантов [8, с. 55].

Настоящее исследование выполнено на материале юмористических текстов (рассказов, актерских баек и анекдотов), функционирующих в американской, русской и белорусской (русскоязычной) театральной субкультурах, что позволило рассмотреть полученные результаты в сопоставительном аспекте. Все три жанра представляют театральный дискурс, который в самом общем смысле понимается как «коммуникация, реализуемая в институциональных ситуациях общения в предметной области “театр” и включающая

таких участников коммуникативного события, как автор, режиссер-постановщик, актерская труппа и зрители» [9, с. 49]. Подобный список коммуникантов обусловлен конвенциональностью театрального дискурса, а само культурное событие привязано к определенному времени и месту. И, несмотря на то, что театральные подмостки и зрительный зал разделены, а для актеров на сцене и зрителей в зале сформулированы свои правила поведения, театральное событие «невозможно рассматривать изолированно от публики, которая существует в событии как участник» [10, с. 172].

Представители русской лингвокультуры обозначают театральное событие словами широкой семантики (*спектакль, постановка*) или конкретизируют его (*балет, драма, новогодний утренник*). Рассмотрение события в его протяженности позволяет выделить этапы (*акт, финальная сцена, зрительские овации*), а также мероприятия, предшествующие ему (*репетиция*). Аналогичные примеры находим в русскоязычных историях, рассказанных представителями белорусской культуры: *мюзикл, опера, концерт, гастроли, сцена/акт*. В свою очередь представители американской театральной субкультуры более педантичны: они подробнее описывают тип, характер, формат мероприятия, жанр постановки, локацию и т.п.: *satire, musical revue matinee, summer production, outdoor production*.

При описании участников мероприятия выстраивается универсальная схема *сотрудники театра – посетители театра*, которая конкретизируется следующим образом: *представители творческих профессий – технический персонал – зрители в зале* (*cast member – crew member – audience*). Таким образом, героем юмористической истории становится не только актер или режиссер, но и монтировщик, осветитель, гардеробщица и т.п.: ***Гардеробщица с 30-летним стажем может по походке определить, есть у человека петелька на пальто или нет***. Используемые наименования могут быть связаны гиперо-гипонимическими отношениями (*музыкант – литаврист; работник сцены – реквизитор, суфлер*), синонимическими отношениями (*lighting designer, lighting tech; costume designer, costume maker*) и зачастую маркируются стилистически с целью выразить отношение рассказчика к главным участникам повествуемых событий (*хористочка, дарование, бомонд; techie*). Специфичными являются англоязычные тексты: в американской театральной субкультуре жизнь театра рассматривается не только как творческий процесс, но и как коммерческий. Театр – это организация, предоставляющая услуги потребителю (т.е. зрителю-клиенту). Сказанное объясняет, почему героями многих юмористических рассказов и театральных баек выступают именно кассиры и покупатели билетов (*box office manager – customer*). В историю также могут быть вовлечены волонтеры, оказывающие театру добровольную помощь на всех этапах творческого процесса: *I'm working as a **volunteer** at a summer stock theater... Some people are paid staff, but most of us are **volunteers** – students looking to boost college applications, like me, or retirees looking to keep busy.*

Однако наиболее заметные лингвокультурные различия выявлены при систематизации курьезных ситуаций как ключевого элемента дескрипции театрального события. Если сама типология комических ситуаций, лежащих в основе анекдотов, баек и рассказов, в целом сходна, то их количественное соотношение отличается. Так, в русской театральной субкультуре принято шутить над актерами, забывшими или перепутавшими текст во время спектакля (25 % проанализированных историй), или над возникновением нештатной ситуации, когда актерам или техническому персоналу приходится проявить смекалку, чтобы попытаться оперативно решить проблему с той или иной степенью успешности (23 % историй). Приведем пример, иллюстрирующий первый вариант развития событий: *Театр «Современник». Спектакль «Декабристы». В роли Николая I – Олег Ефремов. По ходу спектакля он должен сказать реплику: «Я в ответе за все и за всех», но оговаривается и произносит: «Я в ответе за все и за свет». Его партнер – незабвенный Евгений Евстигнеев – тут же подхватывает: «Ну, тогда уж и за воду, и за газ, Ваше величество».* Второй вариант развития событий находим в следующем примере: *На одном из спектаклей «Евгения Онегина» пистолет почему-то не выстрелил. Но Онегин не растерялся и ударил Ленского ногой. Тот оказался сообразительным малым и с возгласом: «Какое коварство! Я понял все – сапог отравлен!» – упал и умер в конвульсиях.*

Учитывая обозначенную выше специфику англоязычного материала исследования, подчеркивающего коммерческий характер театральной деятельности, для американской театральной субкультуры вполне закономерной является популярность историй, которые связаны с некорректным поведением зрителей в зале или покупателей на кассе (47 % случаев). Как правило, клиент высказывает недовольство, предъявляет претензию кассиру (*You are not understanding me! I want a refund and to buy the cheaper tickets!; Just give me my money! I don't want any tickets! It was such a good price, but this morning my neighbor said the lead actress is very whiny. I don't want to see that!*) или ведет себя непредсказуемо, нелогично, даже глупо, как в приведенных далее примерах.

1. *I work at a place where we seat people according to coloured cards that they receive, which also have table numbers on them. The number of times I have had this exchange:*

M e: What colour is your card?

C u s t o m e r: Uh... fourteen?

2. *A group of teenagers is in the theatre to see the show. Three of them approach the bar; two order Cokes and one orders a beer.*

M e: Sure, could I just see your ID for the beer?

B o y: Oh, I'm eighteen.

M e: Okay, I will still need to see your ID before I can give you the beer.

He pulls down the neck of his T-shirt.

B o y: But I have chest hair!

В свою очередь в белорусской театральной субкультуре чаще всего шутят по поводу проблем с костюмами и прочим реквизитом (отклеились усы, слетел парик и т.д.), когда актеры на сцене вынуждены импровизировать (54 % историй). В 15 % случаев из зала «прилетают» забавные комментарии зрителей: *Дым из пушек, вместо того чтобы ровно стелиться по сцене, пошел в зал. Я, естественно, не обращаю на это внимания, сажусь на стог сена у края сцены и начинаю читать монолог. И вдруг с первого ряда встает мужчина, подходит ко мне и звучно так говорит: «Эй ты, слышь, выключи дым, а то мешает».*

Таким образом, дескрипция ключевого театрального события в юмористическом дискурсе представителей трех лингвокультур – русской, белорусской и американской – осуществляется по универсальной схеме, включающей определение формата мероприятия, времени и места его проведения, участников событий (работников театра и театральной публики). Сходством обладают и сами сюжетные линии, лежащие в основе описываемых комических ситуаций (актер забыл реплику, сломался реквизит, зрители вслух прокомментировали действия артистов и т.д.). Лингвокультурная специфика фиксируется, во-первых, в разном восприятии театральной жизни, когда у представителей американской культуры театр в значительной степени ассоциируется с коммерческой деятельностью, а не только творческим процессом. Во-вторых, различия выявлены в отношении комических ситуаций, о которых повествуется в юмористических рассказах о театре, актерских байках и анекдотах. Каждая из трех проанализированных в работе лингвокультур характеризуется собственным репертуаром тем, над которыми принято шутить в театральной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков, С. Ю. Событийность театрального действия как составляющая театрального события / С. Ю. Жуков // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 11. – С. 166–170.
2. Волкова, М. И. Дидактический потенциал актерской байки и анекдота в обучении русскому языку как иностранному будущих актеров и режиссеров / М. И. Волкова // Rhema. Рема. – 2017. – № 2. – С. 103–111.
3. Морозова, А. М. Жанровая специфика юмористического дискурса / А. М. Морозова // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Сер. Филол. науки. – 2013. – № 1, т. 1. – С. 216–222.
4. Бочкарева, Ю. Ю. Юмористический дискурс как сфера игровой коммуникации / Ю. Ю. Бочкарева // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. – 2013. – № 2 (24). – С. 249–250.
5. Карасик, В. И. Алгоритмы построения комических текстов / В. И. Карасик // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. – 2018. – Т. 22, № 4. – С. 895–918.

6. *Гуторенко, Л. С.* К вопросу о предпосылках лингвистических исследований юмора в сети «Интернет» / Л. С. Гуторенко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3. – С. 183–191.
7. *Лосинская, А. Ю.* Формы фольклора в ролевой субкультуре / А. Ю. Лосинская // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – Философия. Социология. Культурология. Вып. 27. – 2012. – № 22 (276). – С. 45–48.
8. *Морозова, А. М.* Специфика юмористического дискурса: жанр анекдота / А. М. Морозова // *Lingua mobilis*. – 2009. – № 4 (18). – С. 52–60.
9. *Бороботько, Л. А.* Коммуникативное пространство театрального дискурса / Л. А. Бороботько // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2014. – № 19. – С. 48–54.
10. *Жуков, С. Ю.* Оппозиционность социальной коммуникации в театральном событии / С. Ю. Жуков // Наука и современность. – 2010. – № 2–1. – С. 172–175.

Поступила в редакцию 04.01.2022

Шиманская Ольга Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой иностранных языков
Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка
Минск, Республика Беларусь

Olga Shymanskaya

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Foreign Languages
Belarusian State Pedagogical
University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
shimans@tut.by

Карасюк Яна Олеговна

преподаватель кафедры иностранных
языков
Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка
Минск, Республика Беларусь

Yana Karasiuk

Lecturer of the Department of Foreign Languages
Belarusian State Pedagogical
University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
krilova.yana97@gmail.com

**ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЗАЦИИ
ЗООМОРФНЫХ ДИМИНУТИВОВ**

**TYPOLOGICAL FEATURES
OF DIMINUTIVE ZOOMORPHIC METAPHORS**

Статья посвящена выявлению типологических закономерностей концептуальных (номинативных) метафор, первичными лексико-семантическими вариантами которых являются диминутивы зоонимов в русском, белорусском, английском, немецком и китайском языках. При этом под диминутивами понимаются суффиксальные дериваты зоонимов и сложные слова в китайском языке. Материалом исследования стали диминутивы-зооморфизмы, полученные в результате сквозной выборки из толковых словарей и корпусов текстов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *метафора; метафорическая модель; зооморфизм; диминутив; семантические универсалии.*

The article is devoted to revealing the typological patterns of conceptual (nominative) metaphors, the primary lexical-semantic variants of which are zoonym diminutives in Russian, Belarusian, English, German, and Chinese. At the same time, diminutives are understood as suffix derivatives of zoonyms and compound words in Chinese. The research material is represented by diminutives of zoomorphisms obtained as a result of a cross-cutting selection from explanatory dictionaries, as well as from text corpora.

Key words: *metaphor; metaphorical model; zoomorphism; diminutive; semantic universals.*

На современном этапе развития метафорологии и лингвистики универсалий ощущается потребность в установлении не только общих правил когнитивных процессов, лежащих в основе любого языка, и частных случаев несовпадения (и совпадения) семантического объема производных метафорических значений, но и в обнаружении универсальных метафорических переносов, характерных для сопоставимых групп первичных значений в раз-

личных языках. В данном отношении интерес представляют концептуальные зооморфные метафоры, обладающие рядом специфических свойств, в частности зооморфизмы-диминытивы.

Диминытивы, как правило, анализируются в контексте коннотации, где рассматривается их способность к энантиосемии – пейоративной и положительной коннотации. Тем не менее, как и зооморфные метафоры в целом, диминытивы, образованные от наименований животных, могут использоваться не только с оценочной коннотацией, но и с нейтральной, в таком случае репрезентируя номинативную функцию, свойственную концептуальной метафоре. Нас интересуют именно зооморфные диминытивы с номинативной функцией и имеющие нейтральную коннотацию.

В то время как категория диминытивности в синтетических и аналитических языках представлена по-разному [1, с. 92], рассматриваемые нами закономерности опираются на семантические признаки, что объясняет наличие сходных явлений в различных языках вне зависимости от их типа. Например, очевидно, что использование зооморфных диминытивов для наименования графических знаков является универсалией, хотя морфологически реализуется по-разному, сравним: *птичка* (русский язык, графический знак), *собачка* (знак @ в русском языке), 小老鼠 *xiǎo lǎoshǔ* ‘маленькая мышь’ (знак @ в китайском языке). Само наличие довольно многочисленных групп зооморфных диминытивов с номинативной функцией в различных языках инспирирует поиск универсальных закономерностей, лежащих в основе этих метафорических переносов: словосочетание *little cat* ‘маленький кот’ (англ.) обозначает комбинацию карт в покере; диминытив *birdie* ‘птичка’ (англ.) в переносном значении выступает как синоним слова *волан*, а также как вид удара в гольфе. Дальнейший анализ покажет, что мотивы возникновения переносных значений могут быть различными, но все они реализуют когнитивные закономерности языка.

Задача данной статьи состоит в выявлении типологических закономерностей концептуальных (номинативных) метафор, сфера источника которых представлена диминытивами зоонимов в русском, белорусском, английском, немецком и китайском языках. Причем под диминытивами в этом случае мы имеем в виду не номинативно автономные названия детенышей животных и птиц (например, *теленка*, *calf* и т.п.), а именно производные суффиксальные зоонимы. Материалом исследования стали диминытивы-зооморфизмы, полученные в результате сквозной выборки из толковых словарей [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], а также корпусов текстов – Национального корпуса русского языка [9], Белорусского национального корпуса [10], Британского национального корпуса текстов [11] и Корпуса электронного словаря немецкого языка DWDS [12]. Всего в статье анализируется 21 диминытив. Основным методом исследования является метод семантических универсалий, также использованы методы этимологического, компонентного и дефиниционного анализа и сопоставительный метод.

Зооморфные метафоры становились предметом исследования таких известных ученых, как Г. Н. Складневская, А. П. Чудинов, А. Н. Баранов, а также отечественных исследователей – В. Д. Стариченка, Н. В. Яскевич, О. Н. Брагарник-Станкевич, Е. И. Будниковой и др. Зооморфные метафоры, которые иногда называются бестиальными, имеют антропоморфный характер, «зооантропоморфизмы составляют основу любого традиционного универсума» [13, с. 3]. З. Ю. Петрова, говоря о номинативной (не оценочной) функции зооморфизмов, указывает, что для обозначения предметов или их частей могут использоваться названия животных или частей их тела – *гусеница, собачка, лапка* [14].

Согласно мнению большинства исследователей, в основе метафорических переносов М-модели «животное → предмет» лежит внешнее сходство, чуть реже – функциональное. Преобладающим в данной модели является так называемый внешнесхожий тип метафоры (термин В. Д. Стариченка), то есть образование нового значения на основании внешнего сходства животного и предмета; выявлены также случаи установления отношений подобия на основании сходства в движении или звуках. Данные закономерности характерны как для зооморфных метафор в целом, так и для зооморфных диминутивов.

В качестве иллюстрации этого положения рассмотрим метафору *змейка* в русском и белорусском языках. В указанных языках имеются следующие вторичные значения диминутива: ‘пружина-змейка’, ‘застежка-змейка’: *Толицина, как и густота размещения пружинного блока змейки определяется в зависимости от предназначения будущей мебели* [9]; *Благодаря отсутствию зубцов «змейка» дешевле и проще в изготовлении и реже выходит из строя, чем «молния»* [Там же]; *У девицы змейка была полураскрыта* (С. Шикера) [Там же]. Согласно данным корпусов, у слова *змейка* есть и другие значения, например, ‘небольшие фейерверки’, ‘фигура вождения’: *Швермер (або змейка) – феерверкавая фігура* (А. Бельскі) [10]; *Кандыдаты пакажуць сваё майстэрства ваджэння, праехаўшы тры элементы: “Змейка”, “Васьмёрка”, “Калідорчык”* («Рэгіянальная газета») [Там же].

Очевидно, что наиболее важным для образования упомянутых метафор является внешнее сходство. В то время как в толковых словарях представляются формулировки, основанные на контекстном употреблении зооморфизмов, более верно было бы использовать словарное определение, аналогичное приводимому в англоязычном словаре: *anything resembling a snake in appearance or action* ‘все, напоминающее змею по внешнему виду или движению’ (здесь и далее перевод наш. – О. Ш., Я. К.) [7]. К группе метафор «внешнесхожего типа» можно отнести метафору *свинка* в значении ‘болезнь’, которая устанавливает внешнее сходство шеи больного паротитом человеком с толстой шеей свиньи: *Саша завтра в детский сад не придет, у него свинка* [3].

Перенос на основе подобия издаваемых животным и предметом звуков наблюдаем на примере метафоры *волчок*, представленной в русском и белорусском языках и обозначающей юлу: *заводить волчок* [3]; *старанна выводзіла доўгую нітку, пускаючы верацяно, нібы ваўчок* (Я. Брыль) [10]. Интересно, что в то время как название игрушки произошло из-за сходства звука, производимого ею с воем волка, метафора *волчок* используется также для именования непоседливого, суетливого человека, то есть происходит вторичная метафоризация, в данном случае, на основе внешнего сходства движения: *крутиться волчком* [3]; *закруціўся як ваўчок* (А. Якімовіч) [10].

В современном русском языке в садоводстве *волчком* называется также длинный побег на дереве, как правило, не приносящий плода: *Нередко волчки формируются на яблонях после неправильной обрезки. Волчками* именуются также разные породы растений, значение имеет в словаре [4] помету «бот.». Согласно словарю В. И. Даля слово *волчцы* в русском языке использовалось для номинации колючих сорных трав [2, с. 237], возможно, по ассоциации с опасностью и/или бесполезностью для человека. Данные зооморфизмы могут быть отнесены как к метафоре, так и к метонимии: если в основе сравнения лежит абстрактный признак (например, опасность, важность), то это метафора, а если реально вычленяемый общий признак (среда обитания), то метонимия. Возможно определение таких слов как метафтонимий. В целом, продуктивность зооморфных метафор «обусловлена мифологическим восприятием мира древним человеком» [15, с. 30].

Функциональное подобие ('захватывать'), вероятно, лежит в основе вторичных значений диминутива *собачка* 'деталь механизма' и 'спусковой крючок': *Мы <...> пытались столовым ножом отжать заклинившуюся «собачку» замка* (Д. И. Рубина) [9]; *...Андрей вынул револьвер и выжидал, держа палец на собачке* (С. М. Степняк-Кравчинский) [Там же]. Тем не менее следует отметить, что основа метафорического переноса в подобных случаях не всегда очевидна.

Сходство на основе звуков, производимых животными, а также их внешнего вида может стать основой для метафор модели «животное → животное» или «животное → растение». Так, одно из значений диминутива *волчок* в зоологии – 'выпь особой породы'. Очевидно, что как сам зооним *выпь* образован по принципу ономотопии (ср.: *вопить, вопль*), так и именование птицы *волчком* связано с установлением подобия издаваемых животными (и птицами) звуков. В немецком языке есть название насекомого *das Fischchen* 'щетинохвостка' (досл. *рыбка*), иногда – *Silberfischchen* 'серебряная рыбка', в основе данной метафоры лежит внешнее сходство: у щетинохвостки серебристое тело, напоминающее чешую рыбы: *Silberfischchen fressen Lebensmittel, Wolle, Kunstseide und Papier* 'Щетинохвостка ест продукты питания, шерсть, вискозу и бумагу' [12].

Внешнее сходство, а также синестезия (отсылка к тактильному ощущению – пушистый, мягкий на ощупь) лежит в основе метафоры *котик*

(обычно *котики*) в русском, белорусском и немецком языках: *Пришла весна, распустились котики* [9]; *Адышла пара жоўтых коцікаў на вербалозінах* (У. Федасеенка) [10]; *Ein Kätzchen ist ein meist männlicher Blütenstand mancher Bäume und Sträucher* ‘Котик – это преимущественно мужское соцветие на некоторых деревьях и кустарниках’ [12]. Интересно, что поиск в корпусе русского языка по запросу *котики* не дает результатов; данное значение присутствует в русскоязычных онлайн-текстах, но лишь единичные из них созданы в России, большинство – в Беларуси и Украине.

Синкретизм процессов метафоризации обнаруживается и при анализе семантического развития производных значений зооморфных диминутивов. Так, еще одно значение рассмотренного выше полисеманта *волчок*, представленное и в русском, и в белорусском языках, – ‘отверстие в двери тюремной камеры’, ‘глазок’: *Вскоре слышен лязг волчка: дежурный смотрит в глазок* (Я. Е. Харон) [9]; *назіраў за ягонымі патугамі праз «ваўчок»* (М. Сяднёў) [10]. Вероятно, данный ЛСВ – также результат вторичной метафоризации, в этом случае – по внешнему подобию: кружок волчка, закрывающий глазок, вращается на креплении и напоминает вращающийся волчок-игрушку.

Таким образом, на основании рассмотренных примеров можно предположить, что зооморфные диминутивы, используемые для наименования предметов в русском и белорусском языках, могут вовлекаться в процесс вторичной метафоризации и выступать в качестве объектов сравнения для новых предметов, механизмов и их частей.

Интересно, что в Национальном корпусе русского языка обнаруживаются примеры диминутива *волчок* в значении ‘кибитка’ (точнее, салон данного средства передвижения), датируемые серединой XIX века: *что-то ударило в волчок кибитки и раздробило его верхушку* (И. И. Лажечников) [9]; *я не один раз выскакивал из волчка кибитки* (А. Черкасов) [Там же]. Этимологический анализ показывает, что это всего лишь омонимия, возникшая вследствие фонетических изменений: согласно словарю В. И. Даля *волчок* – ‘крытая повозка с верхом, кибитка», и слово произошло от *обволокать* – ‘обтягивать’ (ср.: *болок, болочок, волчек*) [2, с. 240].

Анализируя универсальные зооморфные метафоры в исследуемых языках, можно выявить две основные тенденции, объясняющие их наличие. Первая, как известно, когнитивная закономерность в образовании метафор, свойственная всем людям и проявляющаяся в установлении подобия между известным и новым. А. А. Ричардс сказал, что «метафора – вездесущий принцип языка» [16, с. 45]. Данный принцип реализуется как в возникновении новых значений в каждом языке, так и на самых ранних этапах развития языков на уровне групп и семей. Например, паронимы *мышца* и *мышка* в значении ‘мышца под плечевым сгибом’ не случайны, поскольку оба эти слова (так же, как и *mouse* и *muscle* в английском, греческое и латинское *mus*, древне немецкое *mus*) имеют общее индоевропейское

происхождение. Само латинское слово *musculus* ‘мускул’, ‘мышца’ является диминутивом *mus*: движение мышцы под кожей напоминает бег мыши, что послужило основой для возникновения такой древней метафоры. Схожесть же координатного устройства компьютера с животным стало основанием для возникновения нового значения – *мышка*.

В то время как концептуальный характер метафор служит базой для появления новых вторичных значений, существует еще одна тенденция, в результате которой в различных языках имеются аналогичные зооморфные метафоры. Данная тенденция – заимствование. Очевидно, что *компьютерная мышь* в русском языке получила свое название в результате подбора эквивалента соответствующей метафоре английского языка.

Наиболее активно этот процесс происходит в близкородственных языках. Использование собственно белорусских зооморфных метафор для одних значений и заимствованных калек из русского языка для других приводит к интерференции вторичных значений, как видим из следующих примеров: *Газетная вутка* [5]; *Аднак гэта – газетная качка* («Звезда») [10]; *Гэта газетная «качка» доўга блукала ў нашай краіне* («Звезда») [Там же]. Очевидно, что значение ‘ложный слух’, характерное для заимствованного слова *вутка*, экстраполировалось на белорусское слова *качка*, которое также стало применяться в этом значении. Рассмотренные метафоры не являются диминутивами, однако указанная закономерность общая для всех зооморфизмов, что будет подтверждено далее.

Описанный нами процесс иногда приводит к тому, что калькирование происходит в нарушение правил языка, в результате чего кальки заменяют собственно белорусскую лексику, как свидетельствует следующий пример из Интернета: *Каб сагрэць пальцы і рукі, засуньце іх пад мышкі*. В белорусском языке для обозначения подмышки применяется слово *пах*: *Хлапчук падняў вопратку, моўчкі надзеў шапку, узяў пад паху халацік і знік за дзвярыма* [5].

Однако параллельное использование исходной лексики языка и заимствованной кальки наблюдается не только на материале близкородственных языков. В условиях глобализации такая ситуация возможна и в более широком масштабе. Для иллюстрации рассмотрим зооморфный диминутив *бёрди* ‘птичка’, обозначающий в гольфе результат игры на лунке на удар меньше пара в английском, русском и немецком языках: *I can't believe you got a birdie on such a difficult hole* ‘Я не могу поверить, что ты выполнил птичку на такой сложной лунке’ [11]; *Затем он выполнил четыре бёрди и завершил турнир с прекрасным показателем* [9]; *Еще один удар в запасе. Похоже, это птичка* [Там же]; *Doch nach fünf Birdies auf den ersten zehn Löchern schlichen sich Fehler ein* ‘Но после пяти бёрди на первых десяти лунках закрались ошибки’ [12].

В гольфе существует много именований ударов названиями птиц, этим объясняется и появление еще одного, изначально в качестве окказионализма,

созданного американскими гольфистами в начале XX века от фразы *a bird of a shot* ‘выдающийся удар’: *What a bird of a shot!* ‘Какой выдающийся удар!’ [11]. Как показывают примеры выше, данный термин английского языка был заимствован в виде кальки (транскрипции) и другими языками, причем в связи с «прозрачностью» метафоры и ее соответствием продуктивным М-моделям мы можем наблюдать использование эквивалентных слов языка-реципиента наравне с калькой. Указанный процесс приводит к расширению многозначности зооморфных диминутивов.

Из сказанного выше следует, что так же, как и зооморфные метафоры с непроизводными основами, зооморфные диминутивы могут использоваться для номинации предметов, животных и растений на основании внешнего и функционального сходства, а производные значения, в свою очередь, выступают основой вторичной метафоризации. Наряду с этим наблюдается явление заимствования зооморфных диминутивов в виде калек с других языков (например, *бёрди*). Причем при соответствии заимствованных метафор продуктивным моделям вероятны случаи параллельного употребления заимствований и эквивалентных единиц собственной лексики (например, *мышка* в значении ‘подмышка’ в белорусском языке, *птичка* и *бёрди* в значении ‘удар в гольфе’ в русском языке), а также появление вторичных значений исконных зооморфизмов по модели (например, значение ‘ложная информация’ у слова *качка* в белорусском языке, по аналогии с *вутка*).

Результаты представленной работы могут применяться при сопоставительном изучении языков и в преподавании лингвистических дисциплин. Дальнейшее исследование зооморфных диминутивов будет способствовать более глубокому пониманию когнитивных и типологических закономерностей метафорического моделирования, а также углублению лонгитюдного анализа функционирования заимствований в различных языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чударь, А. Н. Структурно-семантические и функциональные особенности аналитических диминутивов в австралийском, новозеландском и южноафриканском английском / А. Н. Чударь // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2020. – № 2 (105). – С. 92–99.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – 2-е изд. – М. : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. – Т. 1. – 723 с.
3. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. А. Кузнецов (гл. ред.). – Режим доступа : <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>. – Дата доступа : 20.07.2021.
4. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ushakovdictionary.ru/>. – Дата доступа : 18.08.2021.

5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : БелСЭ, 1977 – 1984. – 5 т.
6. Cambridge Dictionary [Электронны рэсурс]. – Режим доступа : <https://dictionary.cambridge.org/>. – Дата доступа : 20.07.2021.
7. The Free Dictionary [Электронны рэсурс]. – Farlex, 2021. – Режим доступа : <https://www.thefreedictionary.com/>. – Дата доступа : 20.07.2021.
8. Duden [Электронны рэсурс]. – Режим доступа : <https://www.duden.de/>. – Дата доступа : 20.07.2021.
9. Национальный корпус русского языка [Электронны рэсурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа : 20.07.2021.
10. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Режим доступа : <https://bnkorpora.info/>. – Дата доступа : 20.07.2021.
11. British National Corpus [Электронны рэсурс]. – Режим доступа : <https://www.english-corpora.org/>. – Дата доступа : 20.07.2021.
12. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронны рэсурс]. – Режим доступа : <https://www.dwds.de/>. – Дата доступа : 18.08.2021.
13. Родіонов, М. А. Предисловие / М. А. Родіонов // Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме. – СПб., 2014. – С. 3–4.
14. Петрова, З. Ю. Регулярная метафорическая многозначность в русском языке как проявление системности метафоры / З. Ю. Петрова // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987. – М., 1989. – С. 120–133.
15. Балашова, Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. / Л. В. Балашова. – М. : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. – 632 с.
16. Ричардс, А. А. Философия риторики / А. А. Ричардс // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 44–67.

Поступила в редакцию 27.09.2021

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111

Завацкая Валентина Валерьевна
старший преподаватель
кафедры компьютерной лингвистики
и лингводидактики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Valiantsina Zavatskaya
Senior Lecturer of the Department
of Computational Linguistics and Linguadidactics
Belarusian State University
Minsk, Belarus
vzavatskaya@yahoo.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДОМ»
В АМЕРИКАНСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
НАЧАЛА XX ВЕКА

FUNCTIONING OF THE «HOUSE» CONCEPT
IN THE EARLY XX CENTURY
AMERICAN PUBLICISTIC DISCOURSE

В настоящей статье представлены наиболее значимые результаты исследования концепта «дом» в языковой картине мира американцев начала XX столетия. Учитывались словарные и корпусные данные. Выделены понятийные компоненты, описано номинативное поле концепта «house/home». Приведены количественные результаты исследования, которые отражают частотность употребления лексемы *house* в американском публицистическом дискурсе 1900–1930 гг.

Ключевые слова: *концепт «дом»; языковая картина мира; понятийный компонент концепта; номинативное поле концепта; американский вариант английского языка.*

The article deals with the analysis of the concept “house” in American linguistic worldview in the early XX century. Some dictionary and corpus data were engaged. The article represents conceptual components and the nominative field of the concept «house/home». The study shows the frequency of the lexeme *house* usage in American publicistic discourse in 1900–1930.

Key words: *the «house» concept; linguistic worldview; a conceptual component of a concept; nominative field of the concept; American English.*

Когнитивная лингвистика исследует семантику единиц, которые вербализируют в языке тот или иной концепт. Концепт – это ментальная единица, основной элемент языковой картины мира, которая обусловлена этническим языком и в нем репрезентирована. Языковая картина мира представляет собой переработанную и зафиксированную в языке информацию об окружающей действительности и человеке. Через анализ совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно понять, какое место занимает концепт в концептосфере и охарактеризовать его. Исследование содержания концепта через данные языка дает богатый, наиболее достоверный и проверяемый материал для описания концепта [1, с. 4].

Согласно Н. Н. Болдыреву, концепт – единица осмысленного знания о предмете или событии. Основная часть концептов закрепляется в языке значениями конкретных слов, что обеспечивает хранение полученных знаний и их передачу от поколения к поколению [2, с. 48]. Концепт способен к объективизации в виде слов, словосочетаний, фразеологических единиц и т.п.

Целью настоящей статьи является определение понятийных компонентов концепта «дом» и особенностей его вербализации в американском публицистическом дискурсе 1900–1930 гг. Для ее достижения применялись метод контекстуального анализа, описательный метод. Материалом исследования послужили 100 фрагментов текстов, отобранных из газетного подкорпуса Исторического корпуса американского английского языка СОНА [3].

Концепт «дом» универсален, связан с различными сферами жизни людей и репрезентируется во всех языках мира. В американском английском понятие «дом» представлено разными лексемами, однако *house* и *home* являются центральными лексемами анализируемого концепта, имеют широкую сочетаемость и представляют собой основу для образования большого количества устойчивых словосочетаний и паремий. Приведем словарные дефиниции указанных лексем.

По данным словарей для носителей современного американского варианта английского языка слово *house* означает: 1) 'место проживания для одной или нескольких семей' (*a two-family house*¹ 'дом на две семьи'², *to rent a house* 'снимать дом'). В этом значении, помимо слова *house*, также используются лексемы *home* 'дом', *dwelling* 'жилище', *domicile* 'место постоянного проживания' и др.; 2) 'здание/строение, где что-то расположено' (*a carriage house* 'каретный двор', *a lighthouse* 'маяк'); 3) 'людей, которые живут под одной крышей и составляют семью' (*Be quiet or you'll wake up the whole house*. 'Помолчи, а то ты разбудишь весь дом'). Лексемы *household* 'семья, домохозяева', *family* 'семья' являются синонимами для слова *house* в этом значении. Также встречается *house* в значении 'королевская семья или аристократический род' (*the House of Windsor* 'Виндзоры'). Лексемы *family* 'семья', *clan* 'клан, род' выступают синонимами для слова *house* в данном значении; 4) 'законодательное собрание/орган управления' (*a bill approved by both houses of Congress* 'законопроект, одобренный обеими палатами Конгресса'). В средствах массовой информации название законодательного собрания часто используется в сокращенной форме и пишется с прописной буквы: *The bill passed in the House and the Senate*. 'Законопроект приняли в Палате представителей и в Сенате'. Синонимами для *house* в этом значении выступают лексемы *chamber*, 'палата' *council* 'совет', *parliament* 'парламент' и др.; 5) 'компанию/учреждение' (*a publishing house* 'издательство', *a banking*

¹ Примеры, приводимые ниже, взяты из the Merriam-Webster Dictionary, the Oxford Advanced American Dictionary (онлайн-словари американского английского языка), the Cambridge Dictionary of English (онлайн-словарь английского языка).

² Здесь и далее перевод наш.

house ‘банк’). В этом значении также употребляются лексемы *business*, *company* ‘компания’, *firm* ‘фирма’ и др.; 7) ‘торговое помещение/место отдыха (*the local fish house* ‘местный рыбный магазин’, *an opera house* ‘опера’). Лексемы *restaurant* ‘ресторан’, *inn*, *hotel* ‘гостиница’ и др. выступают синонимами для слова *house* в данном значении; 8) ‘аудиторию в театре/концертном зале’ (*a full house on opening night* ‘полный зал на премьере’). В этом значении, помимо *house*, применяются лексемы *audience* ‘публика, аудитория’, *spectators* ‘зрители, посетители’ и др.; 9) ‘укрытие/убежище дикого животного’. Синонимами для *house* в указанном значении являются лексемы *nest* ‘гнездо’, *den* ‘берлога’, *hole* ‘нора’ и др.

Согласно информации словарей для носителей современного американского английского слово *home* означает: 1) ‘место постоянного проживания’ (*He left home*. ‘Он уехал из дома’; *We are not far from my home now*. ‘Мы сейчас находимся недалеко от моего дома’). В этом значении, помимо слова *home*, также используются лексемы *house* ‘дом’, *dwelling* ‘жилище’ и др.; 2) ‘семью, члены которой проживают вместе’ (*children from a broken home* ‘дети из распавшейся семьи’; *We had a happy home*. ‘У нас была счастливая семья’). Лексемы *household* ‘семья, домохозяйство’, *family* ‘семья’ являются синонимами для слова *home* в этом значении; 3) ‘место происхождения/родину’ (*She loves France, but she misses home*. ‘Она любит Францию, но скучает по дому’). В этом значении также употребляются лексемы *homeland*, *motherland* ‘родина’, *country* ‘страна’; 4) ‘дом, квартиру и т.п. как имущество/недвижимость’ (*a summer home* ‘дача, летний дом’, *mobile home* ‘дом на колесах’). Синонимами для *home* в этом значении выступают лексемы *house* ‘дом’, *apartment* ‘квартира’ и др.; 5) ‘учреждение, где заботятся о людях’ (*a nursing home* ‘дом престарелых’, *a children’s home* ‘детский дом’ и др.); 6) ‘место обитания животных или растений, место нахождения кого-либо или чего-либо’ (*Australia is the home of the kangaroo*. ‘Австралия – родина кенгуру’; *Beverly Hills is the home of the stars*. ‘Беверли-Хиллс – район, где живут звезды’). В этом значении также применяются лексемы *habitat* ‘среда обитания’, *territory* ‘территория’ и др.; 7) ‘знакомую или обычную, дружелюбную обстановку’ (*home is where the heart is* ‘дома лучше’, *feel at home* ‘чувствовать себя как дома’).

Анализ дефиниций показывает, что самым характерным признаком лексемы *house* является физическое пространство (дом, постройка, здание), в то время как лексема *home* соотносится с местом, где человек проводит много времени и чувствует себя комфортно (дом, семья, родина).

Изучив частотность употребления лексем *house* и *home* в СОНА за 1900–1930 гг., мы пришли к выводу, что лексема *house* встречается чаще в американской периодике этого периода, а именно 4 654 словоупотреблений против 3 246. Далее методом произвольной выборки мы отобрали 100 контекстов с данной лексемой.

Одно и то же слово в разных коммуникативных условиях объективирует разные признаки концепта. З. Д. Попова и И. А. Стернин называют совокупность языковых средств, вербализирующих концепт в определенный

период развития общества номинативным полем концепта. Ядро номинативного поля концепта включает прямые номинации самого концепта, а периферия хранит номинации отдельных когнитивных признаков, которые раскрывают суть концепта [4, с. 66–68]. Концепт представлен в языке готовыми лексемами, свободными словосочетаниями, устойчивыми словосочетаниями, фразеосочетаниями, паремиями, текстами, совокупностью текстов и др.

Из проанализированных контекстов следует, что содержание концепта «дом», репрезентированного в текстах средств массовой информации 1900–1930 гг., во многом совпадает с общеязыковым концептом, ядро которого охватывают такие понятийные компоненты, как ‘место проживания’ (фрагмент 1) и ‘законодательное собрание/орган управления’ (фрагмент 2):

(1) ...*Mr. Miller and Mrs. Alvord came to this city together. Alvord left his **house** by the rear entrance, and going past the stables, took a carriage that...* [3]. ...Мистер Миллер и миссис Алворд приехали в этот город вместе. Алворд вышел из **дома** через задний вход и, пройдя мимо конюшен, сел в экипаж, который...

(2) ...*John Dillon (Irish Nationalist) seized the chance to move an adjournment of **the House** in order to debate the subject, and, in spite of an unusually large...* [Там же]. ...Джон Диллон (ирландский националист) воспользовался возможностью перенести заседание **Палаты представителей**, чтобы обсудить эту тему и, несмотря на необычно большую...

Всего было выявлено 45 словоупотреблений лексемы *house* в значении ‘место проживания’ и 18 словоупотреблений в значении ‘законодательное собрание/орган управления’. Также было обнаружено 6 словоупотреблений данной лексемы в устойчивых словосочетаниях, обозначающих названия различных органов управления: *the House of Commons* ‘Палата общин’, *the West Virginia House of Delegates* ‘Палаты представителей Западной Вирджинии’, *the House of Representatives* ‘Палата представителей’, например:

(3) ...*The German Government, said Prime Minister Lloyd George in **the House of Commons** today, is still in default with regard to reparations...* [Там же]. ...Правительство Германии, как заявил сегодня премьер-министр Ллойд Джордж в Палате общин, все еще не выполняет обязательства в отношении возмещения ущерба...

В примере 4 словосочетание *the House of Representatives* ‘Палата представителей’ употребляется в переносном значении, функционирует коннотативно и обозначает людей, членов Палаты представителей:

(4) ...*The Nebraska Senator based his remarks on the failure of **the House of Representatives** to act on the Senate resolution to amend the Constitution...* [Там же]. ...Сенатор от штата Небраска обосновал свои замечания тем, что **Палата представителей** не смогла действовать в соответствии с резолюцией Сената о внесении поправок в Конституцию...

В следующем контексте лексема *house* применяется в составе словосочетания и выступает в значении ‘здание, постройка’, которое также входит в ядро концепта «дом». Всего было обнаружено 17 словоупотреблений в данном значении, например:

(5) ...*the men were half frozen and barely conscious. They were warmed at the **ferry house** and given stimulants. After being revived they said that they were Charles Jones...* [3]. ...мужчины обморозились и едва были в сознании. Их согрели в **постройке для паромов** и дали немного спиртного. После того как они пришли в себя, они сказали, что это Чарльз Джонс...

Интересными оказались результаты анализа контекстов, в которых использовалось словосочетание *the White House* ‘Белый дом’. Согласно информации словарей устойчивое словосочетание *the White House* имеет два значения: 1) ‘резиденция президента США’; 2) ‘правительство США’. Из 8 контекстов, где встречается это словосочетание, мы выявили 5 словоупотреблений в значении ‘здание, строение’ (пример 6):

(6) ...*Tonight President Roosevelt had a number of Administration men at **the White House** to confer about Cuban reciprocity, and outlined to them his views...* [Там же]. ...Сегодня вечером президент Рузвельт принимал несколько представителей администрации в **Белом доме**, чтобы обсудить торговое соглашение с Кубой, и изложил им свои взгляды...

Также мы обнаружили 3 словоупотребления словосочетания *the White House* с вторичной коннотацией в значении ‘правительство США’ (пример 7):

(7) ...*Mr. Bryan would have to quit the Cabinet. Nothing has come from **the White House** to give credence to a suggestion of this character. What President Wilson thinks...* [Там же]. ...Мистеру Брайану придется покинуть кабинет министров. Из **Белого дома** не поступило никакой информации, которая могла бы подтвердить подобное предположение. То, что думает президент Вильсон...

Еще в 8 контекстах лексема *house* употребляется в значении ‘компания/учреждение’ и входит в состав словосочетаний (фрагмент 8):

(8) ...*and Robert M. Moore, were in the law library of **the Kings County Court House**, when a court attendant informed them at 10:50 o'clock that the jury had agreed...* [Там же]. ...и Роберт М. Мур, были в юридической библиотеке **здания суда округа Кингс**, когда дежурный сообщил им в 10:50, что присяжные пришли к соглашению...

Также нами было обнаружено 4 словоупотребления лексемы *house* в словосочетаниях в значении ‘торговое помещение/место отдыха’, например:

(9) *A week previous to that raid the police visited **a gambling house** in West Twenty sixth Street, and there seized – \$410...* [Там же]. За неделю до этого рейда полиция посетила **игорный дом** на West Twenty sixth Street и изъяла там 410 долларов...

При изучении лексической сочетаемости номинантов концепта, а также при сопоставлении прямых и переносных значений нами были обнаружены некоторые ассоциативно-оценочные признаки (фрагмент 10):

(10) ...*Mussolini's brother, Rinaldo*, ...брата Муссолини, Ринальдо, также громко приветствовали. Синьор Фариначчи **brought the house down** вызвал бурные аплодисменты, when he suddenly jumped up and когда он внезапно вскочил и снова returned soon afterward arguing сел, споря с генеральным секретарем with Secretary General Turati... [3]. Турати...

В ходе анализа мы выявили 5 фразеосочетаний (идиом) с лексемой *house*: *keep house* 'вести хозяйство', *the death house* 'комната приведения в исполнение смертельных приговоров', *the lower house* 'нижняя палата парламента', *bring the house down* 'вызвать бурные аплодисменты', *crowded house* 'многочисленная публика'.

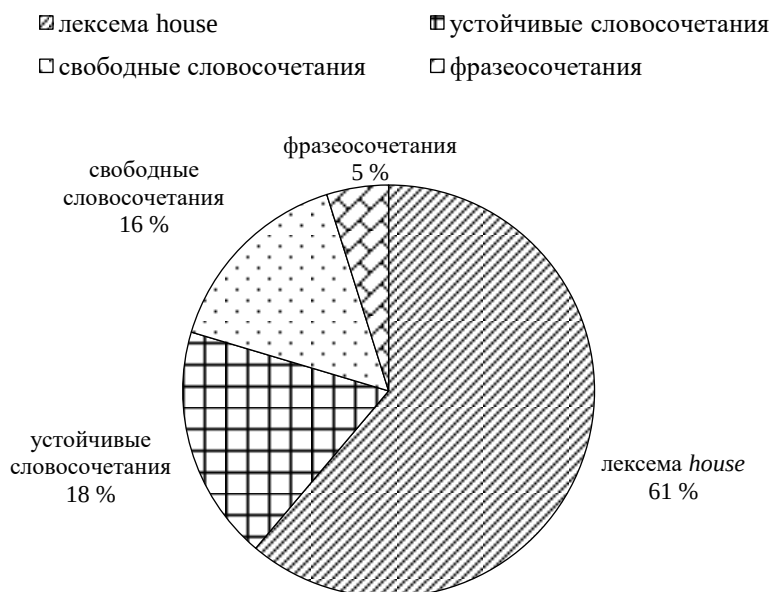
Количественные результаты исследования отражены в следующей таблице.

Структура концепта «дом» 'house'
в американском публицистическом дискурсе 1900–1930 гг.

№ п/п	Понятийные компоненты	Кол-во словоупотреблений	%
1	место проживания	45	43,7
2	здание/строение	23	22,3
3	законодательное собрание/ орган управления	18	17,5
4	компания/учреждение	8	7,8
5	торговое помещение/ место отдыха	4	3,9
6	аудитория в театре/концертном зале; фразеосочетания	5	4,8
Всего		103	100

Из проанализированных нами 100 контекстов (103 словоупотребления лексемы *house*) следует, что ядро концепта «дом» в американской публицистике 1900–1930 гг. включает в себя следующие понятийные компоненты: 'место проживания' (43,7 %), 'здание или строение' (22,3 %), 'законодательное собрание/орган управления' (17,5 %). В околядерную область концепта входят понятийные компоненты 'компания/учреждение' (7,8 %), 'торговое помещение/место отдыха' (3,9 %), так как они реже реализуются. К области периферии относится значение 'аудитория в театре/концертном зале' и фразеологические единицы, поскольку имеют низкую частотность употребления (4,8 %).

Номинативное поле концепта «дом» данного периода составляют: лексема *house* (61 %), свободные словосочетания (16 %), устойчивые словосочетания (18 %) и фразеосочетания (5 %). Для более наглядного представления результатов можно обратиться к следующей диаграмме (рисунок).

Вербализация концепта «дом» в американской публицистике 1900–1930 гг.

Среди свободных словосочетаний мы выявили: *adjoining house* ‘соседний дом’, *gambling house* ‘игорный дом’, *mercantile house* ‘торговый дом’, *boarding house* ‘студенческое общежитие’, *ferry house* ‘постройка для паромов’, *station house* ‘здание полицейского участка’, *court house* ‘здание суда’, *tenement house* ‘многоквартирный дом’, *custom house* ‘таможня’, *lodging house* ‘городское общежитие’, *guard house* ‘караульное помещение’, *clearing house* ‘расчетная палата’, *opera house* ‘оперный театр’.

Рассматривая контексты, мы обнаружили следующие устойчивые словосочетания (названия органов управления и государственных учреждений) с лексемой *house*: *the White House* ‘Белый дом’, *the Grand Opera House* ‘Гранд Опера хаус’, *the Kings County Court House* ‘здание суда округа Кингс’, *the House Judicial Committee* ‘Юридический комитет Палаты представителей’, *the House of Representatives* ‘Палата представителей’, *the House of Commons* ‘Палата общин’, *the Ways and Means Committee of the House* ‘Бюджетный комитет Палаты представителей’.

Таким образом, анализ контекстов показал, что в Америке 1900–1930 гг. средства массовой информации трактовали дом прежде всего как ‘место проживания’ и ‘здание/строение’, затем как ‘орган управления, учреждение или объединение людей по общественным интересам’. В более редких случаях концепт «дом» связывали с понятийным признаком ‘аудитория в театре/концертном зале’. Распределение частотности реализации концепта

в той или иной сфере обусловлено культурными и социально-политическими факторами. Номинативное поле концепта «дом» репрезентировано лексемой *house*, свободными словосочетаниями, устойчивыми словосочетаниями и фразеосочетаниями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология концептов : в 2 т. / науч. ред.: В. И. Карасик, И. А. Стернин. – Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. 1. – 352 с.
2. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – М. : Издат. дом ЯСК, 2018. – 480 с.
3. The Corpus of Historical American English [Электронный ресурс]. – Mode of access : <https://www.english-corpora.org/coha/>. – Date of access : 27.12.2021.
4. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

Поступила в редакцию 03.02.2022

Лойша Марина Михайловна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лексикологии
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Marina Loisha
PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of English Lexicology
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
marina.loisha@gmail.com

СТРУКТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
НАРРАТИВНОГО СЮЖЕТА НА ТЕМУ КОРОНАВИРУСА
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

STRUCTURAL AND MORPHOLOGICAL FEATURES
OF NARRATION ON CORONAVIRUS PANDEMIC
IN POLITICAL DISCOURSE

Статья посвящена исследованию нарративного сюжета, который рассматривается как способ передачи информации, используемый автором для вербализации своих идеологических ценностей и установок. Выделяются основные акторы нарративного сюжета и описываются их свойства и взаимоотношения, являющиеся ключевыми в конструировании повествования. С помощью структурно-морфологической модели нарративного сюжета выявляются способы интерпретации фрагментов действительности в американском и российском политическом дискурсе.

Ключевые слова: *нарративный сюжет; актор; нарративная стратегия; идеологический нарратив; политический дискурс.*

The article focuses on studying narration which is viewed as a means of information transfer and used by the narrator to verbalize their ideological values and beliefs. The author of the article describes major actors of the narration and their qualities and relationship that are instrumental in building narration. The structural-morphological model of narration structure is used to identify the methods of representing reality in American and Russian political discourse.

Key words: *narration; actor; narration strategy; ideological narration; political discourse.*

Нарратив выступает преобладающей формой передачи информации в различных сферах современной коммуникации, а именно политика, реклама, пропаганда, новости и т.д. Это, прежде всего, обусловлено сущностью нарратива, который является разновидностью речевого действия или разговора, предназначенного для передачи последовательности событий.

Одним из родоначальников нарративного анализа сюжетов признан советский исследователь В. Я. Пропп. Рассматривая сказки, он пришел к выводу, что в них есть как повторяющиеся, постоянно воспроизводящиеся

элементы, так и особенные, уникальные. В первую очередь, нарратолога заинтересовали постоянные, повторяющиеся элементы. В центре внимания В. Я. Проппа оказались действия персонажей, или согласно его терминологии функции. Всего была выделена и описана 31 функция, примерами которых являются запрет, нарушение, выведывание, выдача, перемещение между двумя царствами, снабжение или получение волшебного средства, преследование, спасение, неузнанное прибытие и т. д. [1, с. 30–60].

Как считал А.-Ж. Греймас, использование 31 функции, выделенных В. Я. Проппом, является избыточным для базовых принципов структурирования повествования. Объединив парные функции, он получил сначала 20 функций, а затем, учтя критику К. Леви-Стросса, исследователь сократил 20 функций до 5, утверждая, что любой сюжет можно закодировать пятью функциями: А – заключение договора (предписание vs согласие) (А – не договор); F – борьба (противостояние vs победа); С – коммуникация (передача и получение); Р – присутствие; D – быстрое перемещение. Следуя данной логике, А.-Ж. Греймас выстраивает список персонажей – актантов или акторов, которые составляют три парадигматические оппозиции: адресант / адресат, помощник / противник, субъект / объект [2, с. 248–277]. Эта аналитическая модель, по мнению А.-Ж. Греймаса, применима не только к сказкам, но и к любым повествованиям.

Структурно-морфологическая модель анализа нарративов может использоваться в качестве диагностического инструмента для выявления идеологической составляющей в нейтральном на первый взгляд повествовании. Таким образом, анализ нарративного дискурса бывшего президента США Д. Трампа и президента РФ В. В. Путина дал возможность выделить способы конструирования действительности и ее фрагментов. Будучи лингвокультурным феноменом, анализ нарративных стратегий также позволил определить значимые установки не только отдельного человека, но и политического института в рамках конкретного языкового сообщества.

Для анализа американского политического дискурса использовались высказывания Д. Трампа за период с марта 2020 по декабрь 2020 года. Основными акторами высказываний Д. Трампа на тему коронавируса являются Белый дом, сам Трамп, коронавирус, Китай, экономика и население США.

Отношения между акторами, их свойствами и действиями можно представить в виде следующей упрощенной схемы, которая иллюстрирует конструируемый в анализируемом материале фрагмент картины мира (рис. 1).

Рис. 1. Отношения между основными акторами, их свойствами и действиями в нарративе Д. Трампа

Если несколько упростить сюжет, то выстраивается следующее повествование. Коронавирус, являющийся результатом ошибки и некомпетентности, проявленной в проведении противовирусных мер в Китае, оказывает влияние на экономику и население США, но поскольку США – это великая страна, данное влияние не разрушит ни нацию, ни экономику при условии, что все будут оставаться спокойными, а на более поздних этапах нарратива еще и бдительными. В отличие от экономики и населения, которые являются пассивными акторами и не оказывают прямого действия на вирус, правительство США выступает активным актором, чья программа действий эволюционирует на протяжении рассматриваемого временного периода. Если на раннем этапе правительство подготовило план, но ничего не делало, то на поздних этапах оно развязывает войну против вируса и успешно ее выигрывает. Сам же Д. Трамп выступает как активным, так и пассивным актором, что свидетельствует о его непоследовательной политике по отношению к пандемии коронавируса. Вначале он проявляет активную позицию, настаивает

вая, что его лично данная проблема не остановит от выполнения президентских обязанностей, а затем он объявляет себя президентом военного времени. И только заразившись вирусом, уходит на карантин, демонстрируя некоторую обреченность и неспособность контролировать ситуацию.

Подробный анализ нарративных стратегий, используемых бывшим президентом США, позволяет в полной мере понять, каким образом создавался оптимистический нарратив победы США над коронавирусом.

В высказываниях Д. Трампа, посвященных проблеме пандемии, преобладает идеологический нарратив. Президент выражает уверенность, что страна подготовлена к любому варианту развития событий. Предпринимаемые действия кажутся достаточными: введение режима чрезвычайной ситуации, меры поддержки бизнеса, начало разработки вакцины. Ключевая позиция Д. Трампа – «Мы готовы к любым вызовам и будем бороться – у нас есть для этого все средства»: *We have a perfectly coordinated and fine-tuned plan at the White House for our attack on CoronaVirus.*

Президент США заявлял, что американская экономика может понести ущерб в результате вспышки коронавируса, однако впоследствии проблема будет разрешена: *Just stay calm. It will go away.* Он также отмечал, что эффективно справляется с кризисом. Отвечая на вопрос о последствиях коронавируса для экономики, Трамп сказал: *Of course it's an effect. I mean, it is effect – now, you know, if you know anything about me, I like when people happen to stay in the United States and spend their money in the United States. <...> And then this is ended. It will end. People have to remain calm.* Таким образом, президент лишь пытается скрыть уязвимость государства в данном вопросе.

Личностный нарратив задействован в ответе на вопрос о приписываемой Д. Трампу боязни микробов и пренебрежительном отношении к рекомендации врачей избегать рукопожатий. Он отмечает, что невозможно быть политиком и не пожимать людям руки, и демонстрирует отрицание проблемы: *I love the people of this country, and you can't be a politician and not shake hands. And I'll be shaking hands with people – and they want to say hello and hug you and kiss you – I don't care.*

Как только появились сведения о том, что американские ученые провели первые клинические испытания вакцины от коронавируса, Д. Трамп назвал себя *wartime president* из-за борьбы с пандемией. Также он отметил то, как американцы борются с коронавирусом. Его ключевая позиция сводится к тому, что Америка не может бездействовать, т.к. это великая страна: *Our country wasn't built to be shut down. This is not a country that was built for this.* Далее Д. Трамп заявляет, что, по имеющимся у него данным, государство преодолело пик по числу случаев коронавируса: *The battle continues, but the data suggests that nationwide we have passed the peak on new cases.*

Идеологический нарратив используется президентом США, чтобы переложить ответственность за рост больных и умерших от коронавируса с себя на КНР. Он предположил, что пандемия COVID-19 началась из-за некомпетентности в КНР: *Either they made a terrible mistake – probably it was*

incompetence. Somebody was stupid and they did not do the job that they should have done. It is too bad. К тому времени США лидируют в мире по числу заболевших и умерших. При этом он категорически отвергает обвинения в том, что его администрация реагировала на ситуацию недостаточно быстро.

Таким образом, нарративный сюжет Д. Трампа на тему Covid-19 выстраивается преимущественно с использованием идеологического нарратива, ключевым лейтмотивом которого является утверждение, что «США – великая страна. И если создается впечатление, что у нас что-то идет не так, то лишь потому, что мы слишком стараемся или хотим, как лучше».

Проанализировав высказывания российского президента за аналогичный период, мы выявили, что основными акторами тематических высказываний В. В. Путина являются правительство, коронавирус, экономика, население России и медицинские работники.

Отношения между акторами, их свойствами и действиями, сконструированные в анализируемом материале, можно представить в виде следующей упрощенной схемы (рис. 2).

Рис. 2. Отношения между основными акторами, их свойствами и действиями в нарративе В. В. Путина

Обобщая элементы сюжета, показанные на рис. 2, представляется возможным выстроить характерное для российского президента повествование. В. В. Путин считает правительство и медицинских работников (в лице вирусологов и врачей) единственными активными акторами, которые делают все возможное, чтобы спасти падающую экономику и здоровье людей. При этом средства спасения выбираются после консультирования с экспертами, а меры ограничения являются не очень обременительными для людей. При этом сами люди не способны ответственно относиться к себе и окружающим.

Подробный анализ нарративных стратегий, используемых В. В. Путиным, позволяет в полной мере понять, каким образом создавался нарратив о мудром и добром правительстве, которое спасет страну и народ от коварного врага.

В марте 2020 г. президент России В. В. Путин обратился к народу с речью, в которой используется преимущественно идеологический нарратив: *Обращаюсь к вам по вопросу, который сейчас волнует всех нас. Мы видим, как остро развивается ситуация с эпидемией коронавируса в мире. ... Но мы с вами должны понимать, что Россия – просто даже в силу своего географического положения – не может отгородиться от угрозы. Но то, что мы можем и уже делаем, – так это работать профессионально, организовано и на опережение. И главный приоритет здесь – жизнь и здоровье наших граждан.*

В разработке и принятии ситуационных решений политик использует событийный нарратив: *Регионы сами, в значительной степени исходя из объективной ситуации будут принимать решения о том, какой режим в субъекте федерации или в его отдельных муниципалитетах вводится в соответствии с указом президента России, какие учреждения и организации должны приостановить свою деятельность, а какие могут ее продолжить при строгом обеспечении безопасности граждан.*

В марте и апреле В. В. Путин обращался к народу четыре раза. Чаще всего он говорил о работе – это слово и его производные прозвучали в обращениях 49 раз. Российский президент не употребляет местоимение я, предпочитая ему мы и наш. Одно из наиболее частых выражений – меры поддержки – прозвучало 40 раз. Почти столько же раз Путин упомянул врачей и медицинских работников, а также обычных граждан. Слово коронавирус прозвучало 30 раз. Столько же раз президент упомянул бизнес и предпринимателей, а также выплаты, предприятия и производство. Слово эпидемия прозвучало 22 раза, а угроза – 12 раз. Большая часть обращений в период с 25 марта по 28 апреля 2020 года была посвящена мерам поддержки экономики.

Однако в многочисленных выступлениях В. В. Путин постоянно делает акцент на недостаточно ответственном отношении населения к противовирусным мерам: *Вновь хотел бы подчеркнуть: борьба с эпидемией еще далеко не закончена, она продолжается. Но, как ни странно, до сих пор люди не всегда чувствуют, понимают, а поэтому и не всегда верят в то, что весь*

мир столкнулся, и мы в России тоже, с очень опасным противником. Инфекционные заболевания, и COVID не в последнюю очередь, – такой тихий, незаметный, но очень опасный противник, опасный враг. Надо будет потом обязательно организовать информационную кампанию, объяснять людям разницу, кому что показано, какие вакцины для какой возрастной группы, какие для людей с сопутствующими какими-то проблемами здоровья. Надо обязательно это сделать после, конечно, регистрации.

Таким образом, в выступлениях президента России В. В. Путина использован преимущественно событийный и идеологический нарратив для кристаллизации следующей позиции: «Нужно работать, и мы со всем справимся. Кого нужно – поддержим. Мы уже не раз справлялись с бедами, справимся и сейчас».

Итак, на основе анализа нарративных стратегий политиков выведем основные позиции политиков в их нарративных стратегиях.

Д. Трамп утверждает: Это надуманное, мы готовы к любому сценарию, мы страдаем, но боремся. США великая страна, и мы не можем позволить себе остановиться. Я не могу допустить, чтобы США сдались в бездействии.

В. В. Путин заявляет: Для нас это «беспрецедентный вызов», но мы со всем справимся. Кого нужно – поддержим. Нужно всем вместе скоординироваться, мы уже не раз справлялись с бедами. Широкие экономические меры, программы. (Акцент на достижениях, цифры, факты, энергичный руководитель.)

Таким образом, сравнительный анализ выступлений Д. Трампа и В. В. Путина, посвященных пандемии коронавируса, показывает, что оба политика выстраивают повествование с применением преимущественно идеологического нарратива, акцентируя внимание на величии своей страны. Однако, несмотря на использование в своих сюжетах одних и тех же акторов, т.е. правительство и народ, они наделяются разными свойствами, что демонстрирует разные ценности и установки в политической картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пропп, В. Я.* Морфология сказки / В. Я. Пропп. – М. : Гл. ред. восточ. лит. изд-ва «Наука», 1969. – 168 с.
2. *Греймас, А. Ж.* Структурная семантика: Поиск метода / А. Ж. Греймас. – М. : Академ. проект, 2004. – 368 с.

Поступила в редакцию 30.12.2021

Морозова Лилия Петровна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры лексикологии французского языка
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Liliya Morozova

PhD, Associate Professor of the Department
of French Lexicology
Minsk State Linguistic University
Belarus, Minsk
liliya_morozova@yahoo.fr

Устинович Вера Владимировна

преподаватель кафедры фонетики
и грамматики французского языка
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Vera Ustinovich

Lecturer of the Department of French
Phonetics and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ustinovich_vera@yahoo.com

**СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА РЕМАТИЧЕСКОГО ТОНА
ВО ФРАНЦУЗСКИХ ОБЩЕВЕРИФИКАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ**

**STRUCTURE AND SEMANTICS OF THE RHEMATIC TONE
IN FRENCH UTTERANCES WITH VERUM FOCUS**

Статья посвящена исследованию просодических характеристик французских общеверификативных высказываний, в которых рематический тон, приходящийся на сказуемое, занимает неконечную позицию. Рассматриваются факторы, определяющие маркированность коммуникативной структуры такого рода высказываний, выявляется их семантико-прагматическое содержание и определяется вклад рематического тона в выражение значений контраста и эпистемической и эмоциональной модальности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *общеверификативное высказывание; коммуникативная структура; просодическая организация; рематический тон; неконечная локализация рематического тона.*

The article deals with the prosodic characteristics of French verum focus utterances in which the rhematic tone has a non-final position and is localized on the predicate. The article discusses the factors that determine the marked character of the informational structure of such utterances, reveals their semantic and pragmatic content and determines the contribution of the rhematic tone to the expression of the meanings of contrast and epistemic and emotional modality.

Key words: *utterance with verum focus; informational structure; prosodic organization; rhematic tone; non-final rhematic tone localization.*

В исследованиях средств выражения коммуникативной структуры (КС) высказывания во французском языке просодии отводится довольно скромное место. Как писал в свое время Ш. Балли, в самых «чистых» и простых формах французских «связанных» (одноконтурных. – Л. М., В. У.) высказываний, внутри которых отсутствуют значительные тональные контрасты и перцептивно значимые срединные паузы, которые можно было бы удлинять без нарушения синтаксической структуры, нет никаких языковых

знаков, выражающих тему и ремю [1, с. 84], и число компонентов КС и границы между ними «определяются либо исходя из ситуации и контекста, либо из характера выраженной мысли» [Там же].

Эта точка зрения разделяется современными исследователями и распространяется как на двухкомпонентные, так и на однокомпонентные (тетические) высказывания с прототипической синтаксической структурой «подлежащее (группа подлежащего) + сказуемое (группа сказуемого)», с уточнением относительно порядка следования членов предложения в однокомпонентных высказываниях: они сохраняют одноконтурную организацию в последовательности «обстоятельство времени + обстоятельство места + подлежащее + сказуемое + обстоятельство образа действия (прямое дополнение)» [2, р. 77–101]:

Hier soir, en banlieue, un groupe de jeunes a incendié une voiture ‘Вчера вечером в пригороде группа молодых людей подожгла автомобиль’.

Условием отсутствия просодических показателей тема-рематического членения в двухкомпонентных высказываниях считается прототипический порядок линейной организации компонентов, при котором тема предшествует реме [3]. В результате «нейтральности» синтаксической и просодической организации такого рода высказываний их КС представляет собой структуру «по умолчанию»: она не указывает на особую пресуппозицию и не привносит дополнительных смыслов, т.е. оказывается немаркированной.

Данные положения требуют, однако, уточнения, касающегося локализации рематического ядра. Известно, что, несмотря на фиксированный порядок членов во французском предложении, ядро ремы не обязательно занимает конечную позицию в высказывании и может смещаться влево. При этом предельной границей смещения рематического ядра оказывается сказуемое, так как перемещение рематического тона («акцентного выделения», «*accent d'intensité*») на подлежащее, в отличие от таких языков, как немецкий, итальянский, русский и др., не допускаются просодической нормой французского языка [1; 4]. Рематизация подлежащего, как известно, осуществляется с помощью лексико-синтаксической конструкции *c'est...qui (ce sont...qui)*, в которую оно помещается.

При неконечной локализации рематического ядра заядерная часть имеет в зависимости от контекста, синтаксической структуры и семантики входящих в него элементов разный коммуникативный статус: часть ремы с более высокой степенью активированности по сравнению с ядром, «рамка» в постпозиции, тема.

Неконечной локализацией рематического ядра характеризуются верификативные высказывания, в которых оно приходится на сказуемое. Исследуя проблему верификативных высказываний, отечественные авторы ссылаются на труды П. Адамца, который выделяет 4 типа высказываний в соответствии с их актуальным членением: общеинформативные, частноинформативные, общеверификативные, частноверификативные. К общеверификативным он относит высказывания, «актуальная информация которых представляет собой

не новое сообщение, а реакцию на мнение собеседника, верификацию или коррекцию этого мнения» [5, с. 27]. При этом автор подчеркивает, что таким образом говорящий выражает мнение, *противоположное* мнению собеседника относительно реальности некоего факта. На то, что верификация характеризует в большей степени «полемический диалог или дискуссию ... чем связное повествование о цепи событий», обращает также внимание Т. Е. Янко [6, с. 156].

Вопрос о коммуникативном статусе элементов высказывания, т.е. о составе КС общеверификативных высказываний, решается следующим образом: «Ядром [рематическим. – Л. М., В. У.] ... является всегда один глагол, причем фактически не глагол как единство лексического и модального значения, а только его модальность – положительная или отрицательная» [5, с. 28].

В исследованиях зарубежных лингвистов верификативные высказывания (содержащие *verum focus*) также определяются как «a case where *nothing is new to the speaker*» ‘случай, когда *ничто не является новым* для говорящего’ [7, р. 464]. Согласно Дж. Тюрко, К. Димрот, Б. Браун, локализация фокуса (ядра ремы. – Л. М., В. У.) на глаголе «affects the polarity component of the utterance, while the rest of the utterance is considered to represent *background/given* information» ‘затрагивает полярность данного компонента высказывания, тогда как остальная часть высказывания рассматривается как фоновая/данная информация’ [7, р. 464].

С точки зрения просодической организации носителем ядерного – рематического – тона в такого рода высказываниях всегда оказывается глагол-сказуемое [6, с. 163]. При этом, как отмечает Т. Е. Янко, ядерный тон («акцент», в ее терминологии) на глаголе-сказуемом должен быть в высказывании один, что и является одним из показателей того, что это общеверификативное высказывание [6].

При анализе общеверификативных высказываний, так же, как и в случаях изменения прототипического следования компонентов, в частности инверсии ремы, встает вопрос о значимости смещения рематического ядра с конечной позиции для придания КС маркированного характера.

Что касается высказываний с инверсией ремы, то их КС традиционно рассматривается как маркированная. Так, например, большинство исследователей французского языка считают, что при использовании конструкций *c'est...qui (ce sont...qui)*; *c'est...que* инверсия ремы, выраженной подлежащим (дополнением), передает противопоставление (не А, а В) и тем самым указывает на особую пресуппозицию и наличие дополнительных имплицитных смыслов [8; 9; 10]. Анализ высказываний с подлежащим-ремой в конструкции *c'est...qui (ce sont...qui)* свидетельствует, однако, о том, что далеко не во всех случаях в них содержится противопоставление. Такого рода высказывания могут быть простым ответом на вопрос, в котором подлежащее-рема означает выбор из неопределенного множества альтернатив, например:

Qui est l'auteur de cette aquarelle ? – C'est mon frère qui l'a dessinée 'Кто автор этой акварели? – Это мой брат ее нарисовал'.

Противопоставление, контраст, и, соответственно, маркированная КС появляются в том случае, если предположение, содержащееся в предтексте, не соответствует действительности и требуется его опровержение:

C'est toi l'auteur de cette aquarelle ? – (Non), c'est mon frère qui l'a dessinée 'Ты автор этой акварели? – (Нет), это мой брат ее нарисовал'.

Правомерно предположить, что дифференциация коммуникативного содержания такого рода высказываний осуществляется как благодаря контексту, так и за счет различий просодических признаков рематического тона, релевантность которых для маркирования КС во французском языке убедительно продемонстрирована на материале высказываний с конечной локализацией рематического ядра [11].

Смещение рематического тона на глагол также, по мнению ряда авторов [10; 12], автоматически приводит к приращению дополнительных смыслов и, соответственно, служит основанием для того, чтобы считать КС высказывания маркированной. В качестве подтверждения указывается на полемический характер верификативных высказываний, проявляющийся в наличии опровержения эксплицитно или имплицитно выраженной точки зрения (не А, а В).

Однако, как показывают наблюдения над устной речью, это не всегда так. Общеверификативные высказывания, как уже было отмечено, связаны с изменением полюса модальности, и они могут быть ответом на один из типов имплицитного или эксплицитного вопроса: *simple polar yes/no-questions and polar alternative questions* 'простой полярный да/нет вопрос и полярный альтернативный вопрос' [13, p. 6].

(1) – *Tu lui as expliqué les obligations ? – Oui, je lui ai expliqué les obligations. (Je les lui ai expliquées.)* '– Ты объяснил ему обязанности? – Да, я ему объяснил обязанности (Я их ему объяснил.)'. – *yes/no-question* (да/нет-вопрос);

(2) – *Tu lui as expliqué les obligations ou tu ne les lui as pas expliquées ? – Je lui ai expliqué les obligations.* 'Ты ему объяснил обязанности или не объяснил? – Да объяснил я ему обязанности'. – *polar alternative question* (полярный альтернативный вопрос).

В примере (2) сам вопрос «подталкивает» говорящего к совершению выбора. Таким образом, общеверификативные высказывания, являющиеся ответом на такой вопрос, содержат в себе имплицитный, реже явный, выбор из двух альтернатив, т.е. опровержение одного из предположений. Очевидно, что КС таких высказываний следует рассматривать как маркированную.

Косвенным подтверждением того, что общеверификативные высказывания представляют собой неоднородное образование, служат данные, полученные на материале разных языков, согласно которым их просодическое воплощение отличается вариативностью, затрагивающей как типы

рематического тона, так и признаки разновидностей выявленных типов тона. Так, например, Т. Е. Янко, анализируя интонацию русских высказываний, приходит к выводу о том, что «со статистической точки зрения восходящий акцент [рематический тон. – Л. М., В. У.] типа ИК-3 на глаголе в базе данных нарративных текстов гораздо более частотен, чем нисходящие ИК-1 или ИК-2. В базе данных интервью и допросов удельный вес верификативных рем с нисходящим акцентом на глаголе был бы больше» [6]. К сожалению, автор не объясняет причины такого распределения типов ядерных тонов, хотя очевидно, что в интервью и допросах полемические ситуации, в которых происходит противопоставление двух альтернатив, являющееся показателем маркированности КС, представлены шире, чем в нарративных текстах.

Свидетельством неоднородности КС общеверификативных высказываний служат также ограничения в употреблении рематических тонов в высказываниях, являющихся ответом на общий вопрос (да/нет), в которых допускается лишь «нейтральный» нисходящий тон, соответствующий *Finalité*, в терминологии П. Делаттра, или *Conclusif majeur* (М. Росси), *Conclusif neutre* (А. Ди Кристо).

Таким образом, правомерно предположить, что идентификация маркированности/немаркированности КС общеверификативных высказываний осуществляется не только и не столько на основании контекста, сколько за счет просодических характеристик высказывания и в первую очередь рематического тона.

Для выяснения роли просодии в выражении маркированного характера КС общеверификативных высказываний был проведен анализ корпуса примеров, представленного утвердительными высказываниями участников дебатов на французском радио и телевидении, характеризующимися синтаксической структурой «подлежащее + сказуемое с зависимыми элементами» и локализацией ядерного – рематического – тона на глаголе-сказуемом. Исследование проводилось методами *семантико-прагматического, слухового и акустического анализа*. Слуховой и акустический анализ примеров был направлен на выявление структурных воспринимаемых и акустических признаков рематического тона. В ходе семантико-прагматического анализа устанавливалось модально-прагматическое содержание высказываний.

Анализ характеристик ядерного рематического тона основывался на представлении о том, что такие признаки, как интервал тонального изменения на ядерном участке интонационной синтагмы, начальный и конечный уровни тонального движения в ядре и характер изменения высоты голоса (равномерная/неравномерная скорость), а также относительная длительность и интенсивность ударного гласного, являются лингвистически значимыми. Релевантность данных признаков отмечалась уже в ранних исследованиях французской интонации. В частности, в системе интоном П. Делаттра [14]

противопоставление большой незавершенности и общего вопроса основано на различиях в форме кривой ч.о.т.¹ (выпуклой~вогнутой), что соответствует различиям в скорости изменения высоты голоса. На роль интервала тонального изменения в дифференциации большой и малой незавершенности указывает в одной из последних публикаций А. Ди Кристо [15]. В исследовании интонации импликации на материале аргументативного дискурса [16] установлена значимость для ее идентификации восходяще-нисходящей конфигурации кривой ч.о.т. и локализации максимума ч.о.т. на гласном.

Исходя из этого, рематический тон анализировался в терминах таких *воспринимаемых* мелодических признаков, как *направление* изменения высоты голоса, *высотно-тональный уровень* (низкий, средний, средневысокий, высокий), *интервал* (узкий, широкий, полный), *характер* изменения высоты голоса (плавное/крутое падение, плавный/резкий подъем; равномерная/неравномерная скорость). Воспринимаемые динамические и временные характеристики определялись как наличие/отсутствие интенсификации и значительного удлинения ядерного слога.

Акустические тональные признаки рематического тона включали направление движения ч.о.т. на ядерном слоге, начальный и конечный уровни изменения ч.о.т., интервал изменения ч.о.т.

Акустические динамические и временные характеристики анализировались с точки зрения отношения значения интенсивности ядерного слога к среднему значению интенсивности безударных слогов и отношения длительности гласного ядерного слога к средней длительности гласных безударных слогов.

С точки зрения экстенсивности проанализированные примеры представлены в подавляющем большинстве случаев (96 %) двухакцентными и трехакцентными структурами, включая заядерную часть. В 72 % высказываний предцентр тонального контура не содержит ударных слогов, и ядерный тон приходится на первую акцентную единицу:

*On **peut** évaluer le mouvement* ‘Мы **можем** оценить движение’.

Многоакцентные (2 и более акцентные единицы) структуры наблюдаются в высказываниях, в которых подлежащее не выражено местоимением:

*La médecine ^{cine} **répare** les corps* ‘Медицина **исцеляет** тела’.

Слуховой анализ материала позволил выявить рематические тоны, представленные двумя типами – нисходящим и восходящим, которые составляют соответственно 60 % и 40 % исследованных примеров. При этом внутри нисходящего типа наблюдается вариативность, затрагивающая характер изменения высоты голоса, высотный регистр и интервал, а тоны восходящего типа различаются лишь регистром, так как они характеризуются резким подъемом, при котором слуховая идентификация интервала тонального изменения оказывается трудно осуществимой (табл. 1).

¹ Частоты основного тона

Разновидности рематических тонов
в общеверификативных высказываниях с маркированной КС, %

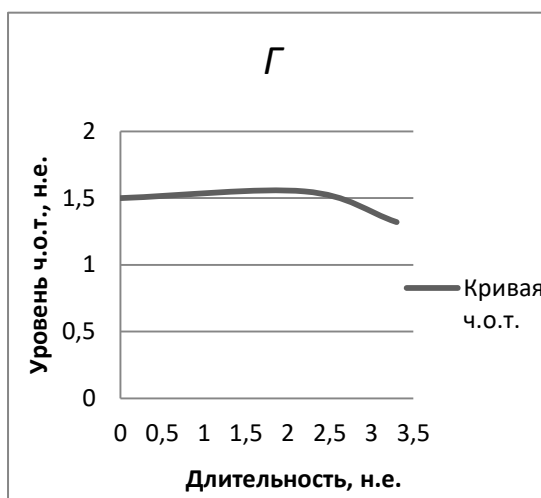
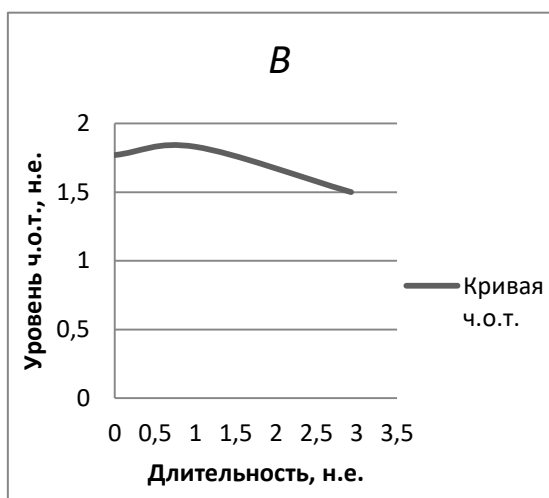
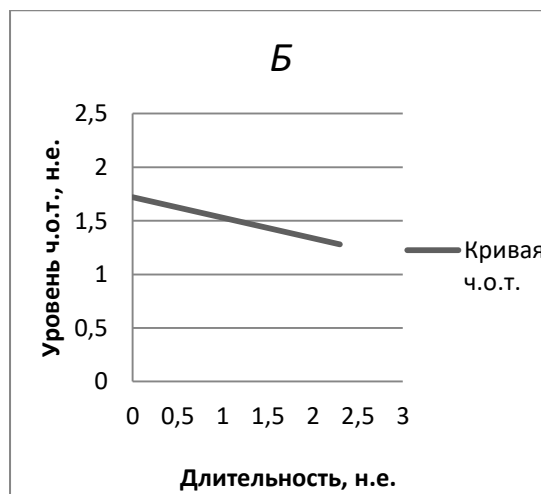
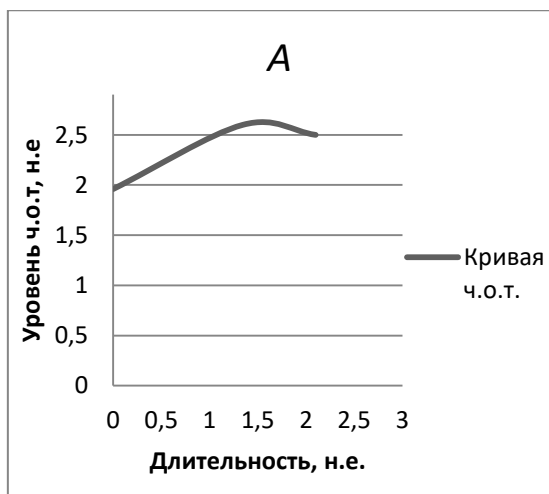
Направление движения тона	Характер изменения высоты голоса	Высотно-тональный регистр	Тональный интервал	%
нисходящий	равномерное крутое падение тона	высокий	широкий	3
		средневысокий	широкий	13
			узкий	10
	замедленно-ускоренное падение тона	высокий	широкий	12
		средневысокий	широкий	5
	замедленно-ускоренное растянутое падение тона	средневысокий	широкий	11
		средний	широкий	7
восходящий	резкий подъем тона	высокий		28
		средневысокий		12

Примечательно, что рематические тоны вне зависимости от принадлежности к восходящему или нисходящему типу произносятся в подавляющем большинстве случаев в высоком/средневысоком регистре, а нисходящие тоны, кроме того, отличаются широким интервалом падения.

Специфичными для проанализированных примеров следует считать восходящие тоны, характеризующиеся исключительно *резкой* сменой тонального уровня на ядерном слоге. Восходящих тонов с *плавным* равномерным и неравномерным изменением голоса в проанализированном материале не обнаружено.

Что касается тонов нисходящего типа, то выявлена перцептивно релевантная интенсификация равномерно нисходящего крутого тона.

Акустический анализ регистровых характеристик и интервала тонального движения рематических тонов подтвердил данные слухового анализа (рисунк) и позволил определить акустические корреляты замедленно-ускоренного растянутого тона (рис. В). Его специфика состоит в большей протяженности медленного (ровного) участка и обратном соотношении длительности медленного (ровного) и быстрого участков по сравнению с замедленно-ускоренным тоном (рис. Г).

Форма кривой ч.о.т.: *А* – резко восходящего тона;
Б – равномерно нисходящего крутого тона; *В* – замедленно-ускоренного тона;
Г – замедленно-ускоренного растянутого тона

Что касается параметра длительности, то установлено значительное удлинение гласного ядерного слога при реализации нисходящих тонов: в случае замедленно-ускоренного растянутого тона длительность гласного достигает более 3 н.е. Самым кратким оказывается гласный ядерного слога-носителя резко восходящего тона (в среднем 2,1 н.е.).

Анализ значений интенсивности ядерного слога позволил выявить значимое увеличение ее уровня по сравнению с безударными слогами заядерной части и конечным слогом высказывания только в случае нисходящего тона с крутым падением (табл. 2). Интенсификация ядерного слога в таких высказываниях усиливается динамическим контрастом с последующим участком, на котором происходит резкое падение уровня интенсивности.

Статистические показатели значений интенсивности ударного,
заударного и конечного слогов в общевеерификативных высказываниях
с нисходящим крутым рематическим тоном

Статистические показатели максимума интенсивности	Ударный слог	Заударный слог	Конечный слог
Среднее значение, н.е.	1,04	0,96	0,92
Значение критерия Стьюдента	3,12 (2,5 %)		—
		—	3,99 (2,5 %)
Разница средних, н.е.	0,08		—
		—	0,11
Утроенное квадратичное отклонение	0,069		—
		—	0,08

Анализ контекста и семантико-прагматического содержания высказываний продемонстрировал наличие в них значения противопоставления (контраста), что дает основание считать их КС маркированной. Маркированный характер КС наряду с контекстом придают рематические тоны. Действительно, сравнение тонов, употребляемых в общевеерификативных высказываниях с тонами, выявленными в высказываниях с неконечной локализацией рематического ядра при немаркированной КС [17], обнаруживает существенные различия: в высказываниях с немаркированной КС не выявлены *восходящие* тоны, составляющие в общевеерификативных высказываниях 40 % от общего числа, а также *нисходящие* тоны с *крутым* (26 %), *замедленно-ускоренным растянутым* (18 %) падением. Замедленно-ускоренное нисходящее движение в общевеерификативных высказываниях отличается в большинстве случаев *высоким началом*, которое не наблюдается в немаркированной КС, а совпадающий по основным признакам замедленно-ускоренный нисходящий тон составляет лишь 5 %.

Разнообразие и специфичность рематических тонов в проанализированных высказываниях ставит вопрос о причинах их вариативности. Как уже было отмечено, все высказывания выражают логико-семантическое значение противопоставления (контраста), характерное для *полемиической коммуникации*. В исследованном материале полемика приобретает разные формы: от резкого неприятия чужого мнения до мягкого возражения, при этом она может сопровождаться или нет эмоциональной реакцией. То есть семантико-прагматическое содержание общевеерификативных высказываний наряду со значением противопоставления (контраста) неизбежно включает модальные значения. Выявленные значения относятся к области эпистемической и эмоциональной модальности и выражаются просодическими средствами, в частности, рематическим тоном.

Семантико-прагматический анализ высказываний подтвердил предположение о том, что значение противопоставления (контраста) сочетается в них с такими значениями эпистемической модальности, как категоричность, уверенность, некатегоричность, очевидность. С точки зрения эмоциональной модальности высказывания подразделяются на «нейтральные», в которых рациональная реакция преобладает над эмоциональной (эмоциональность со знаком «-»), и эмоционально окрашенные.

Сопоставление выявленных групп высказываний с просодическими характеристиками рематического ядра показало наличие корреляций между их модальным содержанием и признаками рематического тона. Так, показателем высокой степени уверенности говорящего является *нисходящий замедленно-ускоренный* тон.

Je co\nnais suffisamment les choses. *J'étais élu de ces quartiers populaires* 'Я знаю достаточно хорошо, что происходит. Я был депутатом в этих кварталах'.

Категоричность, отражающая, как правило, стремление к завершению обсуждения вопроса/темы, передается посредством *равномерно нисходящего* тона, отличающегося *крутым* падением:

– *Est-ce la radicalisation de certains détenus qui pose un problème nouveau ... ou bien les prisons elles-mêmes qui engendrent la radicalisation ? – ... Parrapport à la situation dans les établissements... On a \fait* des propositions '– Радикализация некоторых заключенных создает новую проблему или сами тюрьмы порождают радикализацию? – ... В отношении ситуации в учреждениях... Мы **выдвинули** предложения'.

Замедленно-ускоренное падение с *растянутой и быстрой* частью используется говорящими для некатегоричного, вежливого, утверждения:

L'homme qui était en face de moi d'une main m'a montré son drapeau tricolore et de l'autre a mis la main sur son arme ... Et c'est pourquoi je lui ai crié « La République c'est moi » ... J'ai co\mmis une erreur. *J'étais persuadé qu'il y aurait une indignation générale pour le traitement que je subissais* 'Человек, который стоял напротив меня, одной рукой показал трехцветный флаг, а другой взялся за оружие ... Поэтому я ему крикнул «Республика – это я» ... Я **совершил** ошибку. Я был уверен, что то, как со мной обращались, вызовет всеобщее возмущение'.

Резко восходящий ядерный тон, характеризующийся самой высокой частотностью, обнаружен в высказываниях со значением очевидности: для говорящего некий факт является очевидным, и, возражая оппоненту, он подчеркивает это, допуская при этом полемику и оставляя дискуссию открытой:

– *Il n'y a pas de censure ? – Eric Zemmour est venu sur le plateau. On a \eu* des pressions en interne '– Не было цензуры? – Эрик Земмур пришел в студию. Мы **ощутили** давление изнутри'.

Как известно, в условиях публичных дебатов, отрывки из которых послужили материалом для исследования, социально-культурные нормы требуют от говорящих контролировать свои эмоции, поэтому случаи эмоциональной реакции с их стороны оказались редкими. Говорящим не удается

сохранить нейтральность, когда аргументы оппонента крайне противоречат их представлению о реальном положении вещей. Так, например, президент Франции Э. Макрон, возмущенный замечанием интервьюера о том, что он, якобы, не слышит голоса простых французов, эмоционально возражает:

J'a[↑]gis *pour eux* 'Я действую ради них'.

Эмоциональность в исследованных примерах передается посредством резкого тонального скачка в сверхвысокий регистр.

Таким, образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Коммуникативная структура общeverификативных высказываний со смещенным «влево» рематическим ядром, приходящимся на глагол, приобретает маркированный характер в том случае, если контекст указывает на наличие противопоставления (контраста), предполагающего выбор из двух альтернатив (не А, а В), а рематический тон наделяется специфическими высотно-тональными, количественными и динамическими признаками.

К признакам рематического тона, обеспечивающим дифференциацию высказываний с маркированной/немаркированной КС, относятся направление и характер изменения высоты голоса на ядерном слоге ремы, регистр, длительность и интенсивность ядерного слога, при этом в зависимости от типа тона и его разновидности релевантным оказывается тот или иной признак. Определяющими для выражения значения противопоставления (контраста) следует считать высокий начальный уровень нисходящих тонов и высокий конечный уровень восходящего тона, а также значительное увеличение длительности ядерного слога по сравнению со средними значениями безударных слогов.

Вариативность просодических характеристик ядерного слога обусловлена модально-эмоциональными значениями, составляющими наряду со значением противопоставления (контраста) семантико-прагматическое содержание высказываний и относящимися к области эпистемической и эмоциональной модальности. С точки зрения эпистемической модальности рематические тоны позволяют дифференцировать такие значения, как категоричность, уверенность, некатегоричность, очевидность. В рамках эмоциональной модальности различаются «нейтральные» и эмоционально окрашенные тоны. Выявленные зависимости свидетельствуют о поликомпонентном характере значения ядерных тонов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
2. Durin, J. Intonème/Syntagme / J. Durin // Revue des études slaves: Communications de la délégation française au Xe Congrès international des slavistes, Sofia, 14–22 sept., 1988.– Paris : Sorbonne, 1988. – Т. 60, fasc. 1. – P. 77–101.

3. Устинович, В. В. О критериях определения границ тематического компонента в коммуникативной структуре французских устных высказываний / В. В. Устинович // Романия: языковое и культурное наследие – 2019 : материалы I Междунар. науч.-практ. конф., Минск / О. В. Лапунова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 125–132.
4. Rossi, M. L'intonation, le système du français: description et modélisation / M. Rossi. – Ophrys, 1999. – 237 p.
5. Адамец, П. Порядок слов в современном русском языке / П. Адамец. – Praha : Academia, 1966. – 101 с.
6. Янко, Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте / Т. Е. Янко. – М. : Языки слав. культур, 2008. – 312 с.
7. Turco, G. Intonational Means to Mark Verum Focus in German and French / G. Turco, C. Dimroth, B. Braun // Language and Speech. – 2013. – Vol. 56. – Iss. 4. – P. 461–491.
8. Brichet, C. La prosodie de la focalisation en français : faits perceptifs et morphogénétiques / C. Brichet, V. Aubergé // XXIVèmes Journées d'Etude sur la Parole, Nancy, 24–27 juin, 2002. – P. 33–36.
9. Morel, M.-A. Grammaire de l'intonation. L'exemple du français oral / M.-A. Morel, L. Danon-Boileau. – Ophrys, 1998. – 231 p.
10. Neveu, F. Structures de la phrase en français moderne / F. Neveu // Repères notionnels et terminologiques destinés aux agrégatifs. – Paris : Sorbonne, 2011. – 88 p.
11. Устинович, В. В. О фокализации информации во французском устном высказывании / В. В. Устинович // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, Минск, 5–6 мая 2017 г.: в 5 ч. / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск, 2017. – Ч. 3. – С. 40–42.
12. Fuchs, C. Du rôle cadratif des compléments localisants initiaux selon la position du sujet nominal / C. Fuchs, N. Fournier // Travaux de linguistique. – 2003. – № 47. – P. 79–109.
13. Gutzmann, D. Verum focus is verum, not focus: Cross-linguistic evidence [Ressource électronique] / D. Gutzmann, K. Hartmann, L. Matthewson // Glossa: a journal of general linguistics. – 2020. – 5(1). – Mode d'accès : <https://doi.org/10.5334/gjgl.347>. – Date d'accès : 17.08.2021.
14. Delattre, P. Les dix intonations de base du français / P. Delattre // The French Review. – 1966. – Vol. 40, № 1. – P. 1–14.
15. Di Cristo, A. Les musiques du français parlé / A. Di Cristo. – De Gruyter, 2016. – 507 p.
16. Portes, C. Prosodie et économie du discours: Spécificité phonétique, écologie discursive et portée pragmatique de l'intonation d'implication / C. Portes // Linguistique. Université de Provence. – Aix-Marseille I, 2004. – 284 p.
17. Устинович, В. В. Рематический тон как средство маркирования коммуникативной структуры высказываний с неконечной локализацией ядра (на материале французских устных высказываний) / В. В. Устинович // Весці БДПУ. – 2019. – № 3 (101). – С. 141–145.

Поступила в редакцию 15.12.2021

Мяховский Антон Александрович
аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anton Miakhouski
Postgraduate Student of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
myahovskij@mail.ru

СТРУКТУРА ГИПЕРО-ГИПОНИМИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ «НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

THE STRUCTURE OF THE HYPER-HYPONYMIC HIERARCHY “ANIMAL DESIGNATIONS” IN THE ENGLISH LANGUAGE

Статья посвящена анализу структуры гиперо-гипонимической иерархии «названия животных» в английском языке. Данная иерархия, построенная на материале WordNet, имеет весьма разветвленную структуру, превосходящую, согласно имеющимся описаниям, по своей сложности аналогичные иерархии зоонимов в других языках. На базе проведенного сравнения в статье приводятся ключевые структурные различия и сходства между исследуемой и описанными ранее иерархиями «названия животных», а также свидетельства того, что в основе рассмотренных иерархий лежат общие организующие принципы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *иерархия; гипероним; гипоним; структура; ширина; глубина; конфигурация.*

The article examines the structure of the hyper-hyponymic hierarchy “animal designators” in the English language. Based on the data taken from WordNet, the hierarchy in question has a deep branching structure, which exceeds respective hierarchies of “animal designators” in other languages. The research conducted has revealed major structural differences as well as similarities between the hierarchy based on WordNet and other hierarchies of “animal designators”. The similarities discerned have provided enough evidence to infer that the same organising principles underlie these hierarchies.

К е у w o r d s : *hierarchy; structure; hypernym; hyponym; width; depth; configuration.*

Гиперо-гипонимические отношения – универсальные, фундаментальные и важнейшие парадигматические отношения, которые играют ключевую роль в организации лексической системы языка и представлены в разных знаменательных частях речи [1; 2; 3]. Не случайно гиперо-гипонимические отношения в лексических системах языков стали центром внимания многих ученых, которые внесли значительный вклад в выявление сущности гиперо-гипонимических связей [2; 4; 5; 6], их типологии [2; 6; 7; 8], специфики в разных лексико-семантических областях (названий растений [2; 9; 10; 11], животных [11; 12], профессий [1; 6], артефактов [2; 8; 13] и др.). Заметим, однако, что имеющиеся работы направлены на изучение гиперо-гипонимии в лексике определенного типа: чаще всего в общеупотребительной [2; 8], реже

в специальной [14] и диалектной [15], что естественным образом накладывает серьезные ограничения на установление закономерностей в гиперогипонимических иерархиях.

Возможность проведения описания, включающего разные типы лексики, дает база английского языка WordNet [16]. Ее разработчики пытались максимально полно представить лексическую систему английского языка и создать рабочую модель ментального лексикона его носителей. Широкого охвата удалось достичь благодаря использованию множества источников: корпусов текстов, бумажных и электронных словарей. Для обеспечения психологической достоверности составители опирались на многочисленные психолингвистические эксперименты [17]. Как следствие, база содержит общеупотребительную лексику (*bird* ‘птица’, *turtle* ‘черепаха’), терминологическую (*hydrozoan* ‘гидроидное’, *pollinator* ‘опылитель’), профессиональную (*bycatch* ‘прилов’, *yearling* ‘скаковая лошадь-однолетка’), неформально-разговорную (*pooch* ‘песик’, *sausage dog* ‘собака-сосиска, такса’), диалектную (*feist* ‘маленькая собака, собачонка в американских диалектах’, *pariah dog* ‘бродячая собака в азиатских странах в британском английском’), на что указывают пометы *informal*, *technical*, *specialized*, *dialect(al)*, сопровождающие лексическую единицу в WordNet или в толковых словарях современного английского языка (Oxford Advanced Learner’s Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Collins English Dictionary). Главное, однако, заключается в том, что составители базы WordNet на основе установленных ими семантических отношений между лексическими единицами современного английского языка сформировали существующие в системе данного языка семантические объединения, охарактеризовав их как гиперогипонимические, холомеронимические, антонимические, синонимические и представив их в виде совокупностей иерархически организованных **синсетов**. Любой синсет представляет собой ряд семантически близких лексических единиц. За каждым таким рядом закреплено определенное общее значение. У каждой единицы ряда есть свое частное значение – лексико-семантический вариант (ЛСВ), связанное с ЛСВ других единиц того же ряда.

Данная база открывает множество возможностей для дальнейшего изучения гиперогипонимии. Она позволяет: 1) исследовать отношения гиперогипонимии в подсистемах разных частей речи – существительных, прилагательных и глаголов; 2) выявить специфику гиперогипонимических отношений в разных лексико-семантических областях подсистемы каждой отдельной части речи; 3) установить структуры, образуемые гиперогипонимическими иерархиями в разных лексико-семантических областях; 4) выяснить, как протекает распределение информации по уровням иерархий в разных лексико-семантических областях; 5) узнать, какие типы лексики могут быть представлены в гиперогипонимических иерархиях и какая роль им отводится в структуре иерархий; 6) установить, на каких классификационных принципах строятся иерархии в разных лексико-семантических областях, насколько эти принципы универсальны или специфичны для каждой области.

Из спектра возможных направлений исследования в данной статье мы выбрали структурный аспект изучения гиперо-гипонимических иерархий. Наша цель – выявить структуру гиперо-гипонимической иерархии «названия животных» в английском языке и выяснить, соответствует ли ее структура описаниям аналогичных иерархий зоонимов в других языках и каковы причины обнаруженных сходств и / или различий.

Анализ иерархии проводится по общепринятым структурным параметрам: **объем** – общее число членов, вошедших в состав иерархии; **глубина** – общее число уровней; **ширина** – сумма всех членов, находящихся на одном уровне иерархии; **конфигурация** – соотношение глубины и ширины, отражающее преобладающую в иерархии организацию: радиальная (преобладает ширина), цепочечная (преобладает глубина), радиально-цепочечная (иерархия разветвляется в глубину и ширину).

Объем иерархии «названия животных» на материале базы английского языка WordNet составляет 3944 члена, что значительно превосходит объем иерархий, рассмотренных Б. Берлином на материале языков, находящихся на этапе до появления научной классификации (языки охотников, собирателей и земледельцев) [9; 10; 11]. Согласно данным Б. Берлина, в отдельной иерархии насчитывается от 240 до 1000 членов. Иерархия, построенная на материале WordNet, примерно в 4 раза больше: это, по-видимому, связано с тем, что база, по замыслу ее составителей, включает, как отмечалось выше, все типы лексических единиц, в то время как состав иерархий, проанализированных Б. Берлином, ограничивается только общеупотребительными лексическими единицами.

Глубина иерархии на материале WordNet составляет 13 уровней. По Б. Берлину, в идеальной иерархии должно насчитываться шесть уровней: *unique beginner* ‘уровень начал’ → *life form* ‘уровень жизненных форм’ → *intermediate* ‘промежуточный уровень’ → *generic* ‘уровень родов’ → *specific* ‘уровень видов’ → *varietal* ‘уровень разновидностей’ [9]. Однако, как отмечает Б. Берлин, не в каждом языке представлены все перечисленные уровни, но число уровней всегда должно быть не менее трех [11, р. 17–18]. Например, уровни видов и разновидностей во многих языках не выделяются или очень слабо развиты [18; 19; 20]. Согласно Б. Берлину, 15–20 % родов имеют собственные виды и разновидности [9; 10; 11]. Однако на материале разных языков выяснилось, что уровни ниже родового могут быть очень малочисленными или не представлены вовсе. Например, в нумских языках виды значительно уступают родам по численности и частотности, не образуя столь же стабильного уровня иерархии, как роды [19, р. 228], в сахаптинском языке всего лишь 2 % родов имеют видовые соответствия [18, р. 139], а в языке патвин вовсе нет оснований для выделения уровня разновидностей [20, р. 41].

Ширина иерархии на материале WordNet достигает максимума в 769 членов на 8-м уровне (табл. 1). Поскольку число уровней в иерархии на материале WordNet и в иерархиях, описанных Б. Берлином, не совпадает, сопоставление по ширине не представляется правомерным. Однако в изме-

нении ширины иерархий на материале WordNet и по данным Б. Берлина есть общие закономерности. И в том, и в другом случае иерархия расширяется, пока не достигает определенного уровня, находящегося ближе к центру. Затем ширина уменьшается вплоть до завершения структуры иерархии: на протяжении пяти уровней в иерархии на материале WordNet и двух уровней в иерархиях по Б. Берлину. Выше говорилось, что есть языки со слабо развитыми уровнями видов и разновидностей, а также языки, в которых эти уровни не выделяются вовсе [18; 19; 20]. В первом случае расширение иерархии до родового уровня протекает медленнее, чем ее сужение на последующих уровнях, во втором – разворачивание иерархии обрывается в точке максимального расширения.

Т а б л и ц а 1

Ширина иерархии «названия животных» по данным WordNet и Б. Берлина

		Ширина	
		Иерархии на материале WordNet	Иерархии по Б. Берлину
Уровень	1	1	1
	2	47	5–15
	3	61	10–180
	4	150	500–800
	5	229	75–120
	6	463	0–30
	7	603	
	8	769	
	9	660	
	10	393	
	11	392	
	12	146	
	13	30	

Изменение ширины иерархии тесно связано с ее составом. Члены иерархии по-разному влияют на разворачивание общей структуры. Они отличаются друг от друга по ряду характеристик. Во-первых, член может выступать в иерархии в разных **ролях**: только в роли гиперонима (вершина иерархии – *animal* ‘животное’), только в роли гипонима (член без гипонимов, образующий конечную точку иерархии: *kingfisher* ‘зимородок’ → *belted kingfisher* ‘опоясанный пегий зимородок’), как в роли гиперонима, так и гипонима (все члены иерархии, кроме вершины и конечных точек: *bee* ‘пчела’ – гипоним по отношению к *hymenopterous* ‘перепончатокрылые’ и гипероним по отношению к *honeybee* ‘медоносная пчела’). Во-вторых, члены отличаются по **числу непосредственных гипонимов**: в иерархии на материале WordNet их число может составлять от 0 до 54 (*brown bear* ‘бурый медведь’ выступает в качестве гиперонима по отношению к трем гипонимам

нижележащего уровня – *Syrian bear* ‘сирийский бурый медведь’, *grizzly bear* ‘гризли’, *Alaskan brown bear* ‘аляскинский бурый медведь’). В-третьих, связь в иерархии транзитивная: если *x* – гипоним *y* и *y* – гипоним *z*, то *x* – гипоним *z*. Например, если слово *cow* ‘корова’ – гипоним *mammal* ‘млекопитающее’ и *mammal* – гипоним *animal* ‘животное’, то *cow* – гипоним *animal* [1, p. 292]. При транзитивной связи гипероним подчиняет себе не только члены уровня, находящегося непосредственно под ним, но и члены всех нижележащих уровней. Из этого следует, что члены имеют разную **инклюзивность**: они отличаются друг от друга по общему числу гипонимов – как непосредственных (*mammal*), так и опосредованных (*cow*).

Подсчет членов, выступающих только в одной роли (гипонима или гиперонима), и членов, которые исполняют сразу две роли (гиперонима и гипонима), показал, что в иерархии на материале WordNet большинство членов является только гипонимами (75,61 %), гораздо меньше членов – гиперонимами и гипонимами (24,37 %) и один член, образующий вершину иерархии, – только гиперонимом (табл. 2). Это противоречит данным Б. Берлина, согласно которым все члены до родового уровня «политипичные», то есть имеют гипонимы и одновременно являются гиперонимами и гипонимами. Лишь начиная с уровня родов, выделяются «монотипичные» члены, образующие конечные точки иерархии: 80–85 % родов не имеют зависимых видов, 2–3 % членов приходится на разновидности [9; 10; 11]. В иерархии на материале WordNet члены, исполняющие разные роли в иерархии, распределены по уровням более равномерно.

Т а б л и ц а 2

Члены иерархии «названия животных» согласно роли в иерархии по данным WordNet и Б. Берлина

		Члены иерархии					
		Распределение ролей, по данным WordNet			Распределение ролей по Б. Берлину		
		гиперонимы	гипонимы	гиперонимы / гипонимы	гиперонимы	гипонимы	гиперонимы / гипонимы
Уровни	1	1	0	0	1	0	0
	2	0	32	15	0	0	5–15
	3	0	40	21	0	0	10–180
	4	0	103	47	0	425–640	75–160
	5	0	117	112	0	69–90	6–30
	6	0	321	142	0	0–30	0
	7	0	411	192			
	8	0	579	190			
	9	0	564	96			
	10	0	303	90			
	11	0	343	49			
	12	0	139	7			
	13	0	30	0			

Члены иерархии на материале WordNet имеют разное число непосредственных гипонимов, которое не является фиксированным для каждого конкретного уровня иерархии (табл. 3). Однако если рассчитать, какое число гипонимов в среднем имеет член иерархии на определенном уровне, то можно заметить, что на 3-м и 4-м уровнях этот показатель выше (6–7 гипонимов), чем на последующих (3–4 гипонима). Согласно Б. Берлину, число непосредственных гипонимов зависит от уровня, на котором находится гипероним: больше всего гипонимов насчитывается в центре иерархии, несколько меньше на начальных и совсем мало на конечных уровнях [8]. В иерархии на материале WordNet на 1-м уровне находится один гипероним, образующий вершину иерархии, вследствие чего максимальное, минимальное и среднее число его непосредственных гипонимов совпадает. На 3-м и последующих уровнях наблюдается тенденция к постепенному уменьшению числа непосредственных гипонимов: с 3-го по 13-й уровни их среднее число снизилось с семи до одного.

Т а б л и ц а 3

Число непосредственных гипонимов членов иерархии «названия животных» по данным WordNet и Б. Берлина

		Число непосредственных гипонимов					
		по данным WordNet			по данным Б. Берлина		
		min.	max.	среднее	min.	max.	среднее
Уровень	1	1	1	1	1	1	—
	2	47	47	47	5	15	—
	3	1	19	7,1	2	12	—
	4	1	17	6,1	10	50	—
	5	1	40	4,9	2	10	—
	6	1	30	4,8	0	2	—
	7	1	36	4,2			
	8	1	25	4,0			
	9	1	23	3,5			
	10	1	54	4,1			
	11	1	24	4,4			
	12	1	12	3,0			
	13	1	1	1			

Члены иерархии имеют разную **инклюзивность**, то есть разное число подчиненных гипонимов — как непосредственных, так и опосредованных (табл. 4). В иерархии на материале WordNet преобладают члены с низкой инклюзивностью. Наши данные показывают, что на всех уровнях за исключением 1-го большинство членов (не менее 56,77 %) не имеют гипонимов. Около 20 % от общего числа членов на уровне — это члены, подчиняющие себе 1–10 гипонимов. Членов с высокой инклюзивностью насчитывается

мало, особенно заметно их количество снижается после достижения центральных уровней иерархии. Это можно показать на примере числа членов с инклюзивностью выше 20: до 5-го уровня они составляют около 10 % от числа членов на уровне, но с 6-го уровня их становится значительно меньше: 5,4 % → 3,98 % → 1,04 % → 0,91 % → 2,04 % → 0,26 %. Снижение инклюзивности можно проследить на примере самого многочисленного класса: *vertebrate* ‘позвоночные’ (2702) → *mammal* ‘млекопитающие’ (1076) → *placental* ‘плацентарные’ (1029) → *carnivore* ‘плотоядные’ (350) → *canine* ‘собачьи’ (214) → *domestic dog* ‘домашняя собака’ (188) → *poodle* ‘пудель’ (4). Полученные результаты коррелируют с данными Б. Берлина. В описанных им иерархиях члены тоже имеют разную инклюзивность: «Во всех языках выделяются лингвистически закрепленные группировки организмов (таксоны), обладающие разной степенью инклюзивности»¹ [11, р. 15]. Б. Берлин полагал, что члены в иерархии должны располагаться в порядке убывания таксономической инклюзивности, что подтвердилось в иерархии на материале WordNet: при переходе от вышележащих к нижележащим уровням инклюзивность снижается [Там же, р. 22].

Т а б л и ц а 4

Инклюзивность членов иерархии «названия животных» по данным WordNet

		Инклюзивность членов										
		0	1–10	11–20	21–30	31–40	41–50	51–60	61–100	101–300	301–500	> 500
Уровень	1											1
	2	33	8				3			1		2
	3	40	10	2	3	1	1		1	1		2
	4	103	31	3	1	3	1		2	1	3	2
	5	130	63	11	4	8	1	4	2	4	1	1
	6	320	103	15	6	2	4	3	3	5	2	
	7	412	149	18	9	3	4	3	1	3	1	
	8	579	169	13	2	1				5		
	9	560	86	7	1		2	1		3		
	10	303	72	10	4	4						
	11	343	47	1	1							
	12	139	7									
	13	30										
	всего	2992	745	80	31	22	16	11	9	23	7	8

Иерархия на материале WordNet имеет радиально-цепочечную **конфигурацию**: разворачивается как в глубину (достигает 13 уровней), так и в ширину (насчитывает 769 членов). Иерархии, описанные Б. Берлином, имеют радиальную конфигурацию: ограничиваются меньшим числом уровней (от трех до шести) и разворачиваются преимущественно в ширину (не

¹ Оригинальный текст: «In all languages it is possible to isolate linguistically recognized groupings of organisms (referred to as taxa) of varying degrees of inclusiveness».

более чем 800 членов). Различия в конфигурации свидетельствуют о том, что иерархии отличаются друг от друга в макроструктурном плане по ключевым параметрам глубины и ширины. Между иерархиями также есть микроструктурные различия, которые затрагивают характеристики отдельных членов иерархии, такие как: роль (в иерархии на материале WordNet члены могут выступать в любой роли независимо от уровня иерархии – только гипонима, только гиперонима, одновременно гипонима и гиперонима; в иерархиях, рассмотренных Б. Берлином, уровень диктует роль, в которой выступает член иерархии) и число непосредственных гипонимов (в иерархии на материале WordNet нет явной зависимости между числом непосредственных гипонимов и уровнем; в иерархиях, описанных Б. Берлином, такая зависимость есть). Таким образом, совокупность макро- и микроструктурных различий между иерархией на материале WordNet и иерархиями, описанными Б. Берлином, послужили причиной того, что данные иерархии кардинально отличаются по конфигурации.

Подводя итог исследованию, следует отметить, что между иерархиями, которые состоят только из общеупотребительной (иерархии по Б. Берлину) и разных типов лексики (иерархия на материале WordNet), есть ряд макро- и микроструктурных различий. Иерархии общеупотребительной лексики имеют меньший объем, насчитывают меньше уровней и в основном развертываются в ширину, их конфигурация радиальная. Роль и число непосредственных гипонимов, членов в иерархии нефиксированные, то есть не зависят от конкретного уровня. Иерархии, состоящие из разных типов лексики, многочисленнее и превосходят иерархии общеупотребительной лексики по объему, глубине и ширине, имеют радиально-цепочечную конфигурацию. Члены в таких иерархиях имеют фиксированную роль (до родового уровня роли членов строго определены, вершина – гипероним, другие члены одновременно являются гиперонимами и гипонимами) и фиксированное число непосредственных гипонимов (растет до родового уровня, затем уменьшается). Однако, несмотря на приведенные различия, между иерархиями есть сходства, свидетельствующие о том, что общие организующие принципы – иерархии опираются на транзитивные отношения подчинения (гипероним подчиняет как непосредственные, так и опосредованные гипонимы) и соподчинения (связывают гипонимы одного гиперонима) – диктуют общие свойства: ширина растет до уровня, находящегося примерно в центре иерархии, и затем уменьшается; инклюзивность членов снижается при переходе от вышележащих к нижележащим уровням.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lyons, J. Semantics : in 2 vol. / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – Vol. 1. – 371 p.*
2. *Cruse, D. A. Lexical Semantics / D. A. Cruse. – Cambridge : Cambridge University Press, 1986. – 310 p.*
3. *Котцова, Е. Е. Гипонимия в лексической системе русского языка (на материале глагола) / Е. Е. Котцова. – Архангельск : Помор. ун-т, 2010. – 362 с.*

4. Розина, Р. И. Когнитивные отношения в таксономии. Категоризация мира в языке и тексте / Р. И. Розина // *Вопр. языкознания*. – 1994. – № 6. – С. 60–78.
5. Степанов, Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения : Семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 361 с.
6. Cruse, D. A. Hyponymy and its varieties / D. A. Cruse // *The semantics of relationships* / ed. : R. Green, C. A. Bean, Sung Hyon Myaeng. – Springer Science, Business Media Dordrecht, 2002. – P. 3–21.
7. Pustejovsky, J. *The Generative Lexicon* / J. Pustejovsky. – The MIT Press, 1996. – 2nd ed. – 312 p.
8. Wierzbicka, A. Apples are not a “kind of fruit” : the semantics of human categorization / A. Wierzbicka – *American Ethnologist*. – 1984. – № 11 (2). – P. 313–328.
9. Berlin, B. General Principles of Classification and Nomenclature in Folk Biology / B. Berlin, D. E. Bredlove, P. H. Raven // *American Anthropologist*. – 1973. – № 75 (1). – P. 214–242.
10. Berlin, B. Folk Systematics in Relation to Biological Classification and Nomenclature / B. Berlin // *Annual Review of Ecology and Systematics*. – 1973. – № 4. – P. 259–271.
11. Berlin, B. *Ethnobiological Classification : Principles of Categorization of Plants and Animals in Traditional Societies* / B. Berlin. – Princeton : Princeton University Press, 1992. – 364 p.
12. Ulicsni, V. Folk knowledge of non-domestic mammals among ethnic Hungarians in North-Western Romania / V. Ulicsni, I. Svanberg, Z. Molnár // *North-Western Journal of Zoology*. – 2013. – № 9 (2). – P. 383–398.
13. Попович, Н. В. Специфика номинации в сфере предметной лексики (на материале наименований одежды в современном французском языке) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Н. В. Попович. – М., 1984. – 174 с.
14. Чигашева, Т. А. Исследование терминологической лексики методом семантического поля / Т. А. Чигашева // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Лингвистика*. – 2004. – № 6. – С. 80–86.
15. Ильинская, Н. Г. К проблеме системных отношений в лексике. ЛСГ «Выпечные изделия» в Архангельском диалекте (семантический и лингво-географический аспекты) / Н. Г. Ильинская. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – 320 с.
16. WordNet [Electronic resource] : a Lexical Database for English // Princeton University. – Mode of Access : <https://wordnet.princeton.edu/>. – Date of access : 01.12.2021.
17. Miller, G. Nouns in WordNet : A Lexical Inheritance System / G. Miller // *International Journal of Lexicology*. – 1990. – № 3 (4). – P. 245–264.
18. Fowler, C. S. *Comparative Numic Ethnobiology* : Ph. D. diss. / C. S. Fowler. – Pittsburg, 1972. – 716 p.
19. Hunn, E. Toward a Perceptual Model of Folk Biological Classification / E. Hunn // *American Ethnologist*. – 1976. – № 3. – P. 508–524.
20. Whistler, K. Patwin Folk-taxonomic structures : M. A. thesis / K. Patwin. – Berkeley, 1976. – 189 p.

Поступила в редакцию 09.02.2022

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

УДК 070.484

Ван Сяонань

аспирант кафедры
международной журналистики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Wang Xiaonan

PhD Student of the Department
of International Journalism
Belarusian State University
Minsk, Belarus
346913416@qq.com

СОДЕРЖАТЕЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИКИ
КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

CONTENT AND SENSE CHARACTERISTICS
OF THE MODERN ENGLISH-LANGUAGE PERIODICALS
OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Предметом рассмотрения являются содержательно-смысловые характеристики современной англоязычной периодики Китайской Народной Республики, которые превратили ее в эффективный инструмент воздействия на умонастроения многомиллионной зарубежной аудитории. Выявлено, что основные содержательно-смысловые характеристики англоязычных изданий служат продвижению положительного образа страны и китайской нации в мировом информационно-коммуникационном пространстве с целью расширения сотрудничества КНР с другими государствами, а также обеспечения обратной связи китайской диаспоры и экспатов с исторической родиной.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *Китайская Народная Республика; современные англоязычные издания; содержательно-смысловые характеристики; позиционирование образа страны; стратегические интересы государства; информационное обеспечение.*

The subject under consideration is the content and sense characteristics of the modern English-language periodicals of the People's Republic of China, which have turned it into an effective tool for influencing the mentality of a multimillion foreign audience. It was revealed that the main content and sense characteristics of English-language publications serve to promote a positive image of the country and the Chinese nation in the world information and communication space in order to expand cooperation between the PRC and other states, as well as to provide feedback for the Chinese diaspora and historical homeland.

Key words: *People's Republic of China; modern English-language periodicals; content and sense characteristics; positioning of the country's image; strategic interests of the state; information support.*

В настоящее время англоязычная периодика Китайской Народной Республики (КНР) представляет собой уникальный информационно-культурный феномен в коммуникационной системе страны. Данная уникальность обусловлена тем, что всего полтора десятка газет и журналов оказывают огромное влияние на суждения и умонастроения многомиллионной зарубеж-

ной аудитории, интегрируя в массовое сознание соответствующие идеи и мнения. Немногие государства могут похвастаться такой степенью эффективности иноязычных периодических изданий, которая проявляется в неуклонном росте тиражей и частоте цитируемости в иностранных СМИ. Англоязычная пресса КНР смогла достичь такого уровня во многом благодаря *содержательно-смысловым характеристикам*, которые совершенствовались в течение последних четырех десятилетий.

В контексте рассмотрения данной темы под *содержательно-смысловыми характеристиками* понимается совокупность взаимосвязанных понятий, явлений, идей и т. д., которые раскрываются и осмысливаются посредством целенаправленной редакционной политики, использования широкого спектра информационных и аналитических жанров, расширения проблематики и углубления тематики освещения социальной, политической, экономической и культурной действительности того или иного государства. Благодаря своим качественным содержательно-смысловым характеристикам англоязычная периодика КНР уже не одно десятилетие успешно реализует главные задачи, поставленные перед ней руководством страны и Коммунистической партией Китая (КПК), – продвигать в мировом информационно-коммуникационном пространстве привлекательный образ государства и китайской нации, знакомить потенциальных инвесторов с масштабами и перспективами национальной экономики, а иностранную аудиторию – с богатством традиционной и современной культуры, а также ориентировать общественное мнение на поддержку внешнеполитических и внешнеэкономических инициатив руководства социалистического Китая и т. д.

Содержательно-смысловые характеристики англоязычных изданий КНР определяются особенностями национальной жизни, находящимися в сфере приоритетного внимания редакции той или иной газеты или журнала.

Так, ежедневная газета «China Daily» («Ежедневный Китай»), которая выходит с 1 июня 1981 г., будучи крупнейшим по тиражу (900 тыс. экз.) изданием КНР на английском языке, на начало 2022 г. она распространялась в 154 странах и имела 6 зарубежных версий. В содержательно-смысловом плане приоритетными в информационной политике газеты являются актуальные новости политической, социальной и общественной жизни КНР, а также комментирование и разъяснение официальных заявлений руководства КПК и Государственного совета (правительства страны).

Ежедневная газета «Global Times» («Глобальные времена»), которая с 1993 г. функционировала как англоязычное приложение газеты «Жэньминь жибао» («Народная ежедневная газета», главный печатный орган ЦК КПК), а в 2009 г. была преобразована в самостоятельное издание, ориентируется на освещение международных новостей. При этом события на всех континентах планеты осмысливаются, прежде всего, исходя из оценок, данных им руководством партии и государства.

Еженедельная газета «South China Morning Post» («Южно-Китайская утренняя почта») издается в Гонконге с 1903 г. и считается старейшей

газетой Китая на английском языке. Со второй половины XX в. и по настоящее время она является самым авторитетным изданием в Гонконге благодаря оперативным репортажам, обстоятельным комментариям и аналитическим статьям, посвященным различным событиям в жизни Азиатско-Тихоокеанского региона. После объединения Гонконга с КНР в 1997 г. «South China Morning Post» освещает жизнь сограждан и позиционирует деятельность предприятий «на грани двух Китаев», т. е. успешного сочетания социалистической формы правления с капиталистическим укладом экономики города-острова.

Газета «The Standard» («Стандарт») является первым и единственным в Гонконге бесплатным ежедневным изданием. После 1997 г. его редакционная политика в содержательно-смысловом плане ориентирована на углубление политической и социально-экономической интеграции Гонконга с материковым Китаем, на разъяснение своей аудитории сути новых законов и условий хозяйствования для предприятий всех форм собственности.

Ежедневная газета «Shenzhen Daily» («Ежедневный Шэньчжэн») – единственное издание на английском языке в Южном Китае. Она выходит в Шэньчжэне – крупном промышленном, финансовом и транспортном центре КНР. Этим в значительной степени определяются содержательно-смысловые характеристики издания, в информационной политике которого преобладают темы экономического и деловой активности в регионе и в стране, а также обзоры ситуации на финансовых рынках и на биржах, новости из сферы науки, технологий, промышленности, строительства, транспортной логистики и др.

Еженедельный журнал «Beijing Review» («Пекинское обозрение»), который издается с 4 марта 1958 г., распространяется более чем в 150 странах. Редакция «Beijing Review» первой в КНР разместила в Глобальной сети свою интернет-страницу в 1996 г. Наряду с ознакомлением зарубежной аудитории с новостями политического и социально-экономического развития КНР, издание публикует много материалов, посвященных новостям китайской культуры и искусства, обзоры современной и классической литературы, рецензии на выставки, произведения музыки и театра, новинки кино- и телеиндустрии, а также анонсы различных событий и фестивалей.

Ежемесячный журнал «China Today» («Китай сегодня») издается с января 1952 г. (с перерывом в 1966–1979 гг.) и распространяется в 140 с лишним странах. Отличительными характеристиками «China Today» являются, прежде всего, информационно насыщенные статьи, красочные иллюстрации и оформление издания, а также журналистский стиль повествования, свободный от шаблонов и стереотипов, свойственных многим, особенно провинциальным, национальным изданиям. Также редакция публикует много материалов с описанием туристических маршрутов и достопримечательностей на территории КНР, памятников архитектуры, рецептов китайской кухни и др. Стабильно высоким интересом у читателей пользуются такие рубрики, как «Уроки китайского языка», «Культурное наследие», «Филателия» и др.

Иллюстрированный ежемесячный журнал «China» («Китай») издается с июля 1950 г. (с перерывом в 1966–1980 гг.) и распространяется более чем в 160 странах. Редакция журнала первой в КНР применила технологию цветной печати в 1982 г. Сегодня приоритетами издания в содержательно-смысловом плане является ознакомление зарубежной аудитории с различными аспектами реализации глобальной интеграционной инициативы «Один пояс – один путь», которая свяжет КНР транспортно-логистическими маршрутами со 140 странами на четырех континентах. Помимо этого, журнал знакомит читателей с историей и культурными традициями Китая, особенностями быта, архитектуры, природы, ландшафта и др. Отличительной характеристикой «China» является то, что его редакция не избегает «острых» тем, в частности, освещения природных и технологических катастроф на территории КНР, сепаратизма в Тибетском и Синьцзян-Уйгурском автономных районах. При этом журналистский акцент делается на тех усилиях, которые прилагают партийные и государственные органы в ликвидации последствий катастроф или «сглаживании» этнических противоречий. Обстоятельные по информативности материалы, живописные иллюстрации, сопровождаемые пояснительным текстом, и высокий профессионализм в оформлении определяют причину многолетней популярности журнала «China» среди зарубежных читателей.

Ежеквартальный журнал «Chinese literature» («Китайская литература») издается с 1951 г. (с перерывом в 1966–1979 гг.) и распространяется более чем в 130 странах. Содержательно и тематически журнал рассчитан на китаеведов и иностранцев, интересующихся китайской культурой. История традиционного искусства и проблемы современной литературы рассматриваются в таких рубриках, как «Роман», «Рассказ», «Поэзия», «Критика», «Китайская культура» и др. Публикуемые на страницах журнала рассказы, эссе, стихотворения или отрывки из романов параллельно сопровождаются китайским текстом, чтобы облегчить читателю усвоение китайского языка.

Ежемесячный журнал «China and Africa» («Китай и Африка») издается с 1990 г. и пользуется большой популярностью среди высокообразованной аудитории в странах Африки, где английский язык служит сплачивающим фактором в условиях многоязычия национальных государств. В содержательно-смысловом плане «China and Africa» содействует укреплению торгово-экономического сотрудничества КНР с государствами Черного континента, повышению инвестиционной привлекательности китайских предприятий в этом регионе, а также ознакомлению читателей с позицией руководства КНР по различным международным проблемам. Актуальные вопросы китайско-африканских отношений рассматриваются в таких рубриках, как «Политика», «Экономика», «Интервью», «Дискуссионная трибуна», «Взгляд», «Общественная жизнь», «Культура», «Спорт» и др. [1].

Наряду с различиями в содержательно-смысловых характеристиках современных англоязычных изданий уместно отметить и их сходство.

Прежде всего, оно проявляется в характере осмысления международных конфликтов. В ходе освещения, например, спора за острова в Южно-Китайском море между Филиппинами и Южной Кореей, конфликта Украины и России по вопросу принадлежности Крыма, претензий США к Северной Корее из-за ее ядерной программы и др. журналисты англоязычных изданий демонстрируют как стилистическую, так и риторическую умеренность. Например, из содержания редакционной статьи «Россия запретила въезд большому количеству чиновников ЕС» («Russia bans more EU officials from entry») [2], опубликованной в январе 2021 г. в газете «China Daily», невозможно понять, кому в этой ситуации сочувствуют китайские журналисты. Но финальная фраза о том, что «ни одна из сторон не намерена первой идти на уступки, что не предвещает в перспективе ничего хорошего ни для России, ни для единой Европы», свидетельствует о глубине сожаления, испытываемого авторами статьи из-за противоречий между двумя крупнейшими торговыми партнерами КНР. Аналогичное нежелание солидаризироваться с одной из сторон конфликта прослеживается в таких редакционных обзорах, как, например, «Ракетная атака на аэропорт Багдада направлена на международную изоляцию Ирака» («Rocket attack on Baghdad airport aims to isolate Iraq internationally: officials» [3]); «КНДР объявила об испытательных пусках баллистической ракеты средней и большой дальности» («DPRK announces test-fire of intermediate- and long-range ballistic missile» [4]); «Армия Буркина-Фасо объявила об отставке Президента Роша Каборе» («Burkina Faso's army says President Roch Kabore ousted» [5]) и др.

Вместе с тем в комментариях на страницах англоязычной прессы превалирует убеждение в том, что многие из освещаемых конфликтов кажутся неразрешимыми лишь на первый взгляд. В действительности же, по мнению, например, журналиста газеты «China Daily» Жуй Лояня, озвученному им в статье «Ожидается, что встреча лидеров оживит международную торговлю» («Leaders' gathering expected to invigorate international trade»), решение многих международных противоречий лежит в сфере создания «инновационной, жизнеспособной, взаимосвязанной и инклюзивной мировой экономики» [6]. По мнению обозревателя газеты «Global Times» Чан Хуа, высказанному в июне 2019 г. в материале «Расцвет дружбы Шёлкового пути» («Flourishing Silk Road friendship»), создание экономики подобного глобального типа и, как следствие, нивелирование многих политических проблем возможно на основе взаимодействия всех стран вне зависимости от экономического уклада и политического устройства в рамках уже упоминавшегося мегапроекта «Один пояс – один путь». Китайский журналист верит в жизнеспособность данного проекта, поскольку «понимание выгод от присоединения к нему для правительств и журналистов многих стран лишь вопрос времени» [7].

Еще одной общей для современных англоязычных изданий КНР содержательно-смысловой характеристикой выступает рассмотрение в качестве своей аудитории не только жителей США, Канады, Великобритании,

Австралии, Новой Зеландии и других стран, для которых английский язык является родным, но также «хуацяо» – эмигрантов и этнических китайцев-экспатов, проживающих в разных регионах мира и обладающих специфическими информационными предпочтениями [8]. Для этого обширного сегмента аудитории английский язык изданий КНР служит фактором сплочения, поскольку эти выходцы или потомки выходцев из Китая разговаривают на диалектах, которые зачастую непонятны другим уроженцам Китая. Так, до сих пор в КНР сохраняется языковая ситуация, когда жители Тибета или Внутренней Монголии говорят на диалектах, непонятных жителям Восточного или Западного Китая. Для этнических китайцев за рубежом эта ситуация имеет еще более острый характер взаимонепонимания, поскольку китайские диаспоры живут замкнутыми анклавами и оторваны от процессов развития современного китайского языка, далеки от его новых норм и единых правил. В этих условиях английский язык изданий КНР не только сплачивает этнических китайцев, но и позволяет им ощущать духовную связь с исторической родиной, быть в курсе происходящих в ней перемен [9].

Эффективность воздействия англоязычных газет и журналов КНР на «хуацяо» обусловлена тем, что эта аудитория рассматривается в качестве не объекта пропаганды, но партнера для налаживания взаимовыгодного сотрудничества на национальной основе [10, с. 4]. Этнических китайцев и эмигрантов уже не призывают возвращаться на родину либо бороться с империализмом, как это имело место в 50–70-е гг. XX в. Вместо этого на страницах англоязычных изданий часто публикуются материалы о том, как представители «хуацяо» укрепляют связи с родиной на благотворительной основе либо посредством инвестирования в национальные проекты. Тем самым китайская диаспора получает завуалированный призыв следовать их примеру. В качестве удачного образца данной редакционной политики уместно упомянуть аналитическую статью корреспондента журнала «Business Weekly» Ли Шихуа «Политика вызывает у иностранных инвесторов больше доверия к Китаю» («Policies give foreign investors more confidence in China» [11]), посвященную модернизации контейнерного порта Янпу в провинции Хайнань на средства потомков эмигрантов из Хайнань. Аналогичный посыл прослеживается и в статье корреспондента еженедельника «21st Century» Ван Чжуоцуня «Сеть французских универмагов будет расширяться в Китае» («French department store chain to speed expansion in China» [12]), в которой высказывалась похвала китайским эмигрантам, живущим во Франции, за финансовую и организационную помощь в открытии крупной торговой сети на территории КНР.

Таким образом, отличительными содержательно-смысловыми характеристиками современной англоязычной периодики КНР являются информационная оперативность, аргументированность анализа, стилистическая сдержанность в оценках, красочность иллюстраций и оформления, а также

доходчивость в разъяснении сущностных аспектов внешнеполитических и внешнеэкономических инициатив руководства КНР. В совокупности они способствуют укоренению в сознании зарубежной аудитории убедительных представлений о миролюбивой внешней политике и гуманистических аспектах внутренней политики социалистического Китая, формируют положительный образ страны и китайской нации в мировом информационно-коммуникационном пространстве, а также обеспечивают обратную связь китайской диаспоры и экспатов с исторической родиной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цуй, Баого*. Развитие индустрии средств массовой информации Китая в 2019 году / Баого Цуй. – Пекин : Шехуэй, 2020. – 148 с. – Кит.
2. Russia bans more EU officials from entry // China Daily. – 2021. – January 16. – P. 3.
3. Rocket attack on Baghdad airport aims to isolate Iraq internationally: officials // Global Times. – 2018. – Febr. 15. – P. 5.
4. DPRK announces test-fire of intermediate- and long-range ballistic missile // Beijing Review. – 2019. – № 9. – P. 13.
5. Burkina Faso's army says President Roch Kabore ousted // China and Africa. – 2020. – № 3. – P. 7.
6. *Zhui, Loian*. Leaders' gathering expected to invigorate international trade / Loian Zhui // China Daily. – 2021. – May 8. – P. 10.
7. *Chan, Hua*. Flourishing Silk Road friendship / Hua Chan // Global Times. – 2019. – June 21. – P. 14.
8. *Чжи, Гунэнь*. Анализ функции установления повестки дня китайских СМИ / Гунэнь Чжи // Китайский журналист. – 2001. – № 6. – С. 3–6. – Кит.
9. Журналистика Китая / С. А. Михайлов [и др.]. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2006. – 608 с.
10. *Чжан, Чуань*. Повестка дня китайских СМИ для эмигрантов и экспатов / Чуань Чжан // Вестн. Аньхойского пед. ун-та. – 2001. – № 6. – С. 3–6. – Кит.
11. *Lee, Shehya*. Policies give foreign investors more confidence in China / Shehya Lee // Business Weekly. – 2016. – July 27. – P. 9.
12. *Van, Chjuotsiun*. French department store chain to speed expansion in China / Chjuotsiun Van // 21st Century. – 2017. – Aug. 15. – P. 11.

Поступила в печать 13.01.2022

Ху Вэй

аспирант кафедры языкознания
и лингводидактики
Белорусского государственного
педагогического университета им. М. Танка
Минск, Беларусь

Hu Wei

Postgraduate student of the Department
of Linguistics and Linguodidactics
of Belarusian State pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
rebecca.minsk@mail.ru

**ЛОГОЭПИСТЕМА КАК ЕДИНИЦА ПЕРЕДАЧИ
КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ БАСНЯХ**

**LOGOEPISTEME AS A UNIT OF TRANSMISSION
OF CULTURAL AND PRAGMATIC INFORMATION
IN RUSSIAN AND CHINESE FABLES**

В статье рассматриваются национально-культурные особенности русской и китайской басен в аспекте лингвокультурологии. В качестве смысловой единицы выступает логоэпистема как прецедентный текст, отражающий ценностные ориентиры определенного этноса. В качестве логоэпистем как носителей определенной культурной информации анализируются зооморфизмы, в разных языках ориентированные на одно и то же реально существующее животное, однако различающиеся ассоциативными коннотативными признаками.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *басня; логоэпистема; культурная информация; прецедентный текст; коннотация; зооморфизмы; символ.*

The article examines the national and cultural characteristics of Russian and Chinese fables in the aspect of cultural linguistics. As a semantic unit, the logoeπισtème acts as a precedent text reflecting the value orientations of a certain ethnic group. Zoomorphisms, which in different languages are oriented towards the same real-life animal, however, differing in associative connotative features, are analyzed as logoeπισtèmes and carriers of certain cultural information.

К e y w o r d s: *fable; logoeπισtème; cultural information; precedent text; connotation; zoomorphisms; symbol.*

На современном этапе лингвистической науки наблюдается усиленный интерес к языковым единицам, отражающим сложный процесс развития национальной культуры. На фоне всеобщего процесса глобализации, с одной стороны, все отчетливее проявляется всеобщность и единичность этнокультур, с другой – активизируется культурный диалог между разными странами с целью ликвидировать разногласия, стимулировать сотрудничество и взаимопонимание. Любой национальный язык выполняет функцию фиксации и сохранения знаний об окружающей действительности, которые отражаются в языке, и прежде всего в его лексико-фразеологическом составе. Многие исследователи (Т. З. Черданцева, Д. О. Добровольский, В. Н. Телия, С. Назарян, В. В. Морковкин и др.) отмечают лингвокультурный

аспект таких знаний, «представляющих когнитивную деятельность народа, его видение мира, национальную культуру, обычаи и верования и историю носителей языка. Условия жизни оставляют неизгладимый след как в лексико-фразеологическом составе языка, так и в значении отдельных слов, приобретая благодаря этому устойчивость и составляя впоследствии содержание общественного сознания» [1, с. 208].

В качестве единицы исследования национально-культурных особенностей языка, синтезирующей единство лингвистического и экстралингвистического содержания, ученые рассматривают логоэпистему – «языковое выражение закреплённого общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» [2, с. 13–17]. Будучи средствами описания и усвоения языка, логоэпистемы являются символами, сигналами, знаками артефактов национальной культуры. В качестве логоэпистемы могут выступать пословицы, поговорки, фразеологизмы, афоризмы, высказывания известных людей, цитаты из анекдотов, литературных произведений, строки из песен, общеизвестные имена собственные и др. Н. Д. Бурвикова и В. Г. Костомаров указывают, что многие источники логоэпистем являются для носителей языка прецедентными текстами, формирующими общую культурную память носителей языка. Поэтому ядро логоэпистемы следует связывать с понятием *прецедентные тексты* (термин Ю. Н. Караулова) [3, с. 16], т.е. логоэпистема – это не только единица, несущая культурную информацию, это смысл, оформленный как текст. С этой точки зрения басня – один из древнейших жанров искусства – может рассматриваться как прецедентный текст, или логоэпистема, отражающая ценностные ориентиры определенного этноса.

Логоэпистема несет в себе национально-культурный компонент значения, эксплицированный коннотативной безэквивалентной, частично эквивалентной лексикой, именами собственными, нарицательными и др. Р. В. Браун и М. Форд отмечают: «Имя собственное концептуализирует человека как уникальный организм. Но когда интерес к человеку растёт, вместо одного имени собственного индивид реализуется в целом ряде разных имен...» [4, с. 50], которые с течением времени становятся именами нарицательными. «Под влиянием национальной специфики перцептивной деятельности одни и те же предметы или явления могут по-разному оцениваться в отдельных культурах, вследствие чего обозначающие их слова приобретают различные коннотации, которые выражают эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату слова» [3, с. 48]. Коннотация, являясь компонентом логоэпистемы, дополняет предметно-денотативное, а также грамматическое значение языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию «на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому» [4, с. 67].

Логоэпистема имеет коннотативный смысл. Как элемент прагматики, «коннотативное значение логоэпистемы отражают связанные с языковыми знаками культурное понимание традиции, которое доминирует в данном обществе, практику использования определенных предметов и многие другие внеязыковые факторы» [3, с. 68]. Поэтому семантические ассоциации логоэпистемы – несущественные, но устойчивые признаки выражаемого языковой единицей понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действия, содержащие элементы – логические и эмотивно-оценочные. По мнению О. А. Корнилова, коннотативная зона языка тесно связана с символикой. Если в какой-либо культуре «животные являются символами силы, трудолюбия, мудрости, трусости и т. п., то применительно к лингвистике это означает, что лексические значения слов, называющих этих животных, включают в себя эту информацию» [5, с. 147]. Например, муравей с библейских времен считается воплощением трудолюбия в европейской символике и эмблематике [6, с. 206]. Это понимание выражается в коннотациях данной архетипической логоэпистемы: в русском языке производное прилагательное *муравьиный* означает ‘трудолюбивый, заботливый, хлопотливый (муравьиная работа)’ [Там же, с. 207], например, в басне И. А. Крылова «Стрекоза и муравей». В китайском языке данное понимание не подтверждается наличием каких-либо переносных, производных слов, т. к. в китайской культуре *муравей* – символ маленького человека (басня «蚂蚁和狮子») («Муравей и Лев»).

Басни, отражающие мироощущение народа, оказывая огромное влияние на формирование национальных особенностей характера, определяют нравственные, эстетические, познавательные ценности, являются основой создания объемных архетипических логоэпистем, например: в русском языке – (И. А. Крылов) *мартышкин труд, а ларчик просто открывался, слона то я и не заметил, Демьянова уха, Тришкин кафтан, да только воз и ныне там* и др.; в китайском языке – «叶公好龙» (Е Гун) (любить драконов, обр. в. знач. ‘любить лишь на словах’); «望洋兴叹» (смотреть на океан и вздыхать, обр. в. знач. ‘чувствовать свое бессилие’); «掩耳盗铃» (заткнув уши, воровать колокольчик, обр. в. знач. ‘прятать голову в песок’); «井底之蛙» (лягушка на дне колодца, обр. в. знач. ‘узкий кругозор’); «老马识途» (старый конь дорогу знает, обр. в. знач. ‘старый конь борозды не испортит’); «一鸣惊人» (впервые запев, поразил всех, обр. в. знач. ‘вдруг поразить своими успехами’) и др. [7].

Россия и Китай имеют различную историю и культуру, но каждая страна обладает бесценным опытом, который сложился под воздействием различных условий, что, естественно, повлияло на прагматические особенности басен. Как известно, действующими лицами басни обычно выступают животные, растения, вещи, высмеивающие пороки людей. Согласно классификации способов создания аллегории, басни, как отмечает Чэн Пуцинь [8], можно разделить на басни, в которых в качестве персонажей выступает

человек, и басни антропоморфные, т. е. перенесение человеческого образа и его свойств на неодушевленные предметы, животных, растения, природные явления, сверхъестественные сущности. В русской культуре таких басен незначительное количество: Д. Бедный – «Демьянова уха», «Кот и повар», «Охотник», «Собака, Человек, Кошка и Сокол», «Ларчик», «Крестьянин и Лисица», «Крестьянин и Работник»; И. А. Крылов – «Мартышка и очки»; В. Тредиаковский – «Простая справка» и некоторые другие. Басни с человеком в образе главного действующего персонажа для традиционной китайской культуры – явление закономерное. Бао Яньи в «Басенном словаре» дает определение антропоморфной басне: «Это басни, в которых в качестве главных героев используются животные, растения и неживые существа, а также используются антропоморфные приемы, чтобы заставить вышеуказанные изображения обладать человеческими мыслями, действиями и эмоциями» [9, с. 83–84]. В китайском языке такие басни преобладают: 孔子 («Кун Цзы»), 畸人 («Цзи Жэн») «Да Цзунши» («Великий Мастер»), 圣人 («Шэн Жэн»), 神人 («Шэнь Жэн»), 至人 («Чжи Жэн»), 真人 («Чжэнь Жэн»), 庖丁 («Пао Дин: повар»), 石匠 («Ши Цзян: каменщик»), 工倕 («Гун Чуй: искусный мастер»), 捶钩者 («Чуй гоу чжэ: мастер поясной пряжки»), 驼背老人 («Горбатый старик»), 轮扁 («Лунь Бян: колесный мастер») и многие другие.

В современном русском и китайском басенном творчестве наблюдается тенденция делать главными персонажами неодушевленные предметы, небесные явления, абстрактные вещи, характеристики человека и др., например: у С. В. Михалкова – «Арбуз», «Большая кость», «Услужливый», «Тюльпаны», «Кирпич и льдина», «Ах, кока-кола!», «Бюрократ и смерть», «Знакомый голос», «Тщеславие», «Колос и Василёк», «Скала и Утёс», «Два Топора»; в китайском языке – «桔逾淮为枳» («Мандарин над Хуай – трехлистный»), «匠石与栎社» («Цзян Ши и Лишэ»), «商丘大木» («Дерево в Шанцю»), «拔杨容易树杨难» («Выдергивать Иву легко, а сажать ее тяжело»), «柱山两木» («Чжу Шан Лян Му: гора и два дерева») «桑谷» («Сан Гу: тута (название дерева) и хлеб»), «圆规» («Циркуль») Хай Дайцюань; «眼睛、嘴巴、耳朵的对话» («Диалог между глазами, ртом и ушами») Ван Гуантяня; «瑞雪» («Благодатный снег») У Гуансяо; «大红鼓» («Красный барабан») Го Жунана и др. Такие логоэпистемы аккумулируют в себе как собственно языковое представление, так и тесно связанную с ним внеязыковую культурную среду.

В баснях в качестве логоэпистем как носителей определенной культурной информации могут выступать зооморфизмы, в разных языках ориентированные на одно и то же реально существующее животное, однако различающиеся ассоциативными коннотативными признаками. Для иллюстрации приведем логоэпистему *петух* и ее семантические ассоциации в сопоставляемых языках – ‘драчливость, задиристость, гордость’. Кроме того, в русском языке *красный петух* – это олицетворение огня, пожара; фразеологизм *пускать красного петуха* обозначает ‘поджечь что-либо,

устроить пожар' [6, с. 216– 217]. В китайском языке «公鸡下蛋猫咬狗» (*петух несет яйца, кошка кусает собаку* имеет значение 'непредсказуемый'), «瓷公鸡, 玻璃猫» (*фарфоровый петух – значит 'скупой'*), «大公鸡吃米» (*петух ест рис* означает 'бесчисленное множество чего-л.'). Что касается басенного петуха, его образ не имеет особенных семантических расхождений в двух культурах, но существуют различия в отношении к нему со стороны других действующих лиц. Например, в басне И. А. Крылова «Госпожа и две служанки» петух представлен как злобное существо: *Да, в доме том проклятый был петух...*; или *Злодея их не стало...*, поэтому и расправляются девушки с ним без малейших угрызений совести: *Добро же ты, нечистый дух!*; *И, выбрав случай, без сожаленья, свернули девушки головку петуху* [10, с. 190].

В русской культуре отношение к петуху многозначно, потому что в славянской мифологии петух наделяется способностью противостоять нечистой силе, он постоянно оказывается связанным с огнем и часто оберегает дом от пожара. А крик петуха, по народному убеждению, отгоняет всякую нечистую силу [11, с. 246]. В китайском языке крик петуха обозначает 吉(ци) – 'несет счастье и весну': 金鸡鸣春 (*когда золотой петух закричит, тогда весна будет*), 鸡鸣报晓 – 'крик петуха: возвещает рассвет' (напр. о бое часов как о пении петуха). В начале нового китайского года клеить на окна вырезанное из бумаги изображение петуха – к счастью. Басенный петух имеет и другое значение: в басне «Мэнчанцзюнь» один из слуг, притворившись собакой, проник в цинский лагерь, где Мэнчанцзюня держали под стражей, и помог ему бежать, а другой отвлекал преследователей подражанием пению петуха. В результате появилась фразеологическая единица: «鸡鸣狗盗» – *петух поет, (и как) собака крадет*, которая имеет смысл 'совершать мелкую кражу, мошенничество'. В современном китайском языке фразеологизм имеет значение 'ловкий, изворотливый человек'. Кроме того, в китайских баснях встречаются еще некоторые чэньюй со словом *петух*: «斗鸡走狗» (*петушиные бои и собачьи бега*, обр. 'прожигать жизнь, жить в свое удовольствие').

В русской культуре логотипистема *лошадь* – символ скорости, грации, мужества и силы. В христианстве конь обозначает солнце, смелость, благородство. Например, в басне И. Панина «Верховая лошадь» данное животное выступает символом скорости и грации (*Но что ж? как лошадь статна, / Собой как ни красива...*). В древней китайской басне образ лошади часто используется как символ работоспособности, например, басни «骥遇伯乐» (букв. превосходный конь встречает Бо Лэ. Конь жалуется, что его заставляют возить соль. В перен. знач.: о выдающемся, талантливом человеке, который жалуется мудрому человеку на унижительность навязанной ему службы); «田子方遇老马» («Тянь Цзыфан встречает старую лошадь»), «置之牧外» («Чжи Чжи Му Вай») и др. До настоящего времени образ лошади в китайской культуре употребляется для отражения успеха, заслуг перед обществом.

В басне («Павлин и Соловей») И. А. Крылов для изображения талантливого человека использует образ Соловья, называя его *великий мастерище, любимец и певец Авроры*. И хотя цвет перьев Соловья не вызывает восхищения, его исполнительский талант признается всеми. В современном русском языке этот образ является символом того, что за скромной внешностью скрывается богатый внутренний мир. Еще один яркий пример символизма: в западной культуре «Феникс» является символом бессмертия, воскрешения после смерти через огонь, например, в басне В. Измайлова «Феникс». В китайском языке феникс – «凤凰» («фенхуан»): «凤» (фен) – самец птицы, «凰» (хуан) – самка птицы; для китайцев феникс – воплощение супружеской верности и счастливой жизни, его образ изображается на свадебных нарядах. Чэньюй «凤凰于飞» (букв. *самцу и самке феникса вместе летать*, обр. в знач. ‘счастливые супруги’). И сейчас феникс является символом счастья в китайской культуре. Китайцам нравится так называемая «золотая середина» (согласно учению Конфуция), что находит отражение в баснях. Так, в басне «鹬蚌相争» (букв. Бегас схватился с устрицей) основной смысл в том, что выигрывает тот, кто идет на компромисс, т. е. надо быть терпимыми друг к другу, понимать друг друга и иногда уступать собеседнику, чтобы добиться успеха.

В русской культуре частым басенным персонажем выступает образ собаки как символ верности, преданности, дружелюбия. В китайской традиционной культуре собака имеет отрицательные ассоциации: стремление к выгоде, отношение к людям в зависимости от их общественного положения, неверность, т.е. данная логозпистема имеет негативный коннотативный смысл. Например, смысл басни «晏子春秋·内篇·问上» («Яньцзи Чунцю · внутренний отдел · Вопросы») следующий: человек, наделенный властью, злой, как собака, должен быть изгнан, чтобы не навредить; другими словами, каким бы хорошим монархом ты ни был, зло никогда не принесет пользы.

С точки зрения культурных коннотаций интерес представляют басни К. Пруткива, которые строятся на обыгрывании слов-омонимов, приводящих к созданию каламбура, например, («Чиновник и Курица») *нестись – бежать* и *нестись – нести яйца* (о курице); («Стан и Голос») *стан* как ‘тело, организм, телосложение’ и *стан* как ‘административно-полицейский округ из нескольких волостей’; («Звезда и Брюхо») *звезда* как ‘небесное тело’ и *звезда* как ‘орден святого Станислава’, имеющий форму звезды. По мнению С. Влахова и С. Флорина, «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому» [12, с. 187], выражают определенные реалии с помощью языковых особенностей передачи культурной информации этой нации. Например, китайское выражение «以羊易牛» (*заменить корову овцой*), имеющее аналог в русском языке – *поменять шило на мыло*), содержит следующие логозпистемы: 一天, 梁惠王坐在庙堂上,

看到堂下有一个 人牵着牛走过 (пер. *Однажды Лян Хуй Ван, сидя в храме, увидел человека, который вел на веревке корову*). В современном китайском языке слово *庙堂* (Мяо Тан – это храм предков: даосизма или буддизма), в древнем Китае оно обозначало «*朝廷*» (Чао Тин – ‘императорский двор’). В русской культуре часто используются названия церквей или костелов.

Таким образом, логоэпистема играет существенную роль в построении коммуникативного акта, в структуризации новых текстов, то есть существует как единица смысла. При этом многие логоэпистемы, созданные баснописцами, превращаются в общеупотребительные пословицы и поговорки, которые становятся прецедентными текстами, отражающими духовные ценности лингвокультурного сообщества, его многовековую мудрость. Они стимулируют ассоциации читателя, которые способствуют культурной памяти басенных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маслов, В. А.* Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
2. *Бурвикова, Н. Д.* Что же такое логоэпистема / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров // Вестн. РУНД. – Сер. Русский язык нефилологам. Теория и практика. – 2006. – № 7. – С. 13–17.
3. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наук, 1987. – 16 с.
4. *Верещагин, Е. М.* Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1980. – С. 50–68.
5. *Корнилов, О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003. – 147 с.
6. *Телия, В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – С. 206–217.
7. *Чэн, Ч.* Китайская басня и фольклор / Ч. Чэн, С. Чэн. – Ханчжоу : Чжэцзян. изд-во, 2012. – 111 с.
8. *Чэн, П.* Описание басни / П. Чэн. – Чанша : Книжн. изд-во Юе Лу, 2014. – С. 138–317.
9. *Бао, Я.* Словарь басни / под общ. ред. Я. Бао. – Цзинань : Завтра, 1988. – 490 с.
10. *Кимягарова, Р. С.* Словарь языка басен Крылова / Р. С. Кимягарова. – М. : Оникс, 2006. – 928 с.
11. *Верещагин, Е. М.* Язык и культура : лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомарова. – М., 1990. – 246 с.
12. *Влахов, С.* Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношение, 1986. – 187 с.

Поступила в редакцию 17.12.2021

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.3 – 3.09

Бурдзялёва Ірына Аляксееўна

кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры беларускай мовы
і літаратуры
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны
ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь

Iryna Burdzialova

PhD in Philology, Associate Professor
at the Department of Belarusian Language
and Literature,
Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus
Irlita@yandex.ru

ЧАЛАВЕК І ГІСТОРЫЯ Ё АПОВЕСЦІ Е. ВЕЖНАВЕЦ
«ПА ШТО ІДЕШ, ВОЎЧА?»

MAN AND HISTORY IN THE STORY
OF E. VEZHNAVETS “WHAT ARE YOU GOING FOR, WOLF?”

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці асэнсавання беларускай гісторыі за апошніяе стагоддзе ў аповесці Евы Вежнавец. Трагічная і драматычная гісторыя, якая падпадае пад пільную ўвагу аўтара, паўстае актыўнай удзельніцай сюжэта, яго асноўнай рухаючай сілай і глыбока траўміруе характар герояў, дэфармуе іх лёсы. Таксама звяртаецца ўвага на кампазіцыйныя асаблівасці твора, яго вобразную сістэму і наратыўныя прыёмы.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: канцэнтрацыя трагічнага вопыту; гістарычная траўма; наратыўныя прыёмы.

Eva Vezhnavecs' story reflects Belarusian history of the last century. The article analyzes the author's conceptual focus on tragic and dramatic events through which the main characters are portrayed as deeply traumatized by history. It is noted that history becomes an active factor in the plot. The article focuses on the composition, imagery and narrative features.

Key words: concentration of tragic experience; historical trauma; narrative techniques.

Асэнсаванне чалавека ў кантэксце гісторыі, гісторыі праз лёсы герояў з'яўляецца адным з вядучых праблема-тэматычных кірункаў беларускай мастацкай літаратуры ХХ стагоддзя. Письменнікі скіроўвалі сваю ўвагу на канкрэтныя, лёсавызначальныя падзеі, або наадварот, імкнуліся разгарнуць сувай гісторыі ў шматтомных раманных цыклах. Аднымі з першых патрэбу стварэння шырокай панарамы жыцця беларускага народа на вялікім гістарычным адрэзку адчулі М. Гарэцкі і К. Чорны. Жорсткія рэаліі 1930-х гг. не далі ў поўнай меры рэалізаваць іх творчыя планы, але пачатак маштабнаму асэнсаванню быцця народа ў часе быў пакладзены. На мастацкі ахоп значнага кавалка беларускай гісторыі была скіравана задума пяці тамоў «Палескай хронікі» І. Мележа. Ажыццявіць яе цалкам не дазволіла заўчасная смерць пісьменніка, але тры першыя кнігі хронікі сталіся прэцэдэнтнымі тэкстамі

айчыннай літаратуры. У якасці завершанага творчага праекта варта прыгадаць створаную ў другой палове стагоддзя тэтралогію В. Адамчыка, у якой ён паказаў лёсы заходніх беларусаў на працягу некалькіх драматычных дзесяцігоддзяў. На шляху даследавання ўзаемадзеяння чалавека і гісторыі беларуская літаратура мела значныя здабыткі і назапашаны мастацкі вопыт эпічнага адлюстравання і, разам з тым, глыбокага філасофскага асэнсавання гістарычнай драмы беларусаў на працягу, бадай, самага катастрофічнага XX стагоддзя.

Сучасная літаратура аддае перавагу асабіста-суб'ектыўнаму погляду на свет і на падзеі прамінулага часу ў прыватнасці. Ды і сённяшнія рэаліі ўплываюць на тое, што раманны эпас і іншыя жанры пачынаюць змяншаць тэкставы аб'ём, затое набываюць больш дынамічную мастацкую структуру ісэнсавую шматслойнасць. Прыкладам можа быць зборнік В. Казько «Час збіраць косці», асабліва аднайменная аповесць, якая дала назву ўсёй кнізе. У эсэістычных разважаннях і ўспамінах пісьменнік праводзіць падсумаваанне набыткаў і страт не толькі жыцця галоўнага героя, але і ўсёй краіны на вялікім этапе гістарычнага быцця. Крытыкі адзначаюць уласцівыя творчаму метаду В. Казько напружаны канцэптуальны пошук і экзістэнцыйную глыбіню, ёмістую метафарычнасць і арыгінальную аўтарскую міфатворчасць. Менавіта гэтыя мастацкія прыёмы, шырокае выкарыстанне шматзначных вобразаў, сімвалаў і алегорый, прыёмы іншасказальнасці, асацыятыўнасці, «расшчаплення часу» ствараюць у невялікай па аб'ёме аповесці «Час збіраць косці» эфект шматмернасці, паўнаты асэнсавання пройдзенага народам шляху.

Сваё канцэптуальнае бачанне нацыянальнай гісторыі прапанавала Ева Вежнавец у аповесці «Па што ідзеш, воўча?» (2020). Відавочная аўтарская свядомая скіраванасць на тэндэнцыйнае аднаўленне ў творы скандэнсаванай беларускай бяды, якая пракляццем ці злым рокам вісіць над краем скрозь стагоддзі. Сама канцэпцыя твора выклікае алузіі на радкі Я. Купалы, напісаныя на пачатку 1920-х гг.: *Няўжо ж бы хто й над будучыняй нашай // Навек залом пракляты заламаў? У гэтым жа вершы «Перад будучыняй» Я. Купала далей піша: Пакрыўленыя колісь нашы душы / Дагэтуль выпрастаць не ў моцы йшчэ...*[1, с. 106].

Аповесць прыцягвае ўвагу наратыўнай структурай, спецыфікай галоўных герояў. У творы гэта тры жаночыя вобразы розных пакаленняў адной сям'і. Кампазіцыя твора рамачная, пры гэтым адбываецца частая змена наратараў: аповед з сучаснасці пераходзіць у гісторыю і зноў вяртаецца ў сённяшні дзень, адметнасць якога мае вытокі ў падзеях мінулага. Наша сучасніца, алкагалічка Рына, вяртаецца з Нямеччыны, дзе даглядала састарэлых немцаў, у родную вёску хаваць сваю бабуку Дарафею, мясцовую знахарку і вядзьмарку. Праз Рыну падаюцца ўспаміны Дарафеі пра падзеі мясцовай гісторыі, а гэтыя аповеды ўтрымліваюць успаміны ўжо ейнай бабкі Мар'янкі, таксама знахаркі. Такім чынам гісторыя стэрэаскапічна разгортваецца ў глыбіню часу і сягае да пачатку XX стагоддзя. Гістарычная памяць Дарафеі доўгая: *Дзве вайны і дзевяць улад перажыла старая і не*

шкадавала ўнучцы аповедаў. Так што Рыне здавалася, што яна сама жыве сто другі год і мае ў галаве карту смерці, генеалагічныя дрэвы цэлых вёсак і непатрэбныя бабіны “навукі” да кучы [2, с. 13–14]. Як адзначыла ў адным з тэлеінтэрв’ю пісьменніца, галоўны вобраз – гэта трыяда жанчын, на якую, як на верацянно, накручваецца гісторыя. Жаночыя лёсы сталіся такім прыдатным матэрыялам невыпадкова. Маючы на ўвазе трагічную гісторыю мінулага стагоддзя, можна сцвярджаць, што мужчыны ў Беларусі не жывуць доўга. Жанчыны маюць больш працяглы век, таму менавіта яны з’яўляюцца захавальніцамі гістарычнай памяці і яе галоўнымі рэтранслятарамі, яны захоўваюць апавядальніцкую традыцыю і ажыццяўляюць перадачу гістарычнага досведу. Такім чынам, праз трыадзінства жаночых вобразаў падаюцца выціскі беларускай гісторыі за апошнія сто год.

Гераіні твора, нягледзячы на сваё знахарства і веды, так званыя маленькія людзі. Маленькі чалавек у самым абагуленым сэнсе гэтага паняцця – проста чалавек, ад якога нічога не залежыць у гісторыі, гэта яе пасіўны сведка і ў значнай меры яе ахвяра. Калі герой прыгаданай аповесці В. Казько, праводзячы выніковы агляд уласнага жыцця і гістарычнага шляху краіны, адчувае сваю віну за непераборлівасць, канфармізм, за тое, што павінен быў бы зрабіць, а не зрабіў, і праз тое рэфлексуе і перажывае, то гераіні твора Е. Вежнавец – сапраўды проста сведкі гістарычных працэсаў, захавальніцы і перадатчыцы памяці праз пакаленні. У аповесці гэта не крытычнае, рэфлексійнае пераасэнсаванне гісторыі, гэта яе аб’ектыўная фіксацыя.

Вялікая нацыянальная гісторыя падаецца ў аповесці праз лакальную, прыватную. Звычайныя людзі, сяляне, месчачкоўцы, аказваюцца ўцягнутымі ў вялікія гістарычныя і сацыяльныя катаклізмы. Прычым героі ўключаюцца ў гэтыя падзеі часта супраць сваёй волі, самой сілай абставін. Гісторыя ў аповесці Е. Вежнавец перарастае межы кантэксту або проста фону, на якім разгортваюцца чалавечыя лёсы, а сама становіцца рухавіком і чыннікам сюжэта, агрэсіўна ўрываючыся і разбураючы жыццё гераінь. Канфлікт твора не абмяжоўваецца ўзаемаадносінамі розных асоб, а будзе ў асноўным як сутыкненне гераінь з гістарычна абумоўленымі абставінамі, якія вызначаюць іх пэўныя ўчынкі. Чалавеку не даецца магчымасць застацца ў баку ад гісторыі і вызначаць ход уласнага жыцця. Прыгаварваюцца словы, сказаныя адным з беларускіх пісьменнікаў: «Беларусы шчаслівыя, калі іх не чапаюць». Яны выказваюць адвечную, але нязбыўную мару беларуса проста жыць.

Аповесці Е. Вежнавец уласціва апавядальніцкая манера, спалучэнне традыцыйнай, лінейнай плыні з пераменай наратыўных стратэгій. Шмат у чым гісторыі, перададзеныя ва ўспамінах знахаркі Дарафеі, працягваюць традыцыі народнай гутаркі, або гавэнды – жанру, характэрнага для літаратуры Беларусі XIX стагоддзя. Да гэтага жанру звярталіся А. Міцкевіч, У. Сыракомля, блізкія да жанру гавэндаў-бываліц вершаваныя аповесці В. Дуніна-Марцінкевіча. Як адзначаюць даследчыкі, у XX ст. традыцыі вуснага апаведу плённа выкарыстаў Я. Брыль у «Ніжніх Байдунах».

Прыгадваецца і знакаміты твор Г. Жавускага «Успаміны Севярына Сапліцы», дзе сабраны сямейныя паданні, мясцовыя аповеды пра падзеі сярэдзіны XVIII ст., у якіх прыватная гісторыя цесна перапляталася з палітычнай. У гавэндзе апавядальнік звычайна ад першай асобы расказваў пра пэўныя падзеі, удзельнікам альбо сведкам якіх называў сябе, ці пераказваў пачутае ад іншага. Для жанру характэрна спакойная плынь, натуральны, гутарковы стыль, адсутнасць аналізу, разгорнутых ацэнак і ацэначных характарыстык. У аповесці Е. Вежнавец гэта таксама гісторыя, пабачаная гераінямі на свае вочы і перададзеная лінейным аповедам. Прычым мудрыя ведзьмы-знахаркі Мар’янка і Дарафея маюць сваё адметнае светаразуменне, але гэта анталагічныя веды пра свет, у іх няма месца ўсведамленню прычынна-выніковых сувязяў гістарычных працэсаў. У аповедах яны проста рэгіструюць наступствы гісторыі, але не ў стане зразумець іх прычыны.

Падзеі даўжынёй у стагоддзе паказаны ў глухім балотна-лясным краі на Любаншчыне. Такі адасоблены ад свету замкнёны кут не проста традыцыйны топас беларускай літаратуры. Адмежаванасць не засцерагла жыхароў ад уплываў глабальнай гісторыі ў самым трагічным яе варыянце: *Вялікія балаты ў нас, непраходныя, а чалавеку ні схову, ані спасу няма. Як захочуць, то дастануць цябе і выкалацяць усю душу – ці ваўкі, ці ўласці* [2, с. 63]. На Беларусі больш не засталася такіх закрытых і зацішных куткоў, дзе чалавек мог бы жыць сваім уласным жыццём і не быць цацкай гісторыі. Апрача таго, гэта частка Любаншчыны – куток знакавы, зафіксаваны у беларускай літаратуры ў паэме Я. Купалы «Над ракой Арэсай», твора паказальным для савецкай творчасці паэта. Толькі гісторыя пра пераўтварэнне гэтага краю камунарамі, якія прыйшлі асушаць вялікія балоты і будаваць новы свет, у аповесці Вежнавец зусім не пафасная і гераічная. І трэба думаць, сапраўдная. Дарэчы дадаць, што пісьменніца родам з вёскі Загалле Любанскага раёна і апісвае свае родныя мясціны. Менавіта тут і ў бліжэйшых вёсках сканцэнтраваны асноўныя падзеі яе твора. Мясцовыя тапонімы – Загалле, Любань, Мар’іна балота, – а таксама камунар Падзярыху сустракаюцца ў паэме Я. Купалы. У аповесці «Па што ідзеш, воўча?» ёсць і палеміка з гэтай паэмай, і моманты мастацкай гульні з верагоднымі фактамі. Пісьменніца аднаўляе мікрасюжэт, дзе Іван Дамінікавіч прыязджае, каб на свае вочы пабачыць і апісаць жыццё камунараў: *Хораіша адзеты, як шляхціц, – сурдут, капялюш, камізэлька, беленька кашуля... Але сам немалады, гадоў за сорок, твар нібыта хворы* [2, с. 75]. Яго паэма будзе ацэнена адным з герояў, які паўтарае вядомыя словы Я. Купалы пра сваю творчасць савецкага часу: *Няма ў тым душы, дрындушкі нейкія* [2, с. 81]. Сацыяльна-эканамічны эксперымент, апеты ў Купалавай паэме і апісаны ў рамане Вежнавец, закончыўся нічым. Мелі рацыю тутэйшыя людзі, пра што пісаў беларускі класік: *Што-та будзе тут цяпер? // «Нічога не будзе!» — / Хітра думалі ў чацвер / Палескія людзі* [3, с. 138]. Не будзе менавіта нічога добрага, бо беларусы адвучыліся спадзявацца не нешта лепшае ў сваім гістарычным быцці. Мясцовы люд у аповесці аказваецца пастаянным аб’ектам сацыяльна-

эканамічных эксперыментаў: то адна за адной хвалі меліярацыі, якія дарэшты знішчылі некалі багаты свет навакольнай прыроды, то вырошчванне нетрадыцыйнай культуры кок-сагызу. Мабыць, уладзе, адвеку чужой тутэйшым, можна беспакarana ажыццяўляць самыя нялюдскія праекты, *калі ёсць беларусы – вечнае быдла цеглавае, якое нікому не шкода?* [2, с. 100].

Пакручастая гісторыя XX ст., як, дарэчы, і заўсёды, ператварае адных у ахвяраў, іншых – у катаў, хтосьці застаецца людзьмі, нехта пераўтвараецца ў нелюдзей. У замкнёным кутку здаўна жылі праваслаўныя, каталікі, староверы, яўрэі. Аўтарка развейвае міф пра беларускую талерантнасць. У крытычныя моманты, *калі людзі навыветрывалі з голаду і злосці, ім трэба было зло сарваць* [2, с. 53], то беларусы *спаганялі злосць на жыдах* [2, с. 84]. Жорсткасць і варажнеча, татальная адсутнасць чалавечага спачування і салідарнасці з сваім жа суседам, суайчыннікам, бессэнсоўнасць учынкаў выкліканы стратай маральна-этычных арыенціраў, пачуццём адчужанасці ад нармальнага чалавечага жыцця, хаатычнасцю і непрадказальнасцю зменаў і абставін. *Горшай хваробы, як чалавек, няма на свеце. Нічога ўжо не зробіш, як пачуў чалавек кроў і нажыву. Усё, – кажа мудрая Дарафея* [2, с. с 56]. Вялікая Айчынная вайна таксама паказана пісьменніцай аднапланава, як хаос, плынь бессэнсоўных забойстваў, у першую чаргу як вайна сваіх супраць сваіх жа. Не столькі немцы, як свае сваіх *поедам паз’ядалі*. Былы энкавэдыст Сільвестар Шардыка, а ў вайну камандзір партызанскага атрада, *тут пазнаходзіў столькі ворагаў і пасобнікаў, што зямля загарэлася ў нас пад нагамі* [2, с. 88]. Звычайнаму чалавеку зноў нідзе няма паратунку: *Партызанаў было сотні і тысячы. Толькі ў лесе можна было выжыць мужыку. А мы, бабы, старыя і дзеці, для ўсіх былі кормнае быдла* [2, с. 92]. Таму як рэзюмэ Дарафеі да ўсяго аповеду пра мінулае, як наказ унучцы, гучыць так: *Ні ў што не лезь, нікому не служы, нікому не вер. Тут нічога не дзержыцца... І справядлівасці не чакай* [2, с. 96]. Досвед ранейшых пакаленняў і свой уласны нараджае ў Рыны пачуццё безвыходнасці. У звязку з гэтым мае глыбокі сэнс назва аповесці, якая ў больш поўным варыянце паўтараецца ў загаловку адной з частак твора: «Па што ідзеш, воўча? – Па астатняе». Па народным выслоўі – воўк нічога не пакіне, забярэ і астатнія пробліскі надзеі на лепшае. Воўк у фальклоры – амбівалентны вобраз, але тут бачыцца і адсылка да лацінскага выслоўя *homo homini lupus est* – чалавек чалавеку воўк.

У сваёй аповесці Е. Вежнавец падагульняе гістарычны шлях беларусаў за апошняе стагоддзе, але гэта неверагоднае згушчэнне беларускай бяды і пакут. Беларуская гісторыя пададзена тэндэнцыйна, без светлых момантаў, але такая канцэпцыя пісьменніцы – праз скандэнсаваную ў апаведзе трагедыю мінулага паказаць драматычнасць лёсу беларусаў, якія хацелі б проста жыць, а не выжываць, не быць адвечным аб’ектам гісторыі.

Катаклізмы XX ст. не прайшлі бяследна: *Цяпер зямля пустая, ціхая і нявідная, нібыта пры смерці* [2, с. 102]. Адвечная трагедыя нібы закансервавалася тут, у балотным краі, на мясцовых балотах. Гэта настоеная праз

стагоддзі беларуская бяда, як восеньская імжа, нібы вісіць у паветры, і сёння яе прысутнасць адчуваецца нават фізічна. Як заўважае аўтарка, калі толькі перасякаеш мяжу з Беларуссю *самалётам, машынаю ці цягніком – усё адно: адчуваеш, як адразу на мяжы цяжэе і макрэе паветра, у ім асядаюць і глухнуць гукі, затое абвастраюцца пахі, нібыта апусціўся на дно нябачнага балота ці возера* [2, с. 5]. З самага маленства ў святдомасць Рыны былі закладзены веды пра назапашаную пакаленнямі бяду, бясконцы ланцуг чалавечых трагедый, якія, дэфармуючы жыццё, цяжарам ляжаць на яе плячах. Алкагалізм Рыны невыпадковы – гэта сродак ад болю, траўматычнай гістарычнай памяці, перададзенай ёй бабкай Дарафеяй. Толькі з ледзь прыглушанай алкаголем святдомасцю можна з такім цяжарам памяці жыць і дыхаць.

Прыцягвае ўвагу безэмацыйнасць аповеду, адсутнасць выказанай эмпатыі да знаёмых і суседзяў, адсутнасць рэфлексій на самыя страшныя і крываваыя падзеі. Тут спакойная і страшная ў сваім спакоі канстатацыя зла, чарады чалавечых трагедый, і чытач разумее, што трагедыя стала для беларусаў будзённасцю. Да яе прызвычаіліся, і яна ўжо не выклікае абурэння, страху або тых перажыванняў, якія натуральна чакаюцца ад сведкаў страшных падзей. Такую эмацыянальную спустошанасць, стомленасць можна патлумачыць вялізнай канцэнтрацыяй трагедыі, бясконцай чарадой гістарычнай бяды, эмацыйна рэагаваць на якую ўжо не стае сілы, бо душэўныя магчымасці вычарпаны дарэшты. Такім чынам, траўміраваны гісторыяй беларус – безэмацыйны. На пачатку твора пісьменніца адзначае гэту рысу і ў сучаснага беларуса: *Неэмацыйны народ, твары нібы ў сіндроме Мёбіуса. Ні жывыя, ні мёртвыя... Чалавечым тварам кіруюць 34 цягліцы. Мабыць, тутэйшаму чалавеку не хочацца пружыць тыя цягліцы пры кожнай міне ці ўсмішцы. Аднак гэта замінае толькі турыстам, сваім нармальна... У культурах выжывання міміка мае быць мінімальнай, – робіць высновы аўтарка* [2, с. 7].

Паэтыка вуснага аповеду, які займае значную частку твора, вызначае адносна невялікую колькасць тропаў, але затое гэта вельмі яркія і ёмістыя вобразы-сімвалы і метафары. Адна з найбольш яўных метафар – маленькае срэбнае люстэрка, вельмі старое, *чэрненае і таўраванае з зарэцкае люстраное гуты*, падоранае калісьці маці Дарафеі, Просі [2, с. 65]. Адабранае ў яе, яно пераходзіла з рук у рукі пры крываваых абставінах. І Прося, трэба думаць, была не першай гаспадыняй люстэрка. Каб спыніць бясконцую чараду трагічных падзей, якія множацца, быццам адбітыя ў чарнёным люстэрку гісторыі, каб разамкнуць ланцуг няшчасцяў і крыўд, Рына перадае люстэрка на той свет разам з памерлай Дарафеяй, паклаўшы пакуначак з ім у бабіну труну.

Пісьменніца хоча пакінуць надзею на тое, што зачараванае кола беларускай пакуты можа перарвацца і гісторыя набудзе новы кірунак. Можа, гэта адбудзецца тады, калі нарэшце злезе брыдкае сіняе фарба, у якую дзеля “красівасці” пафарбавалі святыя камяні. Адзін з іх ляжаў каля Белага Слупа –

калодзежа, які, як верылі тутэйшыя, сягае ўглыб аж да сярэдзіны зямлі. Яго паслядоўна стараліся знішчыць і праваслаўныя бацюшкі, і камісары, і фашысты. А цяпер ён аднавіўся ў новым месцы, у лясной лагчыне невялікай лужынкай. Стары крумкач паказаў Рыне дарогу да нованароджанага калодзежа, які заструменіў чыстай вадой. Гэта лёгка чытаны літаратурны вобраз-сімвал адвечнага абнаўлення. Але пакуль гэта толькі кволы пачатак чагосьці новага, таму Рына засцерагае і хавае гэту таямніцу ад усіх. І ці патрэбна будзе вада з крыніцы Белы Слуп народу, унутрана скалечанаму сваёй гісторыяй, ці захоча ён пазбыцца *свайго вогненага калабка і іншых чарцей?* [2, с. 135].

Уражвае канцэнтрацыя трагедыі і чалавечага зла на адну старонку аповесці Е. Вежнавец. Беларус паўстае ў ёй траўміраваным, унутрана дэфармаваным гісторыяй; ён вымушаны не столькі ўзаемадзейнічаць з ёй, колькі быць яе ахвярай, уцягнутай у гістарычны вадаварот па-за сваёй волі, пазбаўленай пры гэтым асаблівага выбару. У творы пісьменніца імкнецца падсумаваць і абагульніць усё зло, назапашанае за стагоддзе, падвесці выніковую рысу, за якой можа пачацца іншы фармат гістарычнага быцця.

ЛІТАРАТУРА

1. *Купала, Янка*. Перад будучыняй / Янка Купала // Поўны зб. тв. : у 9 т. – Мінск : Маст. літ., 1997. – Т. 4 : Вершы, пераклады. – С. 106–108.
2. *Вежнавец, Е.* Па што ідзеш, воўча? : аповесць / Е. Вежнавец. – Мінск : Р. М. Цымбераў, 2020. – 142 с.
3. *Купала, Янка*. Над ракой Арэсай / Янка Купала // Поўны зб. тв. : у 9 т. – Мінск : Маст. літ., 1999. – Т. 6 : Паэмы, пераклады. – С. 134–166.

Поступила в редакцию 06.12.2021

Гронская Ольга Чеславовна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры зарубежной литературы
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Olga Gronskaya

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
volhahronskaya@gmail.com

ІДЭЯ КАЛЕКТЫЎНАЙ АДКАЗНАСЦІ
Ў НАЦЫЯНАЛЬНЫМ НАРАТЫВЕ АЎСТРЫЙСКОЙ ЛІТАРАТУРЫ
ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XX СТАГОДДЗЯ

THE IDEA OF COLLECTIVE RESPONSIBILITY
IN THE NATIONAL NARRATIVE OF AUSTRIAN LITERATURE
OF THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Даследуецца роля ідэі калектыўнай адказнасці ў нацыянальным наратыве аўстрыйскай літаратуры. На творчасць аўтараў другой паловы XX ст. паўплывала неабходнасць асэнсаваць ступень аўстрыйскай віны ў падзеях Другой сусветнай вайны. Праз адмаўленне ад афіцыйнай пазіцыі замоўчвання гэтай віны пісьменнікі ствараюць новы варыянт нацыянальнага наратыву, у аснове якога ляжыць ідэя калектыўнай адказнасці за падзеі мінулага.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *нацыянальны наратыў; нацыянальная ідэнтычнасць; калектыўная адказнасць; антыайчынная літаратура; матыў беспрытульнасці; моўны эксперымент.*

The article explores the role of the idea of collective responsibility in the national narrative of Austrian literature. The work of authors of the second half of the twentieth century was influenced by the need to comprehend the degree of Austrian guilt in the events of World War II. By renouncing the official position of concealing this guilt, the writers create a new version of the national narrative, which is based on the idea of collective responsibility for the events of the past.

Key words: *national narrative; national identity; collective responsibility; anti-domestic literature; motif of homelessness; language experiment.*

У эпоху палітычнай інтэграцыі і культурнай уніфікацыі перад даследчыкамі ўсё часцей паўстаюць пытанні суаднесенасці агульнага, свайго і чужога, катэгорый нацыянальнага і ўніверсальнага. Праблемы нацыянальнай ідэнтычнасці і нацыянальнага наратыву актыўна вывучаюцца філосафамі, культуролагамі, псіхолагамі. Штуршком да падобнай цікаўнасці ў літаратуразнаўстве стала сфармуляванае Е. Бракмеерам і Р. Харэ ўсведамленне таго, што «распаведзеная гісторыя, уцягнутыя ў яе апавядальнікі і слухачы, і сітуацыя, у якой яна распавядаецца, аказваюцца звязанымі з базавай культурна-гістарычнай структурай» [1, с. 29], што мастацкі тэкст уключае ў сябе і культуралагічную аснову спроб чалавека зразумець сябе і сваю ідэнтычнасць.

Тэорыя наратыву ў літаратуразнаўстве даволі распрацаваная, ужо некалькі дзесяцігоддзяў вядзецца вывучэнне адзінства расказанай у тэксце

гісторыі і формы аповеду пра яе. Пры гэтым пытанне, што ж такое нацыянальны наратыў і наколькі можна казаць пра яго ў дачыненні да розных літаратур, застаецца адкрытым.

Спробу даць яму азначэнне зробіў расійскі філосаф Г. Гутнер у артыкуле «Нацыянальны наратыў і нацыянальная адказнасць» [2]. Спасылаючыся на нямецкіх філосафаў (найперш К. Ясперса і К. Хюбнера), даследчык звязвае нацыянальную ідэнтычнасць з асаблівай інтэрпрэтацыяй гісторыі, калі гістарычныя падзеі разумеюцца «не як штосьці мінулае і мёртвае, а як штосьці, што і сёння яшчэ нам гаворыць» [2, с. 100]. Фармулюючы ідэю *нацыянальнага наратыву*, Г. Гутнер дае яму наступнае азначэнне: гэта «апавед пра значныя падзеі <...>, які мае парадыгматычны характар. Гэта гісторыя мінулага і адначасова наша ўласная гісторыя. Наша ў тым сэнсе, што ў ёй гаворыцца не толькі пра справы, даўно здзейсненыя, але і пра нашы ўласныя, не толькі пра людзей, якія жылі раней, але і пра нас саміх» [2, с. 101]. Асаблівую ўвагу даследчык надае паняццю агульнай віны і ў якасці прыклада выкарыстоўвае нямецкі і рускі гістарычны досвед, гаворыць пра шчыльную сувязь нацыянальнай адказнасці і нацыянальнага наратыву. Гэтыя разважанні філосафа вельмі важныя і для літаратуразнаўства, асабліва калі гаворка ідзе пра тыя літаратуры, у якіх нацыянальны наратыў мае экзістэнцыяльную значнасць і пытанні нацыянальнай ідэнтычнасці знітаваныя з пытаннямі ідэнтычнасці асобаснай, якая, у сваю чаргу, шмат у чым абумоўленая сфарміраваным у працэсе гісторыі ўяўленнем пра сябе і іншых, праблемамі калектыўнай памяці. Менавіта такой з'яўляецца аўстрыйская літаратура.

Размаўляючы пра нацыянальны наратыў у літаратуразнаўчым дыскурсе, трэба абапірацца на канцэпцыю рэцэптыўнай эстэтыкі Х. Р. Яуса, паводле якога нават пры адсутнасці адкрытых, відавочных сігналаў ад аўтара чытач успрымае тэкст не ў чыстым, нічым не матываваным выглядзе, а адпаведна пэўнаму зададзенаму вектару, які ў шэрагу выпадкаў абумоўлены нацыянальнай карцінай свету той літаратуры, да якой належыць твор [3]. Пры гэтым мастацкі тэкст можа быць як сведчаннем калектыўнага падсвядомага, так і вынікам наўмыснага выкарыстання аўтарам пэўных наратыўных стратэгий, якія часам ставяць канкрэтную мэту – асэнсавання і вербалізацыі нацыянальнага.

У дадзеным артыкуле гаворка пойдзе менавіта пра такую вербалізацыю: аўстрыйскай літаратуры другой паловы XX ст. больш уласцівае свядомае асэнсаванне сваёй нацыянальнай прыналежнасці, чым выпадковая прысутнасць у творах розных аўтараў тых альбо іншых ідэнтыфікацыйных кодаў з калектыўнага падсвядомага. І ў дачыненні да аўстрыйскай літаратуры даводзіцца размаўляць не столькі пра нацыянальныя міфалагемы альбо архетыпы, колькі пра цалкам усвядомленае аўтарамі стварэнне нацыянальнага калектыўнага аповеду, які дэманструе пэўнае ўяўленне пра «аўстрыйскасць».

Пераважная колькасць твораў аўстрыйскай літаратуры не выходзіць за межы сваёй нацыянальнай прасторы (нават калі вонкавае дзеянне адбываецца

ў нейкім іншым месцы). Гэта мае культурна-гістарычныя прычыны. У той час калі для іншых еўрапейскіх літаратур выбудоўванне нацыянальных кодаў суадносіцца з эпохай рамантызму, XIX ст., а надалей гэтыя коды падсвядома прысутнічаюць і прачытваюцца ў тэкстах, але ўжо не выходзяць на першы план, Аўстрыя ў XX ст. перажывае шэраг гістарычных разломаў, якія спрыяюць працягу пошукаў сваёй ідэнтычнасці. Менавіта гэтым, дарэчы, аўстрыйская літаратура робіцца цікавай беларускаму чытачу і беларускаму літаратуразнаўству, бо ў нашай краіне выбудоўванне нацыянальнай ідэнтычнасці таксама адбываецца ў XX ст. у выніку шэрага гістарычных падзей. Але адзначым два галоўныя аўстрыйскія разломы. У 1918 г. здарыўся распад Аўстра-Венгрыі, у выніку якога Аўстрыя перастала быць цэнтральнай, тытульнай часткай вялікай і магутнай імперыі і ператварылася ў невялікую еўрапейскую дзяржаву. Ужо гэта падзея адчувальна паўплывала на нацыянальныя наратыў: творы аўтараў міжваеннага часу альбо адлюстроўваюць настальгію па мінулым, па габсбургскай манархіі, альбо крытычна асэнсоўваюць жыццё ў ёй. Аднак для літаратуры другой паловы XX ст. больш важным стаў іншы гістарычны разлом – далучэнне ў 1938 г. Аўстрыі да фашысцкай Германіі, а таксама пасляваеннае замоўчванне таго факта, што зроблена гэта было пераважна добраахвотна, і абвешчэнне Аўстрыяй сябе першай ахвярай фашызму. Менавіта з гэтымі падзеямі і іх асэнсаваннем звязаная аўстрыйская ідэя калектыўнай адказнасці, якая робіцца падмуркам нацыянальнага наратыву літаратуры.

Пасля 1945 г. Аўстрыі трэба было вярнуць не толькі палітычную ідэнтычнасць, але і рэпутацыю, дыскрэдытаваную саюзніцтвам з нацысцкай Германіяй. Афіцыйная ідэалогія бачыла для гэтага два шляхі: акцэнтаваць ролю не саюзніка, а ахвяры, а таксама выпрацаваць новае ўсведамленне сябе праз традыцыйныя каштоўнасці і культурныя коды: прыроду, веру, багатую культурную спадчыну. У выніку ў пасляваеннай літаратуры з'яўляецца вялікая колькасць тэкстаў, якія ідэалізуюць аўстрыйскія краявіды і жыццё ў правінцыі, ствараюць вобраз Аўстрыі як краіны аматараў і знаўцаў мастацтва.

Аднак паступова з'яўляецца новае пакаленне пісьменнікаў, чыё стаўленне да радзімы набывае амбівалентны характар. І літаратуразнаўцы, і гісторыкі, якія вывучаюць Аўстрыю гэтага часу, адзначаюць радыкальнае разыходжанне паняццяў нацыянальнай прыналежнасці і любові да радзімы, прыходзяць да аднолькавай высновы, сфармуляванай Р. Менасэ ў знакамітым артыкуле «Краіна без уласцівасцей: Эсэ пра аўстрыйскую самасвядомасць»: «Аўстрыйцы – гэта нацыя, але Аўстрыя – не Айчына» [4, с. 112]. І прычына такога негатыўнага стаўлення да радзімы – згаданая вышэй калектыўная адказнасць, дакладней, адмаўленне гэтай адказнасці афіцыйнай палітыкай урада. У выніку паўстае так званая «беспрытульнасць» аўстрыйскай літаратуры: героі шматлікіх твораў, не знаходзячы адчування дома і абароненасці ў Аўстрыі, шукаюць усё гэта ў іншых месцах: часам – у рэальных краінах і гарадах, яшчэ часцей – у больш абстрагаванай прасторы мовы альбо

мінулага. Пошук дома, духоўнага прытулку, радзімы становіцца адным з найважнейшых матываў. Пры гэтым ён робіцца шчыльна знітаным з пошукамі сябе і сэнсу свайго жыцця (таму што з'яўляецца так званы «комплекс паходжання» – нежаданне атаясамліваць сваё нараджэнне з гэтай краінай), а таксама з пошукамі новай мовы (таму што нямецкая пасля ўладарання фашысцкага рэжыму выклікае асацыяцыі з мовай гвалту). Гэта дазваляе сцвярджаць, што перад намі не тры асобныя праблемы, а адзін цэласны і вельмі інтэнсіўны працэс асэнсавання і вербалізацыі нацыянальнага і сябе ў ім. Менавіта ён і ляжыць у аснове нацыянальнага наратыву аўстрыйскай літаратуры.

У тэкстах многіх пісьменнікаў ствараецца негатыўны нацыянальны аўтавобраз, краіна крытыкуецца, і часам даволі рэзка. У 1970–1990-я гг. з'яўляецца шэраг твораў, для якіх даследчыкі вынайшлі такое азначэнне, як *Antiheimatliteratur* «антыайчынная літаратура». Аўтары пачынаюць паказваць Аўстрыю як месца, дзе ўладараць настроі спустошанасці, адзіноты, страты сэнсу існавання, дзе па-ранейшаму пануюць гвалт і ідэалогія фашызму. У кантэксце антыайчыннай літаратуры згадваюцца імёны шматлікіх пісьменнікаў, але ці не найбольшую цікавасць выклікаюць Т. Бернхард і Э. Елінэк.

Творчасць Томаса Бернхарда (Thomas Bernhard, 1931–1989) – яскравы прыклад таго, як у мастацкім тэксце пошук нацыянальнай ідэнтычнасці робіцца звязаным з пошукам ідэнтычнасці ўласнай, асобнай: чалавек разглядаецца ў шчыльнай сувязі з краінай, у якой жыве ці дзе нарадзіўся. Пры гэтым раманы і п'есы Т. Бернхарда вельмі выразна акрэсліваюць тыя рысы нацыянальнага наратыву аўстрыйскай літаратуры, якія з'яўляюцца агульнымі для большасці аўтараў другой паловы XX ст. і, можна нават казаць, фарміруюць нацыянальную аўстрыйскую ідэнтычнасць. Калі ведаць пра надзвычай крытычнае стаўленне пісьменніка да роднай краіны і пра яго рэзкія выказванні на яе адрас, такое сцверджанне можа падацца парадаксальным, але звернемся яшчэ раз да эсэ Р. Менасэ, дзе разглядаюцца базавыя асновы аўстрыйскай нацыянальнай карціны свету. «Аўстрыя стварыла паняцце нацыі, якое складаецца з паступовага пераадольвання класічных версій дэфініцыі нацыі, – сцвярджае Р. Менасэ, – а таму завяршэнне аўстрыйскай нацыянальнасці палягае ў яе адмаўленні» [4, с. 97]. Бернхард прызнае наяўнасць Аўстрыі на карце свету, але галасамі сваіх герояў адмаўляе такой Аўстрыі ў праве на існаванне.

Да прыкладу, у знакамітай і скандальнай п'есе «Плошча герояў» («Heldenplatz», 1988) аўтар часам пераўзыходзіць самога сябе ў рэзкасці і радыкальнасці выказвання, разбураючы міф пра Аўстрыю як першую ахвяру фашызму і, больш за тое, сцвярджаючы вяртанне таго самага фашызму ў сучаснай яму Аўстрыі. *Österreich selbst ist als eine Bühne / auf der alles verlottert und vermodert und verkommen ist / eine in sich selber verhaßte Statisterie / von sechseinhalb Millionen Alleingelassenen / sechseinhalb Millionen Debile und Tobsüchtige / die ununterbrochen aus vollem Hals nach einem*

Regisseur schreien / Der Regisseur wird kommen / und sie endgültig in den Abgrund hinunterstoßen [5, S. 53] ‘Аўстрыя сама ня што іншае як сцэна / на якой усё заняпала і спарахнела і разбурылася / зьненавіджаная сама сабой масоўка / з шасьці з паловай мільёнаў пакінутых у самоце / шасьці з паловай мільёнаў дэбілаў і маньякаў-гвалтаўнікоў / якія несупынная на ўсё горла клікаюць рэжысэра / Рэжысэр прыйдзе і канчаткова штурхне іх у бездань’ [6, с. 97] – гэта цытата з трэцяй часткі п’есы з’яўляецца адной з самых паказальных у творы.

У гэтай жа п’есе адзін з герояў прамаўляе фразу, якая агучвае галоўны лейтматыў творчасці Т. Бернхарда: *daß ich Österreicher bin / ist mein größtes Unglück* [5, S. 17] ‘тое што я аўстрыец / маё найвялікшае няшчасце’ [6, с. 54]. Пэўным чынам, усё напісанае аўтарам можна разглядаць як адзінае цэлае, цэнтральнай праблемай якога робіцца спроба герояў пераадолець свой «комплекс паходжання». Пры гэтым колькі заўгодна могуць змяняцца жыццёвыя акалічнасці і імёны персанажаў, таму што на самой справе ва ўсіх тэкстах Бернхарда адно, агульнае месца дзеяння – свядомасць героя.

Яскравым прыкладам такой спробы пераадолення (і сфармуляванага Р. Менасэ адмаўлення аўстрыйскасці) з’яўляецца апошні раман Т. Бернхарда, які мае паказальную назву – «Вынішчэнне» («Auslöschung», 1986) [7]. Ён дэманструе нянавісць галоўнага героя, Мурау, да свайго паходжання, да аўстрыйскай гісторыі (якая тут канкрэтызуецца як нацыянал-сацыялістычная) і да сям’і. Гэта нянавісць вымушае Мурау вынішчыць сям’ю, дзяржаву і гісторыю адзіна магчымым для яго спосабам – задакументаваўшы мінулае, сказаўшы праўду пра яго. Толькі тады, як здаецца герою, з’явіцца магчымасць вызваліцца ад навязлівых думак, ад унутраных канфліктаў, пачаць жыць. Але ў рамане гэтае вынішчэнне вядзе не да вызвалення, не да знаходжання самога сябе, а наадварот, да канчатковага самаразбурэння. Назва рамана, такім чынам, найлепш адлюстроўвае і каментуе яго сэнс. Увесь твор – гэта бясконцае вынішчэнне мінулага, але і, разам з тым, – вынішчэнне ўласнага жыцця, непадзельна звязанага з радзімай і яе гісторыяй. Герой Бернхарда дэманструе немагчымасць аддзялення індывідуальнай біяграфіі ад гісторыі сваёй краіны, канчатковага вызвалення ад яе.

Тэксты Эльфрыды Елінэк (Elfriede Jelinek) дэманструюць шчыльную сувязь пошукаў радзімы альбо вызвалення ад радзімы з пошукамі мовы альбо вызваленнем ад мовы. Для многіх аўстрыйскіх аўтараў спосабам гэтага вызвалення робіцца адмаўленне ад унармаванай нямецкай мовы (якая, нагадаем, ператварылася ў мову гвалту). Пісьменнікі спрабуюць вынайсці новую, свабодную ад палітычных злоўжыванняў, вымушаюць чытача да больш удумлівага пранікнення ў сутнасць значэння слоў. І гэта – не што іншае, як пратэст супраць палітыкі пасляваеннай Аўстрыі, супраць замоўчвання той самай калектыўнай адказнасці.

Раман «Дзеці мёртвых» («Die Kinder der Toten») [8] Э. Елінэк неаднойчы называла вынікам работы з мовай. Як адзначае расійская даследчыца Л. Сакалова, «мэта Елінэк – выцягнуць мёртвых з іх магільняў, а ахвяр –

з забыцця, нягледзячы на супраціўленне пануючага дыскурсу. Але прамое супрацьстаянне – не яе метада. Яна выбірае ўздзеянне праз мову» [9, с. 80]. Прозе Елінэк уласцівыя метафарычнасць і афарыстычнасць, мноства сэнсавых адценняў у адной і той жа фразе. Ад гэтага ўвесь тэкст напаўняецца велізарнай колькасцю розных магчымых прачытанняў. Часцей жа чытачу даводзіцца лічыцца з аўтарскай рызонам сэнсаў, калі неабходна ўлічваць і непасрэднае прамое прачытанне фрагмента, і ўсе магчымыя прыхованыя алюзіі да гістарычных падзей і культурных з’яў. Глыбокая і забытая моўная гульня, па прызнанні самой пісьменніцы, дапамагае вызваленню нямецкай мовы ад фашысцкіх і сучасных злоўжыванняў, дапамагае вынайсці новую свабодную мову. І на гэтай новай мове казаць пра замоўчванае.

Не жадаючы больш замоўчваць мінулае, Э. Елінэк пераадольвае аўстрыйскую немату сваёй «мовай мёртвых», пераадольвае маўчанне ахвяраў у свеце гвалту. І мова яе раманаў – гэта крык і выбух, моцная плынь, якая захоплівае ўсе ўзроўні тэксту і выносіць на паверхню схаванае. «Гэта плынь нярэдка сама вызначае напрамак руху, пісьменніца толькі дазваляе ёй праяўляцца праз сябе, выконваючы ў дачыненні да яе “матчыны” функцыі: ідзе за ёй, як за дзіцем, угаворваючы, папярэджваючы і накіроўваючы – прыцягваючы ўвагу да тых або іншых аспектаў рэчаіснасці», – піша Л. Сакалова [9, с. 117], і з ёй нельга не пагадзіцца. У Нобелеўскай лекцыі Э. Елінэк сама сцвярджае, што менавіта на яе мова ўсклала абавязак пісьнаваць і даглядаць мерцвякоў, і акрэслівае гэтыя бацькоўскія функцыі: *Ich bin der Vater meiner Muttersprache* ‘Я бацька маёй матчынай мовы’ (у беларускім перакладзе – «маці мовы сваёй айчыны» [10]). «Але мерцвякі не зрабляцца ад гэтага жывымі. І ніхто не вінаваты. І я таксама не вінаватая <...> ў тым, што мёртвыя застаюцца мёртвымі», – гаворыць пісьменніца [Там жа]. Хаця менавіта дзякуючы ёй мёртвыя загаварылі, прымусіўшы аўстрыйцаў паспрабаваць прызнаць існаванне свайго непрыемнага мінулага, узяць на сябе калектыўную адказнасць за яго. На думку Э. Елінэк, толькі гэта можа перарваць бесперапынную плынь гвалту, супраць якой яна і змагаецца сваімі тэкстамі.

Такім чынам, як паказвае прыклад аўстрыйскай літаратуры, у аснове нацыянальнага наратыву можа ляжаць не толькі замацаваны ў калектыўнай памяці архетып альбо нацыянальны міф, але і ідэя нацыянальнай адказнасці. Творы Т. Бернхарда і Э. Елінэк, выбраныя з больш шырокай парадыгмы, дэманструюць уласцівы ўсёй аўстрыйскай літаратуры інтэнсіўны працэс асэнсавання і вербалізацыі нацыянальнага і сябе ў ім. Пры гэтым фарміраванне новага нацыянальнага наратыву можа абдывацца праз адмаўленне ад ранейшага, напрыклад, наратыву таталітарнага рэжыму, і праз прызнанне калектыўнай віны ўсёй нацыі ў падзеях мінулага. Як паказвае аўстрыйская літаратура, гэты працэс можа быць вельмі складаным: нацыянальны калектыўны апавед можа дэманстраваць негатыўныя ўяўленні пра сябе, негатыўнае стаўленне да Бацькаўшчыны, якія, аднак, і праз адмаўленне, праз дэміфалагізацыю фарміруюць нацыянальны тэкст.

ЛІТАРАТУРА

1. Брокмейер, Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29–42.
2. Гутнер, Г. Б. Национальный нарратив и национальная ответственность / Г. Б. Гутнер // Этическая мысль – 2017 – Т. 17 – № 1 – С. 94–109.
3. Яусс, Х. Р. История литературы как провокация литературоведения / Х. Р. Яусс // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 34–84.
4. Мэнасэ, Р. Країна без уласцівасцяў / Р. Менасэ // ARCHE. – 2011. – № 9 (108). – С. 67–131.
5. Bernhard, T. Heldenplatz / T. Bernhard // SPECTACULUM 49: Sechs moderne Theaterstücke. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1989. – S. 7–93.
6. Бэрнгард, Т. Плошча герояў / Т. Бэрнгард // ARCHE (Пачатак). – 2017. – № 1 (151). – С. 43–152.
7. Bernhard, T. Auslöschung. Ein Zerfall / T. Bernhard. – Frankfurt am Main, 1986.
8. Jelinek E. Die Kinder der Toten / E. Jelinek. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt Verlag, 1995.
9. Соколова, Е. В. Взаимосвязь «пола» и «языка» в творчестве Ингеборг Бахман и Эльфриды Елинек: Аналитический обзор / Е. В. Соколова. – М., 2012.
10. Елінэк, Э. Наўзбоч. Нобелеўская лекцыя / Э. Елінэк // ПрайдзіСвет : Часопіс перакладной літаратуры [Электронны рэсурс]. – № 21. – Рэжым доступу : <http://prajdzisvet.org/texts/prose/nauzboch.html>. – Дата доступу : 20.11.2021.

Поступила в редакцию 03.12.2021

Губская Ольга Николаевна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой белорусского и русского языков
Белорусский государственный
экономический университет
г. Минск, Беларусь

Olga Gubskaya

PhD of Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Belarusian
and Russian Languages
Belarusian State Economic University
Minsk, Belarus
o_gubskaya@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА ФАКТА И ЭГО-ДОКУМЕНТ
КАК ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЯ
В БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

THE LITERATURE OF FACT AND THE EGO-DOCUMENT
AS TWO INDEPENDENT PHENOMENA
IN BELARUSIAN LITERATURE

В данной статье на примере литературных произведений А. Адамовича и его последователей рассматриваются популярные понятия современного литературоведения *эго-документ* и *литература факта*. С помощью приемов нарратологии продемонстрирована специфика наррации в текстах эго-документа и произведениях, подходящих под категорию «литературы факта». Формируется утверждение о том, что в белорусской литературе эго-документ и литература факта – это два разных понятия, характеризующих литературные произведения с особенными способами наррации и различными стратегиями коммуникации писателя с читателем.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *эго-документ; литература факта; документальная литература; нарратор; коммуникативная стратегия; художественный факт.*

In this article, using the example of the literary works of A. Adamovich and his followers, the popular concepts of modern literary criticism “ego-document” and “literature of fact” are considered. Using the techniques of narrotology, the specificity of narrative in the texts of the ego-document and works that fit the category of “literature of fact” is demonstrated. It is stated that in Belarusian literature the “ego-document” and “literature of fact” are two different concepts that characterize literary works with special types of narrative, and different strategies of communication between the writer and the reader.

K e y w o r d s: *ego document; literature of fact; nonfiction; narrator; communication strategy; artistic fact.*

Литература – это способ актуализации реального факта в культурном пространстве. Факт из реальности – катализатор литературного творчества, откуда берет начало любая творческая авторская идея, задумка, фантазия. Отсюда возникает вопрос: может ли исторический факт быть феноменом с элементами иносказательности, означать больше, чем его непосредственное, явное содержание? В чем уникальность реального и документального факта в литературном контексте? Есть ли разница между актуальными для современного литературоведения понятиями *литература факта* и *эго-документ*? Поиск ответов на эти вопросы и будет целью данной статьи.

Для начала отметим, что под *фактом* будем иметь в виду «настоящее, реальное событие; то, что действительно существует, чему есть подтверждение в форме действительных свидетельств, документов и т.д.» [1, с. 847]. Феномен факта в том, что через призму восприятия творца он может трансформироваться в факт художественный – «документальный факт, получивший самостоятельное эстетическое значение, т. е., ставший готовым образом. Один из его признаков – внутренняя неисчерпаемость» [2, с. 42]. Интерес представляет то, какие аспекты исторического факта в тот или иной момент становятся объектом авторского внимания, как они переосмысливаются и через какие художественные средства транслируются. По сути, феномен исторического факта, включенного в текст, выражается в том, что он функционирует как художественный образ, тем самым расширяя возможности писателя. Он открывает перед нами новое явление: писательское переосмысление действительности при конкретных исторических, политических и социальных условиях.

Интерес к роли факта в литературном дискурсе в белорусской и русской литературах носит разный характер. В русской литературе интерес к факту как самостоятельному элементу произведения возник в еще XIX в. в связи с творческими поисками Ф. М. Достоевского, который писал: «Кто же будет их [газетные факты. – О. Г.] замечать, их объяснять и записывать?» [3, с. 267]; как отмечает П. В. Палиевский, «он [Достоевский. – О. Г.] видит их художественную возможность уже в том, «что они, факты – какое-то особое писательство, отчасти фантастическое, наступление художественного смысла изнутри самого материала» [4, с.132]. Следующий этап проявления внимания к факту можно связать с расцветом авангарда и возникновением творческого объединения «Левый фронт искусств» (ЛЕФ), которое начало выпускать сборник «Литература факта» (1929). И несмотря на то, что декларативно о роли факта в сборнике ЛЕФа высказывались вроде бы и объективно: «Очень скучно и очень неинтересно собирать факты, вдумываться в эти факты, связывать их; более эффектно и гораздо проще написать бутафорскую повесть, в которой все было бы как в опере, как в театре. Но бутафория при всей своей внешней увлекательности и эффектности рано или поздно проявится, и бутафорские повести и рассказы, которые, может быть, в первый момент их появления и создают некоторое впечатление, забываются очень быстро, а фиксация и монтаж фактов остаются навсегда» [5, с. 80], П. В. Палиевский характеризует деятельность ЛЕФовцев не так оптимистично: «Принцип интересной человеческой личности был не просто забыт, но намеренно изгнан. Сверхсовременная техника изобреталась, но не для того, чтобы из жизненного факта что-нибудь ценное и человеческое извлечь, а чтобы нечто новое и требуемое сконструировать, составить. В художественном смысле это была техника насилия. Ее обслуживал принцип “монтажа”: составить документальные отрывки так, чтобы они высказали заданный тезис» [4, с. 142].

Настоящую естественную жизнь факт получил, по мнению П. В. Палиевского, «вместе с мировым потрясением последней войны. Ее течение отодвинуло от людей все прошлое далеко назад и привело к новому ощущению жизни. < ... > Стали вскрываться поверхности, обнажая на изломе мир, что превосходил своей насыщенностью любые предположения. Документ, которому посчастливилось принять у себя такое мгновение, – всегда открытие, и к нему можно возвращаться столько же, сколько к классическому произведению» [4, с. 146–150]. Таким образом, в русской литературе факт выступил готовым образом после событий Второй мировой войны.

В белорусской литературе это произошло гораздо раньше – в творчестве М. Горецкого, его документально-автобиографической книге «На империалистической войне (Записки солдата 2-й батареи N-ской артиллерийской бригады Лявона Задумы)» (1926). Как отмечает З. Третьяк, «Горецкий пошел на необычный для белорусской литературы того времени формальный эксперимент, соединив под одной обложкой различные типы рассказа: эпистолярный, дневниковый и традиционный» [6, с.138]. Таким образом, пока в русской литературе ЛЕФовцы ставили эксперименты над фактом, в белорусской, с углубленным вниманием к жизненным реалиям, создавалась та феноменальная литература факта, которая сегодня стоит в одном ряду с произведениями Э. Хемингуэя и А. Барбюса.

Понятие *литература факта* все прочнее закрепляется в современном литературоведении, иногда выступая «как синоним документальной литературы (куда можно отнести мемуары, биографию, автобиографию и др.)» [2, с. 39]. Социологический термин *эго-документ* пришел в литературоведение в 1970-е гг. в качестве обобщающего наименования «таких документальных жанров, как дневники, записные книжки, письма, автобиографии, заметки, воспоминания и мемуары» [2, с. 45]. Становится очевидно, что мемуары и автобиографии относят к категории как «литературы факта», так и «эго-документов». Считаем, что это разночтение требует осмысления и уточнения.

Очевидно, что именно стремление к адекватным, как можно более точным знаниям о реальной основе, на которой базируется литература факта, все чаще становится объектом внимания исследователей. Так, Л. Ф. Луцевич отмечает, что «документальность в литературе – это прежде всего интенция, то есть стремление к факту как к какой-то данности события, к выраженности личности или вещи, психического, интеллектуального состояния и др., далее – качество мысли (“привязанной” к факту) и, наконец, разнообразие текста (культивирующее разнообразные способы, формы правдоподобия)» [7, с. 45–46]. Данная трактовка документальности явно выдвигает личность писателя и его внутреннее состояние на первый план литературного произведения. Это абсолютно логично, ведь для работы с литературой факта важной является концентрация не столько на роли реального (жизненного, исторического) факта как сюжетообразующего элемента, сколько на лич-

ности рассказчика (нарратора), способе наррации и том образе мира, который нам презентуют через актуализацию этого самого факта. В данном случае подтверждаемый фактом материал, наряду с его субъективной подачей, делается более информативным, ценным и познавательным, чем непосредственный фактографизм.

Именно по указанной причине понятие *эго-документ*, на наш взгляд, довольно уверенно закрепляется в современном международном литературоведческом дискурсе, приобретая популярность. Белорусская исследовательница Л. Д. Синькова очень точно отметила: «На деле едва ли не каждый термин, рожденный в определенной культурной традиции, имеет свои существенные нюансы, которые необходимо выяснять, так как они позволяют увидеть известное с новой стороны» [8, с. 70]. Существенное смысловое различие и, значит, отдельное значение понятий литературы факта и эго-документа, скорее всего, и станет той особенностью в терминологической системе, которая сформировалась в рамках белорусской литературы.

На наш взгляд, понятие *эго/Я-документ* более широкое, чем *литература факта*, ведь оно не только информирует о наличии фактографизма, но концентрирует внимание и на личности реального писателя, и на образе нарратора, и на образе автора. Более того, эго-документ в белорусской литературе, скорее всего, приобретет самостоятельное, отдельное от литературы факта значение: правильно ли считать Я-документом произведения С. Алексиевич или книгу «Я из огненной деревни» Я. Брыля, А. Адамовича и В. Колесника, основанные на многоголосии респондентов? Можно ли поставить их в один ряд с Я-звучанием голоса А. Адамовича в записях «Vixi» или голоса Я. Брыля в его знаменитых миниатюрах? В произведениях с многоголосным звучанием – нельзя, так как там мы имеем дело, с одной стороны, с личной историей персонажа (Я-историей); с другой стороны, сочетание всех этих Я-историй в общее целое одного текста является конструктором автора. Он транслирует их как своеобразный, единственный общий факт истории. Так, писательница С. Алексиевич даже в названиях своих произведений акцентирует внимание не на Я-персонаже, а на определенном собирательном образе – «У войны не женское лицо» (собирательный образ женщины на войне), «Цинковые мальчики» (собирательный образ молодых солдат), «Чернобыльская молитва» (собирательный образ очевидцев трагедии) и т.д.

Для примера обратимся к одной серии Я-историй из произведения С. Алексиевич «У войны не женское лицо», объединенных названием «О запахе страха и чемодане конфет». В тексте представлены факты о войне, зафиксированные в памяти женщин, с юных лет ушедших на фронт. Надежда Васильевна Анисимова, санинструктор пулеметной роты, рассказывает, как на нейтральной полосе нашла раненого солдата и тащила его восемь часов, привязав ремнем за свою руку. В результате получила за этот поступок сначала пять суток ареста за самовольную отлучку, а затем медаль «За

отвагу». «В девятнадцать лет у меня была медаль “За отвагу”. В девятнадцать лет поседела. В девятнадцать лет в последнем бою были прострелены оба легких, вторая пуля прошла между двух позвонков. Парализовало ноги... И меня посчитали убитой...», – рассказывала участница войны [9, с. 66]. Далее читателя ждет еще одна женская история партизанской связной Марии Савицкой-Радюкевич, которая бегала на задания через немецкие посты с маленьким ребеночком. И практически в конце серии историй читатель встречается рассказ фельдшера Марии Тихомировой, в котором она повествует о чемодане конфет: «Мне там, в деревне, куда меня после училища распределили, дали подъемные. Деньги были, и я на эти деньги купила целый чемодан шоколадных конфет. Я знала, что на войне деньги мне не понадобятся» [9, с. 81]. В этом цикле историй С. Алексиевич, журналист по образованию, использует профессиональный прием: она начинает контактировать с читателем уже с заголовка, оформленного по принципу контраста, совмещая, на первый взгляд, несочетаемое – трагическое (опыт войны) и идиллическое (девичья радость конфетам). Можно сказать, что такие заголовки выполняют роль медиатора между текстом и реципиентом (читателем), используя объем его фоновых знаний о жизни и войне, воздействуя при этом на эмоции читателя. Они окунают нас в жесткую реальность войны, изложенную через факты, зафиксированные в памяти героев книги, факты достаточно однотипные, но единичные и яркие, ведущие к обобщенной картине войны. Но весь секрет заголовка в том, что читатель ищет в тексте те ключевые слова (слова-знаки), на которые делала акцент (а лучше сказать, делала ставку) автор. В нашем случае таким словом-знаком является *конфеты*. Именно это слово останавливает внимание читателя и возвращает его к названию, переосмысление которого после прочтения текста должно вызвать рефлексия. И этот *чемодан конфет* будет не просто фактом реальной истории (таким он является только для рассказчицы), а художественным образом, символизирующим наивную молодость и отнятую у девочек мирную жизнь с ее почти детскими радостями. Здесь мы можем констатировать процесс превращения реального факта в художественный образ – это особенность художественной манеры письма С. Алексиевич. Как отмечает Л. Д. Синькова, «точно зафиксированный реальный факт начинает проявлять себя как художественный образ, и, таким образом, жанрообразующим фактором следует считать именно эту смену функциональной роли документа в художественном целом» [10, с. 95]. Почему происходит изменение роли факта в произведении? Это связано с особенностью восприятия факта самой писательницей, ее творческой концепцией. «Мне интересно не само событие, а событие чувств. Скажем так – душа события. Для меня чувства – реальность», – пишет С. Алексиевич [9, с. 16]. Именно это событие чувств и визуализируется в художественный образ.

Женщины в произведении С. Алексиевич выражают такие желания и переживания, о которых не принято было говорить в традиционных произведениях о войне: поспать на простынях, а не на земле; съесть целый

белый батон; походить на каблуках; вымыть волосы; надеть женское нижнее белье. И все эти бытовые для мирного времени понятия, зафиксированные как факты военной жизни в произведениях С. Алексиевич, превращаются в художественные образы-символы отнятой мирной жизни. Писательница прекрасно это понимает, объясняя природу такого превращения следующим образом: «Воспоминания – это не страстный или бесстрастный пересказ исчезнувшей реальности, а новое рождение прошлого, когда время поворачивается вспять. Прежде всего – это творчество» [9, с. 11]. Очевидно, что этот образ прошлого – собирательный, фактографический, но не эго-документ.

То же самое можно сказать и о специфике наррации в произведении Я. Брыля, А. Адамовича и В. Колесника «Я из огненной деревни». Несмотря на то, что в названии заявлен акцент на личности (Я-персонаже), само произведение демонстрирует нам совокупность судеб, историй, трагедий, которые вместе составляют исторический факт трагедии мирного населения в военное время.

Теперь вернемся к понятию *эго-документ*. В качестве иллюстративного материала возьмем повесть А. Адамовича «Vixi» (1992–1993), которую он обозначал как «законченные главы незавершенной книги». Произведение написано в жанре автобиографии – эго-документа – именно такую стратегию коммуникации выбрал писатель. Авторский замысел очевиден: писатель решил поделиться с читателем своими воспоминаниями, жизненными фактами и внутренними переживаниями. Его задача – непосредственно рассказать о собственной жизни; из ряда исторических, политических и частных фактов создать нарратологическое событие, адресованное читателю.

По отношению к повести «Vixi» А. Адамович объяснил свою задачу художественно: люди, которые пишут воспоминания о прожитом, по сути, «трансплантуюць свой мозг у нейчую чарапную каробку, сваё сэрца ў нейчыю грудную клетку. (А чаму не быць і такому вызначэнню літаратуры. У адпаведнасці з навукова-метадычным працэсам?)» [11, с. 276]. При этом он четко осознает, что не существует прямой трансляции мыслей от писателя к читателю, что во время внутреннего коммуникативного акта переосмысления факта и последующей его вербализации формируется *метафакт* – смесь информации о реальном событии и контекста. В качестве доказательства приведем слова писателя: «Пачаў я з падрабязнага запісвання таго, што захавала раннедзіцячая памяць незапятаным у тых таямнічых сотах. Але паспрабуй захаваць строгі адбор: свайго і раскаванага табе пазней іншымі, хто быў побач. Чым глыбей рука апускае ў ваду дзіцячы мячык, тым мацней супраціўленне і яго імкненне вырвацца на паверхню – помню, як мяне гэта ўражвала, мячык быццам ажываў у тваіх пальцах. Вось так ажываюць, зліваючыся са стыхіяй уласнай памяці, чужыя ўспаміны» [11, с. 298].

И еще одна писательская заметка: «Бесперапыннасць малечае памяці мы аднаўляем, я амаль пераканаўся, паводле “законаў” літаратурнай творчасці. Лабараторыя, механізм той жа. Пачынаючы абдумваць новую аповесць,

спачатку маеш вельмі і вельмі мала. Колькі зернятак ці нават адно толькі. Накшталт той, пачутай дзесяць гадоў назад гісторыі пра маладога немца і беларускую дзяўчынку, якія ратавалі адно аднаго. Усяго толькі факт: было такое. Фантазія стала ажыўляць, нарошчваць падрабязнасці. Тут ужо я ім аддаваў сваю “памяць”, але сёння мог бы клясціся-бажыцца, што бег побач з імі, што так яно і было, як нафантазіраваў у “Нямку”. *Сваё дыфузіравала ў чужое, і наадварот. Ужо сам не здолею адно ад аднаго аддзяліць»* (курсив наш. – В. Г.) [11, с. 300].

Таким образом, писатель Адамович через фактографию эпизодов своей жизни создает новое коммуникативное событие, демонстрирующее как внутренний диалог с самим собой, так и внешний – исповедь перед читателем. По сути, события в тексте А. Адамовича, выделенные из ряда ежедневных, жизненных, – есть переосмысленные факты истории, которые (в совокупности с другими, рядовыми для писателя) создают новое событие, манифестирующее систему его собственных ценностей, и это четко проявляется в произведении. Так, например, общественная позиция А. Адамовича, которую он открыто выражал вслух и через публицистические статьи, на виду в воспоминаниях. Любой эпизод собственной жизни он с открытой тенденциозностью вводит в исторический контекст, или, по словам Н. Д. Тamarченко, через себя «демонстрирует историческое становление мира» [12, с. 37].

Общеизвестно, что жизненный путь А. Адамовича был непростым. Великая Отечественная война, последствия культа Сталина, катастрофа на Чернобыльской АЭС, времена «перестройки» – все пришлось испытать писателю, и не только пережить, но и переосмыслить. Личность Сталина часто становилась объектом его внимания и жесткого неприятия. Именно в системе, сформированной этим политическим лидером, Адамович видел причину управленческой жестокости, обмана и неуважения к народу. В его публицистической статье «Куропаты, Хатынь, Чернобыль» читаем: «Як наогул раздзяляць-аддзяляць: гэтых забіў Гітлер, а гэтых – Сталін? Калі яны народ наш забівалі напару, адзін, уварваўшыся ў краіну звонку, другі – знутры. Дублёры. Зусім не нацяжкаю будзе сцверджанне: кожны з іх забіваў і ворагаў другога. Колькі гітлераўскай “ваеннай машыне” спатрэбілася б намаганняў, часу, каб перамалоць 40 тысяч савецкіх вопытных ваенных камандзіраў? Сталін зрабіў за яго гэтую працу напярэдадні вайны» [11, с. 435].

Очевидно, что Адамович разоблачает культ Сталина и считает его деятельность катализатором последующих политических бедствий. В книге воспоминаний «Vixi» образ Сталина упоминается довольно часто и не всегда тематически обоснованно, о чем свидетельствует сам рассказчик-нарратор в первом разделе воспоминаний под названием «из-под капельницы»: «Канец 1991-га – першая палова 1992-га. Уначы з 20 на 21 снежня, калі здарылася гэта, было поўнае зацменне месяца. Апроч – потым даведаўся – афіцыйная дата нараджэння І. В. Сталіна. (А ён жа пры чым? Ды ні пры чым.) Дыягназ

7-й клінічнай бальніцы г. Масквы: “ІБС, востры трансмуральны інфаркт міякарда ў перэдне-септальнай, бакавой і вяршковай частцы ЛЖ з развіццём хранічнай анеўрызмы» [11, с. 278].

Картина мира, которую доносит читателю нарратор, очень объемная. Несмотря на то, что повествование ведется человеком в состоянии тяжелой болезни и начинается с 1991 г., нарратологическая история затрагивает разные периоды жизни писателя и этапы развития государства, в котором он жил: в пределах СССР, БССР, Республики Беларусь. Адамович, помещая нарратора в действительность 1990-х, создает для читателя дополнительную действительность – назовем это путешествие во времени внутренним (события времени написания произведения) и внешним (события прошлого, которые призваны в целом создавать панораму времени) хронотопом. Ресципиент, таким образом, имеет возможность почувствовать рефлексии о событиях и в чем-то наивного «свидетеля», и опытного субъекта, осознавшего историю, – так писатель достигает эффекта полифонического звучания голоса *я-нарратора*. Через голос нарратора здесь отчетливо ощущается резкое слово самого писателя, который уверенно выражал аналогичную позицию в публицистике. Полифонический диалог «свидетельствования» и «компетентной оценки» путем создания дополнительной реальности – это тот коммуникативный прием, который позволяет автору ввести читателя в процесс внутреннего диалога (автокоммуникации) с самим собой, заняться анализом собственного отношения к затронутым рассказчиком политическим и историческим вопросам.

Очевидно, что повесть «*Vixi*», написанная в жанре эго-документа, – есть встреча писателя с самим собой, саморефлексия на тему всей своей жизни. Именно такой способ осмысления былого и демонстрирует писательскую модель усвоения мира. Саморефлексия как способ осознания действительности является средством для создания модели мира, которая у писателя Алеся Адамовича имеет достаточно выраженную поляризацию: «жизнь–смерть», «рай–ад», «сталинисты–шестидесятники», «сталинские члены Политбюро–другая половина шестидесятников». Несмотря на присутствие в произведении элементов художественной литературы, этот текст – прекрасный пример эго-документа, подтверждающий тот факт, что писатель – носитель художественного слова – не сможет отойти от образности даже в текстах, приближенных к невымышленной литературе (в данном случае мы сознательно уходим от понятия *non-fiction*).

В современной белорусской литературе созданы все предпосылки для того, чтобы литературоведение осуществило четкое разграничение таких понятий, как *литература факта* и *эго-документ*. Это связано с формированием в данном литературном пространстве двух коммуникативных стратегий, основанных на трактовке реальных фактов: демонстрация «Я-историй» с целью обобщения и создания общей картины реального факта прошлого (что наблюдается в произведениях С. Алексиевич) и концентрация внимания на автотрансляции «Я-истории» с целью повествования событий из

личной жизни или объяснения фактов истории, современности (автобиографическая проза А. Адамовича, других белорусских писателей-классиков, которые повествуют о сути пережитых эпохальных событий).

В белорусском литературном пространстве литература факта – это мозаика из Я-историй, воссоздающая реальность (а точнее, «альтернативную реальность»), которая объединяется в целостный образ мира в соответствии с концепцией автора всей книги, и в передаче такого образа реальности, естественно, заинтересован автор. Эго-документ – это по сути прямой процесс коммуникации писателя с потенциальным читателем с целью не только воссоздания, а пояснения этой самой реальности; такой формат литературы дает возможность осознать Я-действительность и Я-реальность в подаче писателя. В литературе факта же мы сталкиваемся с Мы-реальностью, пропущенной через призму авторской Я-действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шведова, Н. Ю.* Толковый словарь русского языка / Н. Ю. Шведова, С. И. Ожегов ; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1998. – 944 с.
2. *Местергази, Е. Г.* Литература нон-фикшн / non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия / Е. Г. Местергази. – М. : Совпадение, 2007. – 327 с.
3. Биография, письма и заметки. Из записной книжки Ф. М. Достоевского. Разд. Письма. – Спб. : тип. А. С. Суворина, 1883. – 352 с.
4. *Палиевский, П. В.* Литература и теория / П. В. Палиевский. – М. : Сов. Россия, 1979. – 288 с.
5. Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа [Переиздание 1929 года]. – М. : Захаров, 2000. – 285 с.
6. *Трацяк, З. І.* Паэтыка амерыканскай і беларускай прозы пра Першую сусветную вайну (на прыкладзе творчасці Э. Хемінгуэя і М. Гарэцкага) / З. І. Трацяк. – Наваполацк : ПДУ, 2015. – 200 с.
7. *Луцевич, Л. Ф.* Документальность, эго-документ, русская писательская исповедь / Л. Ф. Луцевич. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. – 384 с.
8. *Сінькова, Л. Д.* Беларуская «звышлітаратура» / Л. Д. Сінькова. – Мінск : Кнігазбор, 2019. – 224 с.
9. *Алексиевич, С. А.* У войны не женское лицо / С. А. Алексиевич. – М. : Время, 2019. – 352 с.
10. *Сінькова, Л. Д.* Становление документально-художественного жанра в журналистике Светланы Алексиевич / Л. Д. Сінькова // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Сер. 4: Филология. Журналистика. Педагогика. – 2009. – № 3. – С. 93–96.
11. *Адамовіч, А.* Выбраныя творы. – Мінск : Кнігазбор, 2012. – 608 с.
12. *Тамарченко, Н. Д.* Русский классический роман XIX века. Проблемы поэтики и типологии жанра / Н. Д. Тамарченко. – М., 1997. – 203 с.

Поступила в редакцию 20.12.2021

Драничников Николай Михайлович
старший преподаватель кафедры
правовых и гуманитарных дисциплин
Институт бизнеса БГУ
г. Минск, Беларусь

Nikolai Dranichnikov
Senior Lecturer of the Department
of Law and Humanities
School of Business of BSU
Minsk, Belarus
nikolai.dranichnikov@gmail.com

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ СТАНОВЛЕНИЯ МИСТИФИКАЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ ТОМАСА ЧАТТЕРТОНА

THE REASONS WHY MYSTIFICATION BECAME THE CORNERSTONE OF THOMAS CHATTERTON'S LITERARY LEGACY

В статье рассматриваются основные причины, побудившие Томаса Чаттертона прибегнуть к литературной мистификации как к основному способу выражения своих творческих позывов, амбиций и самоутверждения в английском обществе середины XVIII века. Спектр этих причин включает в себя такие аспекты, как некоторые биографические факторы и социальное окружение Чаттертона, психологические особенности его личности, его особое восприятие истории, литературные тенденции в эпоху короля Георга III, а также тяжелое материальное положение и сильное стремление из него выбраться при помощи «будущей» славы молодого поэта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *литературная мистификация; античный стиль; литературные тенденции; литературная выразительность; рукописи.*

The article dwells upon the major reasons which made Thomas Chatterton resort to the use of literary mystification as the best way to express his artistic talent. The spectrum of those reasons ranges from the ongoing literary tendencies of that era, Chatterton's own perception of history, his craving for fame and recognition, his psychological traits, to his dire financial situation.

Key words: *literary mystification; antique style; literary tendencies; literary expression; manuscripts.*

The literary scene in England in the middle of the 18th century was extraordinarily diverse, giving rise to various new tendencies, styles, movements, and ways of creating new patterns of thinking, writing, and appreciation of literature itself. What is particularly peculiar about that era is the emergence of a number of literary mystifications, the authors of which were trying to pass them off as genuine medieval texts. One of the most striking examples of this sort of writing were the *Rowley poems* created by the then 16-year-old boy, Thomas Chatterton (there is enough evidence to suggest that by the age of sixteen, Chatterton had already completed most of his antique "translations") [1, p. 27], paving the way for the birth of the Romantic age in English literature and tremendously affecting the creative endeavors of such masters of English poetry as Coleridge, Byron, Shelley, and Keats. So, the best exemplars of the English literary elite of the late 18th century were primarily influenced by a 16-year-old, the "marvelous Boy", and regarded him a poet of immense talent and incredibly

vivid and acute imagination. But what were T. Chatterton's reasons for creating his alter ego, Thomas Rowley, a priest of Bristol of the 15th century and the alleged author of those literary antiques? The answer to these questions is the main proposition of this article, i.e., to ascertain the specific circumstances and conditions which made T. Chatterton get deeply entangled, explore and, literarily, relive the medieval age of chivalry and knighthood, while living in penury and struggling with the harsh reality of his own time, dealing with his own ambitions, pride, insecurity, his definitely neurotic condition, severe depression, anxiety, utter despair and frustration bordering on madness, induced by the rejection of his literary talent by the acknowledged "connoisseurs" of English literature.

To even begin to speculate about the true motives why T. Chatterton got himself caught in and completely immersed in his imaginary medieval world, one should be entirely aware that literary mystifications were quite a common phenomenon in England not only some decades before Chatterton's birth, but also during his own short-lived and tragic life. Let us focus on five most striking examples which Chatterton was, undoubtedly, aware of, as they caused a huge furor amongst the literary circles of the mid- 18th century England, and Chatterton, considering himself a master poet, was right in the vortex of those discussions.

In 1722, Jonathan Swift anonymously published a short treatise entitled *The Last Speech and Dying Words of Ebenezer Elliston; who was Executed the second day of May, 1722. Published at his Desire for the Common Good*. In this tract, Elliston, a condemned criminal, professedly reveals the names of all his rogue companions (including the names of people who receive and sell stolen property), all their crimes he is aware of and their meeting-grounds [2, p. 110]. Elliston allegedly does this in writing and leaves this information to the authorities. The treatise ends with Elliston's last words: "Good people, fare ye well; bad as I am, I leave many worse behind me. I hope you shall see me die like a man the death of a dog." [3, p. 306]. Did Elliston exist? Yes, he did. Was he executed on that day? Yes, he was. But did he make that statement? No, he did not. J. Swift made it all up for one simple reason, i.e., in those days Dublin was infested with all kinds of thieves, robbers, and murderers. By fabricating this tract, Swift hoped to bring down the crime rate in Dublin, and it worked.

Six years after, The Rev. Dr. Innes, who was a preacher at St. Margaret's, Westminster, did not experience any moral turbulence when he published under his own name a book entitled *An Enquiry into the Original of Moral Virtue*, shamelessly dedicating it to Lord Chancellor. The truth of the matter is, that book was actually written by Dr. Campbell of St. Andrew's Church who simply sent the manuscript to his colleague to get his "professional" opinion [2, p. 109].

In 1744, eight years prior to Chatterton's birth, Richard Rolt (a very prolific writer of the day) simply wiped out his good reputation for posterity when he unscrupulously published Akenside's *Pleasures of Imagination* (the first edition of which Akenside issued anonymously) under his own name! [2, p. 109].

In 1760, when Chatterton was eight years of age, James Macpherson caused a national sensation by releasing his *Fragments of Ancient Poetry, Collected in the Highlands of Scotland, and Translated from the Galic or Erse Language*. This work was followed by *Fingal: An Ancient Epic Poem, in Six Books* (1762), then *Temora* (1763) and finally *The Works of Ossian, the Son of Fingal* (1765). As Macpherson explained to the public, he collected those pieces of ancient Scottish poetry in the Highlands (but, for some strange reason, omitted to mention his sources) before he translated them into modern English [4, p. 113]. After some period of great success amongst the public, the literary scholars started to raise their suspicions about the alleged authenticity of Macpherson's translations, clearly and openly calling him a forger, pointing out with disdain and indignation that Macpherson (though he did go to the Highlands and listened to some elders and their ancient folklore) made most of it up, masquerading his own writing under the guise of ancient Scottish lore. Macpherson, outraged by these allegations, refused to defend in public the authenticity of *Ossian* [4, p. 115].

In 1764, when Chatterton was fourteen, Horace Walpole (Chatterton's failed sponsor) published his magnum opus *The Castle of Otranto, A Gothic Story*. The first edition was a clear mystification itself for the text purported to be a mere translation of an Italian novel allegedly written by some monk at Naples in 1529. Walpole even signed it with the name of "William Marshal" as his own pseudonym. In reality, there was no translation, no ancient Italian priest, and no William Marshal, i.e., Horace Walpole invented the whole thing for he was not certain how the public would react to this kind of story. Once he noticed a wave of admiration, he came out clean, "asking pardon" for the hoax and claiming his true authorship. Ironically, the person who (many people think) was the final nail in the coffin of Chatterton, was a mystifier himself! Besides, Walpole had already been patron for another shrewd and successful mystifier, i.e., Macpherson.

Was T. Chatterton aware of all those (and many more) mystifications? Of course, he was. He was probably giving his firm judgment on these matters when he was a regular of the Chapter coffee-house in London, where authors, booksellers and publishers would discuss the recent news and gossip around the town. With the exception of The Rev. Dr. Innes and R. Rolt, the mystifications of J. Swift, J. Macpherson and H. Walpole proved to be quite successful and delivered considerable fame (though Macpherson's reputation got tarnished) and a handsome income to the authors. Fame and income. Did this thought ever cross Chatterton's mind? The answer is, unequivocally, yes. Actually, the precise lack of fame and income was, by all means, one of the major factors that moved Chatterton to his sad fate at age seventeen on that tragic night in Brooke Street on the 24th of August, 1770.

When Chatterton was about fourteen, one day he approached his acquaintance, Mr. Burgum, a pewterer in Bristol, astounding him with the news that the latter was, indeed, a descendent of some really noble families in England. Accordingly, Chatterton produced a manuscript book, entitled, *Account of the*

Family of the De Berghams, from the Norman Conquest to this Time. Chatterton had no trouble convincing Mr. Burgum that this account represented Burgum's real family history, which Chatterton was able to trace by a thorough analysis of old deeds, ancient parchments, and genealogy books. The document itself looked very authentic to naïve Burgum for Chatterton made use of ochre, smoke, and black lead to make the document appear really obsolete. Astonished, Mr. Burgum willingly paid five shillings to the young boy. Some days later, Chatterton presented his friend with *A Continuation of the Account of the Family of the De Berghams, from the Norman Conquest to this Time*. In those two accounts, Chatterton presented an elaborate outline of great names, intermarriages, the names of castles, old deeds, he even included the name of a poet, John de Bergham, Burgum's supposed ancestor, and inserted his own poem, entitled, "The Romaunte of the Cnychte". It goes without saying, that the language of the above-mentioned poem was completely unintelligible and way too recondite for Mr. Burgum to even begin to understand, so Chatterton provided his own rendition of the poem to modern English [1]. This whole thing was nothing but an ingenuine hoax, undertaken by Chatterton to earn some extra money, and he came out victorious and "inspired". Chatterton did not stop with Mr. Burgum's hoax, he had another acquaintance, Mr. Barrett, a surgeon in Bristol, dabbling in literature, antiquarian art and writing his own History of Bristol. Chatterton had no problem with abundantly supplying Mr. Barrett with all kinds of old deeds, records, accounts of ancient festivities, ceremonies, and other documents alike. As a result of this relationship, a handsome amount of money was transferred from the purse of Mr. Barrett to the pocket of Chatterton. Indeed, Chatterton proved to be an ingenuine forger of ancient documents. It should also be noted that he had a particular delight in misleading people and on top of that he really wanted money (not solely for himself, but to help his striving mother and sister). For himself, Chatterton wanted one thing above all, i.e., fame. One may wonder, what was going through his mind at that point. If he was so gifted and talented at forging documents, why not try forging literature? He was a sworn poet from age eleven, after all. And that is exactly what he endeavored to arduously pursue from then on.

Unequivocally, Chatterton's forte was the antique. The Romantic age in England was jump-started by Chatterton's *Rowley Poems*, not by his numerous other pieces of all forms which were published in a number of London periodicals (including poetical columns of various newspapers). It appears that there is a certain routine, certain conditions, unique with each individual, which help him reveal his artistic impulses and desires. Chatterton did not just choose the antique; it seems he was born into the world of the antique to begin with. It must be briefly noted that Chatterton, at the age of seven, was admitted to Colston's Hospital, i.e., the charity school erected to resemble Christ's Hospital in London. There the boy was taught elementary subjects and received some instructions concerning catechisms and various church services. A particular feature of the school was that the scholars all had to wear mediaeval monkish garb [5. p. 227]. Unequivocally,

the scholars' habiliments made a deep impression on the mind of the young boy. Apart from that, the Chattertons had been sextons of St. Mary Redcliffe Church in Bristol (Chatterton's favorite place to wile away leisure hours at) for at least one hundred and fifty years [1]. Chatterton learned how to read from a black letter Bible (a very important fact) and since very early childhood he spent days wandering through the precincts of the church, staring at its gothic cathedral ceilings, walking amongst its columns, looking at its wall engravings, ancient tombs and monuments, opening up old chests in the muniment-room, leafing through old parchments, chantries, maps, plans, vestry deeds, and ancient scrolls filled with all sorts of heraldic symbols, staring out of the church medieval stained glass windows, listening to the chime of the tower bells and pipe organ music, breathing the church air... This was the world Chatterton was born into. The church of St. Mary occupied a focal point in the mind of young Chatterton. He seemed to be living in two completely different worlds simultaneously, i.e., the reign of king George III on the one hand, and the world of William Canynge, a liberal merchant and five times Mayor of Bristol, who brought the construction of the church to its completion in the 15th century. The world of king George III Chatterton simply endured, but the world of William Canynge was Chatterton's strongest fascination and obsession. In this latter world he invented a supposed priest of the 15th century, Thomas Rowley of St. John in the city of Bristol, whose manuscripts he "miraculously" came across in the muniment-room of the church of St. Mary, thus becoming the "translator" of Rowley's writings. Also, while perusing all those miscellaneous ancient parchments and records, Chatterton seemed to have learned to decipher some of them and "... out of those papers he may have derived hints that were of use to him in his attempt to represent the circumstances of Canynge's life." [1, p. 47]. And, consequently, Chatterton became obsessed with writing his own account of Bristol of the 15th century. A very important fact to understand is that with all that mystification surrounding *Rowley Poems*, Chatterton was not just writing history, he was creating his own history, filling it with imaginary or semi-fictitious characters "... whom he thought proper to group around Canynge..." [1, p. 47]. Whenever Chatterton had completed a new Rowley poem, he would give it to his friend, Mr. George Catcott, an antiquarian in Bristol, and get paid. This literary mystification seemed to be working out just fine, i.e., Chatterton delighted in what he loved to do most (writing verses), many people were misled, he appeared to have won a good reputation in Bristol, his writings were regarded (at least by some people at that time) to be the examples of the finest poetry and he was getting remunerated for his endeavors. The future opportunities looked very promising and life seemed to be working out for the young boy in 1767.

Considering all of the above, some conclusions must be made. Firstly, when Chatterton was born, the literary mystification had already been an ongoing phenomenon in England and, tempted by it, Chatterton, craving for fame, and want of money, before turning fifteen years of age, "resolved to turn what was best and

most original in his genius, his enthusiasm for the antique, into the service of his worst propensities. In other words, he resolved to adopt, with certain variations and adaptations to his own case, the trick of Macpherson.” [1, p. 51]. Besides, Chatterton’s mind was infused by the then current Walpole’s ingenious literary hoax surrounding his *Castle of Otranto*, which the latter disguised as an ancient manuscript written by some obscure Italian monk. Consequently, Chatterton was “inspired” to undertake something similar.

Secondly, he was a descendant of three generations of sextons of the church of St. Mary Redcliffe with which he became fascinated to the point of obsession. That church, with all its ancient history, opened up its gates for the young boy to the world of the obsolete, and that is where Chatterton’s heart beat most nobly. The church of St. Mary came to be the foundation stone upon which Chatterton built his own artificially-antique style of writing and his own history of Bristol of the 15th century. There is no surprise that he chose exactly this kind of literary expression. It started off as a mere playful exercise which became a habit, the habit culminated to his obsession with the antique and from that point on, there was no way of retracting from it. Mr. Burgum hoax was just the beginning, a mere practice for the 14-year-old Chatterton where his invented ancient English poet, John de Bergham, would become the prototype of Thomas Rowley, a parish priest of St. John, and a good friend of William Canynge.

Thirdly, at Colston’s, where Chatterton spent seven years of rigid education, the main subject on the curriculum was the rigorous and meticulous study of divinity, and prior to that, having learned how to read from a black letter Bible, should it then come as a surprise that he settled on a mediaeval monk as his alter ego?

Ultimately, Chatterton had to face the consequences of his Rowley mystification, i.e., whether to admit his fabrication of literature and history, or to keep insisting on the authenticity of his *Rowley Poems*. David Masson put it pretty straightforward in his famous essay on Chatterton, when he wrote: “Would it have been better for Chatterton had he made the attempt? Who can tell? On the one hand, by refraining from it, he moved to a fate sad enough; on the other, he might have lived on a hardened literary liar.” [1, p. 205]. Chatterton never acknowledged his Rowley mystification and, while living in a garret room in Brooke Street, being almost famished, committed suicide by swallowing arsenic in water [6, p. 100] laced with opium on the 24th of August, 1770.

Six years after, Dr. Johnson visited Bristol, trying to acquire some information about Chatterton. He met with Mr. Barrett and Mr. Catcott, who showed him the original manuscripts and “the chest” in the muniment-room of the church of St. Mary. After perusing the manuscripts for a while, he concluded that Chatterton was a forger, but this fact did not prevent Dr. Johnson from making his famous statement: “This is the most extraordinary young man that has encountered my knowledge: it is wonderful how the whelp has written such things” [1, p. 264].

REFERENCES

1. *Masson, D.* Chatterton: A Story of the Year 1770 / D. Masson. – London : Macmillan, 1874. – P. 27–264.
2. *Owlett, F. C.* Spacious Days and Other Essays / F. C. Owlett. – Herbert Joseph Limited, 1937. – P. 109–110.
3. *Swift, J.* The Works of the Rev. Johnathan Swift, D. D., Dean of St. Patrick's, Dublin. Vol 9 / J. Swift ; ed. J. Nichols. – London, 1801. – 306 p.
4. *Bristow, J.* Oscar Wilde's Chatterton. Literary History, Romanticism, and the Art of Forgery / J. Bristow, R. N. Mitchell. – New Haven ; London : Yale University Press, 2015. – P. 113–115.
5. *Ingram, J. H.* Chatterton and His Associates. / J. H. Ingram. – Harper's New Monthly Magazine, 1883. – 227 p.
6. *Gregory, G.* The Life of Thomas Chatterton, with Criticisms of His Genius and Writings, and a Concise View of the Controversy Concerning Rowley's Poems / G. Gregory. – London : G. Kearsley, 1789. – 100 p.

Поступила в редакцию 03.01.2021

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 1 (116), 2022

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *В. М. Василевская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 25.02.2021. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 6,96. Уч.-изд. л. 7,52. Тираж 100 экз. Заказ 6.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172